Герой Советского Союза гвардии майор Б. Д. Кабишев с молодым летчиком гвардии лейтенантом А. А. Коробовым.

Цветное фото И. Шагина

Голубые глаза

Музыка Вячеслава Волкова
Слова Вас. Сидорова

1

За рекой до зари, как шальные,
Заливались в садах соловьи.
Унесли мой покой голубые,
С небом схожие, очи твои.
Замирало веселое пенье,
Покрывалась туманом река.
С сердцем, полным любви и волненья,
Провожала тебя в облака.

2

Ожиданьем долгим измучась,
Я смотрела в родной небосвод:
Может быть, за какой-нибудь тучей
Вдруг покажется твой самолет?
Мысли смелые, вести плохие, —
Ничего от меня не таи.
Я люблю, я люблю голубые,
С небом схожие, очи твои.

3

Привыкают сердца к расставаньям,
Если любишь и ждешь и грустишь.
Как на первое наше свиданье,
Над цветущей землей ты летишь.
Можешь, друг мой, подругой гордиться:
Я высокое небо люблю,
Я твою краснозвездную птицу
По полету теперь узнаю.

4

Морякам — беспокойное море,
А орлам — океан голубой.
Пусть всегда тебя манят просторы, —
Я довольна своею судьбой.
Ты вернешься — и, будто впервые,
За рекой запоют соловьи.
Я люблю, я люблю голубые,
С небом схожие, очи твои.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 29 (1154) 17 июля 1949

27-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Утро в Центральном аэропорте Внуково. Пассажиры заняли места в кабине. Самолет рулит на старт.

Фото О. Кнорринга

В. СТАЛИН,
командующий Военно-Воздушными Силами Московского военного округа, гвардии генерал-лейтенант авиации

День Воздушного Флота СССР, установленный решением советского правительства в 1933 году, стал традиционным праздником нашего народа. В этот день проводится боевой смотр достижений советской авиации, ее технического совершенства и мастерства летных кадров. Воздушные парады, проводимые на Тушинском аэродроме, являются наглядной демонстрацией могущества советской авиации и вызывают чувство законной гордости у всего советского народа.

Сталинская авиация — любимое детище народа. С неослабной энергией советские люди трудились над созданием своей авиационной промышленности, над укреплением боевого могущества своего Воздушного Флота. В результате героического труда советского народа и мудрой политики большевистской партии, под водительством великого Сталина наша страна стала передовой в мире, могучей авиационной державой.

День Воздушного Флота СССР в 1949 году проводится в обстановке мощного патриотического подъема советского народа и замечательных успехов на фронте социалистического строительства. По всей Советской стране, на ее необъятных просторах рабочие и колхозники, инженерно-технические работники, советские ученые и работники искусства единой, дружной семьей направляют свои усилия на досрочное выполнение плана послевоенной пятилетки.

Героический труд советского народа служит источником, вдохновляющим советских авиаторов на новые успехи в боевой и политической учебе. Самой почетной и ответственной задачей советской авиации является надежно и бдительно охранять этот созидательный труд советского народа, охранять его счастливую жизнь и творческую деятельность по строительству коммунизма в нашей стране. Сознание возвышенной цели этой задачи пронизывает всю работу личного состава нашей авиации.

В капиталистических странах авиация, как вся армия и флот, служит интересам кучки монополистов, их захватническим целям. Англо-американские империалисты возлагают большие надежды на авиацию в осуществлении своих агрессивных планов развязывания новой войны и завоевания мирового господства.

Советская авиация имеет благородную задачу вместе со всеми Вооруженными Силами надежно защищать государственные интересы Советского Союза, бдительно стоять на страже мира.

Наша авиация безраздельно служит своему советскому народу. Славный путь развития советской авиации, вписавшей много ярких страниц в героическую историю борьбы нашего народа за свободу и независимость своего отечества, является свидетельством материального и морального ее превосходства.

За восемь с лишним лет до вероломного нападения гитлеровской Германии на нашу Родину великий вождь Иосиф Виссарионович Сталин произнес полные силы, гордости и огромного исторического значения слова: «У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь». Мудрость и дальновидность ленинско-сталинской политики партии большевиков выразились в том, что наша страна заблаговременно была подготовлена к схватке с империализмом.

Победа социализма в СССР привела к морально-политическому единству всего советского общества. Рабочий класс и класс крестьян превратились в совершенно новые классы — классы социалистического общества, каких раньше не знала история человечества.

Стала совершенно иной и наша интеллигенция. Движимые единым стремлением добиться новых успехов в экономическом и политическом развитии нашей страны, все народы Советского Союза делали все возможное для укрепления советского строя, его экономики.

Вместе со всей Советской Армией развивался и наш Военно-Воздушный Флот. Ни одна страна не знает такого быстрого роста производства самолетов, как Советский Союз. За период с 1930 по 1939 год советские заводы увеличили выпуск самолетов в 6,5 раза. Под непосредственным руководством товарища Сталина советские конструкторы создали боевые машины, по своей маневренности, потолку, скорости превосходившие все, что имели на своем вооружении воздушные силы других стран.

Появились превосходные самолеты советского производства и советской конструкции. Советское общество воспитало людей, способных лучше, чем в любой другой стране, управлять лучшими в мире машинами. На весь земной шар прогремело славное имя Валерия Чкалова, великого летчика нашего времени. В нем воплотились героические черты нашего народа, его талантливость, ясность мысли, бесстрашие и пламенный патриотизм.

Созданная в годы сталинских пятилеток авиационная промышленность особенно ярко показала свою производственную мощь в годы Великой Отечественной войны. По сравнению с 1941 годом к концу войны парк самолетов в СССР вырос в 5 раз. В последние три года войны советская авиационная промышленность давала Вооруженным Силам до 40 тысяч самолетов в год. Могучие потенциальные возможности, которыми обладает плановое хозяйство нашей страны, позволили уже в ходе войны сравнительно быстро ликвидировать количестаенное превосходство гитлеровской авиации и добиться господства в воздухе. Если в первые месяцы войны наша авиация, превосходя немецкую по качеству, уступала ей в количестве, то уже начиная с битвы под Сталинградом и особенно в дни сражений на Курской дуге немцы потеряли и количественное преимущество.

Как до Великой Отечественной войны, так и в ходе ее советские авиационные конструкторы А. Н. Туполев, А. А. Архангельский, С. В. Ильюшин, С. А. Лавочкин, А. С. Яковлев, А. И. Микоян и другие неустанно работали над созданием превосходных бомбардировщиков, невиданного в мире штурмовика, лучших в мире истребителей.

Наиболее наглядно могущество советского авиационного наступления как составной части всесокрушающего наступления Советской Армии было продемонстрировано при нанесении 10 сокрушительных сталинских ударов по врагу в битвах 1944 года, закончившихся полным изгнанием немецких захватчиков из пределов советской земли. Новые страницы боевой славы и воинского мастерства советские авиаторы вписали в историю Отечественной войны в дни боев в Восточной Пруссии, в Польше, в Румынии, в Венгрии, в берлинском сражении и при освобождении Чехословакии, совершив за время войны более 3 миллионов боевых вылетов.

Подводя итоги боевых действий советской авиации против немецких захватчиков, товарищ Сталин отметил: «Славные соколы нашей Отчизны в ожесточенных воздушных сражениях разгромили хваленую немецкую авиацию, чем и обеспечили свободу действий для Красной Армии и избавили население нашей страны от вражеских бомбардировок с воздуха».

В схватках с врагом наши летчики, как правило, оказывались победителями. Имена славных богатырей советского неба — Покрышкина А. И., Кожедуба И. Н. и многих других — служат для поколений советских авиаторов вдохновляющим примером высокого патриотического долга, героизма и беспредельной преданности своей Родине.

За героизм, проявленный в боях с врагом, около 200 тысяч солдат, сержантов, офицеров и генералов авиации награждены орденами и медалями СССР. Более, чем 2 тысячам летчиков присвоено звание Героя Советского Союза, из них — 61 дважды Героя и два трижды Героя.

Своими боевыми успехами советские летчики обязаны советскому народу, большевистской партии и товарищу Сталину. Советский народ своим героическим трудом создал все необходимое для победы. Партия большевиков явилась организатором и вдохновителем победы. Товарищ Сталин вдохновлял весь народ и вел к победе. По его гениальным планам осуществлялись операции по разгрому врага, он создал советскую военную науку и разработал основные принципы боевого применения авиации. Товарищ Сталин обучил и воспитал кадры талантливых авиационных конструкторов, авиационных офицеров и генералов. Вот почему советская авиация в Отечественной войне предстала перед всем миром как грозная и непобедимая сила нашего социалистического государства.

Отмечая День Воздушного Флота, мы должны еще и еще раз подчеркнуть то обстоятельство, что нашей стране принадлежит безусловный приоритет во всех областях развития авиационной науки, авиационной техники и искусства техники пилотирования. Мы с гордостью заявляем, что наша страна по неоспоримому праву называется родиной авиации, что в России раньше всех стран ученые и изобретатели

заложили основы авиационной науки и создали первый в мире самолет, и лишь косность буржуазии царской России и низкопоклонство правящих кругов перед иностранщиной тормозили развитие отечественной авиации.

Русская научно-техническая мысль уделяла серьезное внимание вопросам изучения и покорения воздушного океана. Первым в мире ученым, практически подошедшим к созданию летательного аппарата тяжелее воздуха, был гениальный русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов, который после многочисленных расчетов и экспериментов создал действующую модель геликоптера.

Талантливый изобретатель, морской офицер, кораблестроитель, А. Ф. Можайский в 1882 году, на 20 лет раньше, чем это было сделано за границей, построил и успешно испытал в полете первый в мире самолет.

Честь создания аэродинамики как науки принадлежит гениальным русским ученым: профессору Н. Е. Жуковскому и Герою Социалистического Труда академику С. А. Чаплыгину. На базе теории авиации Жуковского и Чаплыгина строятся ныне все расчеты, связанные с конструированием самолетов не только у нас в стране, но и за рубежом.

Знаменитый деятель науки К. Э. Циолковский является творцом новой отрасли аэродинамики — теории реактивного движения и ракетодинамики.

Родиной тяжелых многомоторных самолетов является также наша страна. Начало положили русские тяжелые воздушные корабли «Русский витязь», «Илья Муромец», «Святогор», созданные усилиями русских инженеров на Русско-Балтийском заводе.

Гвардии генерал-лейтенант авиации
В. И. СТАЛИН.

Великий летчик нашего времени В. П. Чкалов обосновал и практически доказал возможность выполнения целого ряда новых фигур высшего пилотажа, не предусмотренных прежними нормами и ставших теперь достоянием советских летчиков. Такими фигурами являлись: четверная бочка, выход из пикирования и набор высоты в перевернутом полете, восходящий штопор и другие. Чкаловские традиции умелого использования всех данных самолета в воздухе стали незыблемыми для советских мастеров высшего пилотажа.

Летчику-испытателю Василию Андреевичу Степанченку принадлежит бесспорный приоритет в выполнении всего комплекса фигур высшего пилотажа на планерах.

Талантливый летчик Степан Павлович Супрун, впоследствии дважды Герой Советского Союза, первый начал делать многократные штопорные бочки и тем самым положил основу непрерывных комбинаций сложных фигур, которые выполнялись сплошным каскадом. Эта виртуозная техника пилотирования впервые появилась только в нашей стране. Иностранная авиация ничего подобного не знала в то время.

В послевоенное время в деле выполнения фигур высшего пилотажа летчики нашей страны достигли новых успехов. Советскими летчиками впервые в мире был осуществлен индивидуальный и групповой пилотаж на скоростных самолетах. Теперь искусством высшего пилотажа на скоростных машинах овладели многие советские летчики. В нынешнем году мастерами такого высшего пилотажа являются: полковник Чупиков, гвардии подполковник Пашкевич, гвардии подполковник Беликов, подполковник Гудков, гвардии подполковник Луцкий,— за ними следуют молодые талантливые летчики: гвардии подполковник Шульженко, гвардии капитан Громов, лейтенант Богачев, капитан Сальников, старший лейтенант Алексеев, старший лейтенант Майоров, капитан Аноприенко, старший лейтенант Кузнецов, лейтенант Васильев, старший лейтенант Ковалев и многие другие.

Русский изобретатель Д. П. Григорович построил первый в мире гидросамолет, а также первый в мире истребитель с убирающимися шасси.

Настоящее искусство полета также зародилось в России.

Первым исследователем и мастером выполнения правильных виражей, в том числе и глубоких кренов более 45 градусов, явился основоположник высшего пилотажа русский военный летчик Петр Николаевич Нестеров.

Он же первый в мире осуществил мертвую петлю и провел первый в истории авиации воздушный бой, закончив его тараном. Благодаря ценнейшим исследованиям Нестерова авиацией были освоены такие фигуры, как виражи, боевой разворот, петли, управляемые перевороты через крыло.

Первым летчиком, который совершил преднамеренный ввод самолета в штопор, был инструктор Качинской летной школы Константин Константинович Арцеулов.

На широкий путь, в свой высший этап развития авиация нашей страны вступила лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда были созданы все предпосылки для расцвета, для свободного творчества. Благодаря заботе партии Ленина — Сталина и советского правительства, благодаря социалистическому строю были созданы все условия для развития отечественной науки и техники, в том числе и авиации.

Уже в 1918 году по указанию Ленина и Сталина у нас в стране создается Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ) и ряд других научно-исследовательских учреждений, на базе которых развернулась огромная работа деятелей советской авиационно-технической мысли.

В дальнейшем партия и правительство создают широкую сеть авиационных учебных заведений, где готовились кадры инженеров, техников, летчиков, конструкторов и других специалистов. Благодаря всем этим мероприятиям наша советская авиационная наука, как и вся молодая советская авиация, вступила в свой новый, высший этап развития.

За первую пятилетку была создана собственная авиационная промышленность. За годы второй пятилетки наша авиация получила на вооружение мощные четырехмоторные бомбардировщики и двухмоторные скоростные самолеты, которые по своим боевым качествам превосходили заграничную технику. Самолеты, созданные талантливым конструктором А. Н. Туполевым, были в то время лучшими тяжелыми бомбардировщиками. На отечественных самолетах экипажи великого летчика В. П. Чкалова и М. М. Громова совершили выдающиеся перелеты по сталинским маршрутам.

В 1934 году Михаил Громов поставил мировой рекорд дальности по замкнутой кривой: он пролетел 12 411 километров за 75 часов 2 минуты.

В 1937 году экипаж В. П. Чкалова совершил беспримерный перелет по маршруту Москва — Северный полюс — США общей протяженностью 12 тысяч километров и продолжительностью 63 часа 25 минут.

До войны 62 международных рекорда на высоту, скорость, грузоподъемность и дальность полета были завоеваны советскими летчиками.

Продолжая и развивая дальше в условиях советского социалистического государства труды родоначальника высшего пилотажа Петра Нестерова, советские летчики достигли и здесь блестящих успехов.

Проводимые во время празднования Дня Воздушного Флота в Тушине воздушные парады показывают новую ступень в развитии искусства пилотирования, где каскады фигур высшего пилотажа выполняются не одиночными самолетами, а группами самолетов.

Как в предвоенные годы, как во время Великой Отечественной войны, так и в послевоенный период Советский Союз занимал и занимает ведущее место в мире в развитии авиации.

Личный состав Воздушного Флота успешно осваивает новую авиационную технику. Летчики непрерывно совершенствуют свое боевое мастерство и успешно решают поставленную товарищем Сталиным задачу летать дальше всех, быстрее всех и выше всех.

На различных учениях в обстановке, приближенной к боевой, командиры и их штабы, летчики и штурманы, инженеры и техники, младшие авиаспециалисты показывают образцы смелых и инициативных действий, свидетельствующие о том, что советские авиаторы умело овладевают этой новой авиационной техникой, двигают вперед авиационное дело, совершенствуют свое боевое мастерство. Множатся ряды отличников боевой и политической подготовки, растет количество отличных экипажей и подразделений.

Коммунист — это воин, идущий впереди других. Сознание принадлежности к великой партии Ленина—Сталина рождает в нем чувство высокой ответственности за порученное дело. Благодаря организующей и направляющей роли авиаторов-коммунистов наши летно-технические кадры способны выполнить в любой обстановке любое задание партии и правительства.

В ходе выполнения задач по укреплению боевой мощи авиации выросли такие замечательные командиры, как гвардии старший лейтенант В. К. Таран, известный всем как мастер меткого огня, точного удара по цели; тов. Таран ведет большую партийную работу, он слушатель университета марксизма-ленинизма.

Замечательные летчики, успешно овладевшие новой техникой, офицеры Клименко Николай Николаевич, подразделение которого отлично справилось с поставленной задачей, Моисеев Борис Васильевич и многие другие, имеющие отличную боевую подготовку, составляют золотой фонд нашей советской авиации, и ими по праву гордится наш советский народ.

В этом году Советский Воздушный Флот к своему празднику приходит с новыми успехами в боевой подготовке. Советские люди знают, что могучие крылья Воздушного Флота СССР надежно прикрывают наше советское небо от посягательств поджигателей новой войны.

Достигнутые успехи в боевой и политической подготовке и возросшее воинское мастерство советских авиаторов не дают нам права успокаиваться на достигнутом.

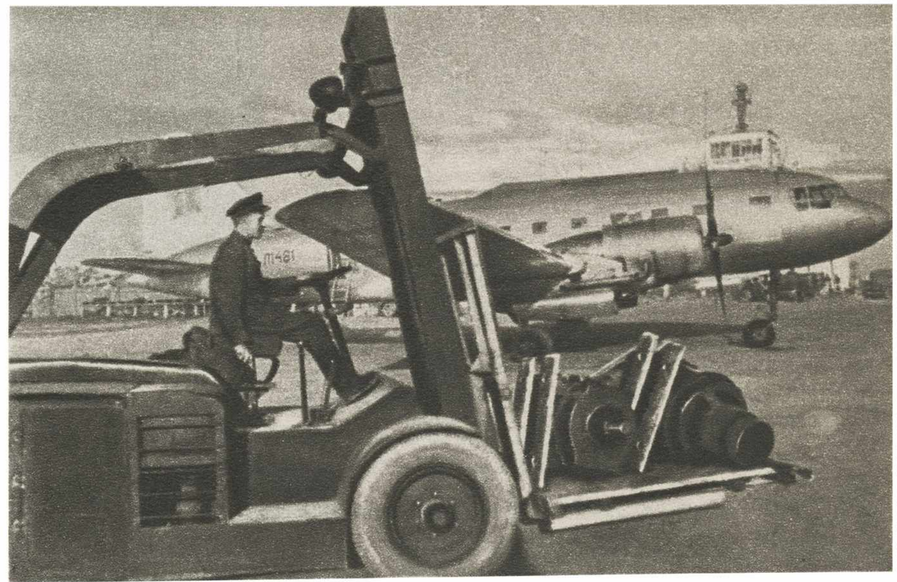
Министр Вооруженных Сил Союза ССР маршал Советского Союза товарищ А. М. Василевский в своем первомайском приказе № 38 за 1949 год поставил задачу достигнуть новых успехов в боевой и политической подготовке.

Личный состав авиации направляет всю свою энергию на выполнение этой задачи и напряженно работает над дальнейшим укреплением мощи Воздушного Флота СССР.

НА ВОЗДУШНЫХ ПУТЯХ НАШЕЙ РОДИНЫ

Текст С. Морозова **Фото О. Кнорринга**

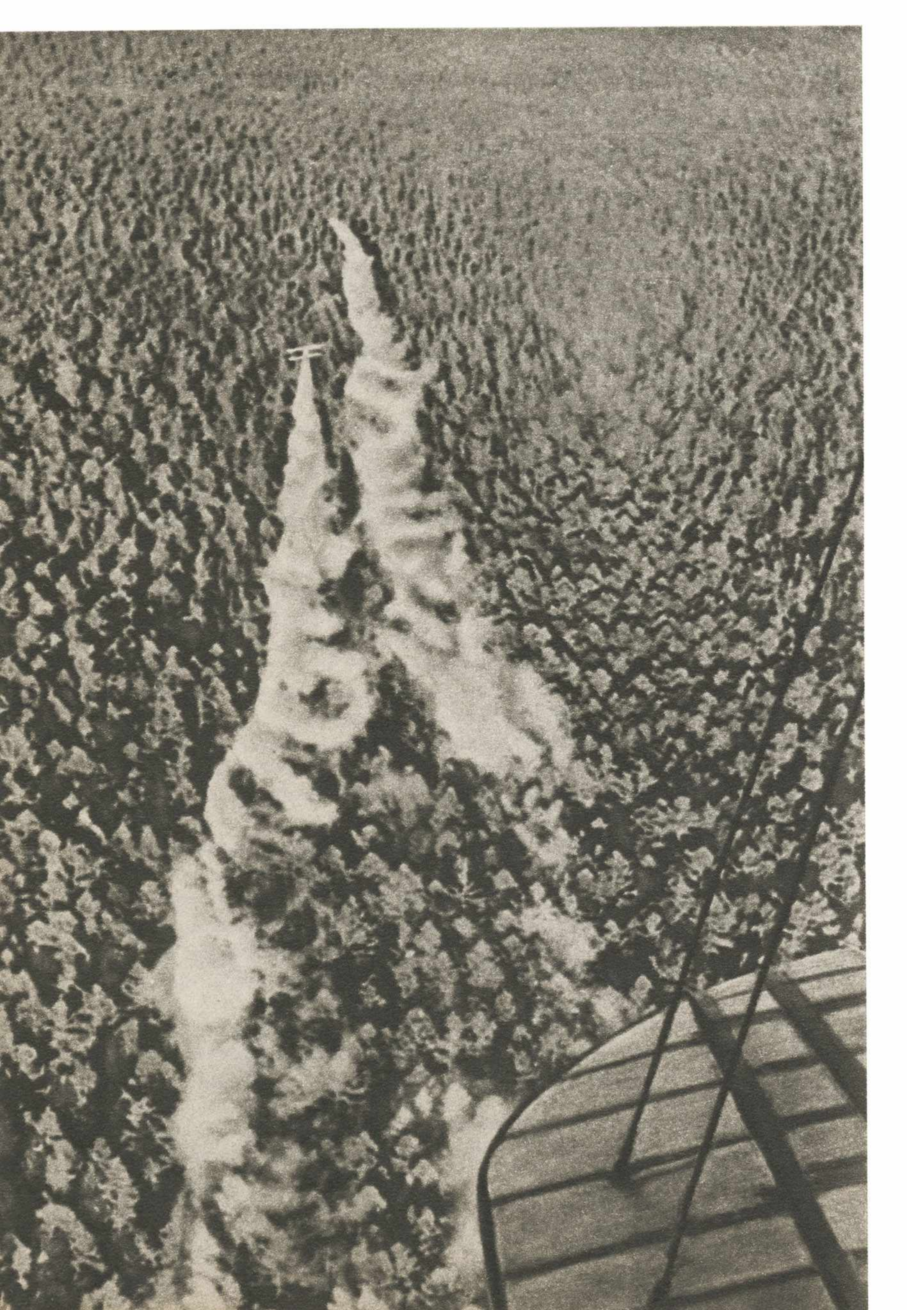

Вверху: самолет санитарной авиации на аэродроме в городе Сороки (Молдавская ССР); на срочную операцию вылетает профессор А. А. Троицкий. Ниже: на загрузке транспортных самолетов в Центральном аэропорте Внуково работают автопогрузчики.

Вокзал... Слово это неизбежно ассоциируется с грохотом металла, дымом и копотью паровозов, сутолокой в залах. Трудно представить себе крупный вокзал в соседстве с густым березовым лесом, в тишине, прерываемой лишь стрекотанием кузнечиков и птичьими голосами. А между тем именно так выглядит один из вокзалов столицы — Центральный аэропорт Внуково.

В том, что мы сравниваем его с оживленной железнодорожной станцией, нет ни малейшего преувеличения. Чтобы отправить поездами всех пассажиров, ежедневно вылетающих из Москвы в разные уголки нашей необъятной Родины, потребовался бы не один состав дальнего следования.

Рядом с асфальтированным перроном зеленеет трава. Самолет «Ильюшин-12» подкатывает к перрону на пневматических шинах своего трехколесного шасси. Носильщики в белых фартуках подвозят к двери кабины широкую с перилами лестницу. Внутри самолета тридцать два места — столько же, сколько и в мягком вагоне. Пассажиры усаживаются в широких креслах. Привалившись к откидным спинкам, можно читать, отдыхать, спать.

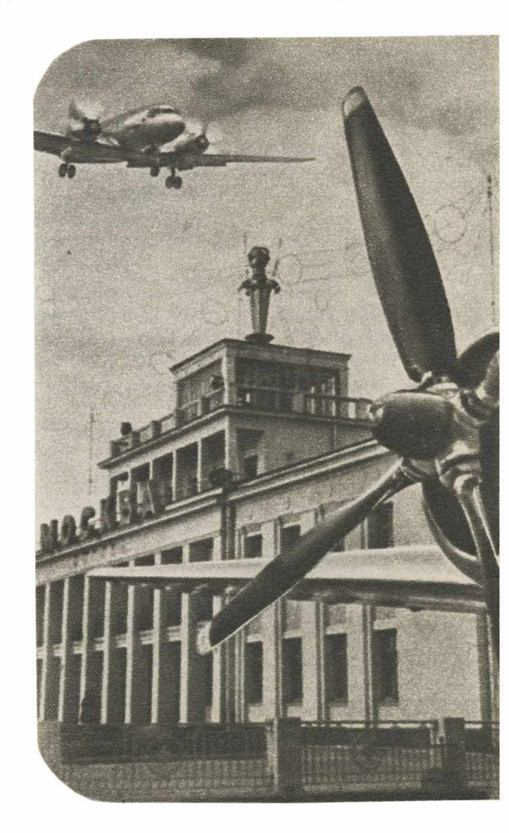
Над Байкальской тайгой самолет опыляет леса, пораженные вредителем-шелкопрядом.

Фото Г. Липскерова

В пестрой толпе, заполняющей просторный, отделанный мрамором вестибюль Внуковского аэровокзала, рядом с фетровой шляпой ученого можно видеть и цветастый платок колхозницы, и кожаную куртку районного заготовителя, и брезентовый пыльник сельского учителя, и блестящий галунами мундир горняка. Люди всех возрастов и профессий привыкли пользоваться услугами авиатранспорта. Никого уже не удивляет, что самолет, в семь утра стартующий из Москвы, на следующее утро в одиннадцать опустится в Хабаровске, что путь от столицы до Ташкента занимает всего десять часов! Если вы летите в Алма-Ату, то за полсуток, проведенных в кабине «Ильюшина», увидите из окна и трубы свердловских заводов, и кустанайские степи, и соленые волны Балхаша. Калининград — Москва — Владивосток—одна из самых протяженных континентальных азиалиний земного шара. Путь от Балтики до Тихого океана пассажир самолета может совершить за трое суток. От Москвы до Караганды и до Ашхабада аэрофлот перевозит больше пассажиров, чем железные дороги.

Столичный аэропорт — не только транспортный узел, но и центр оперативного управления воздушными кораблями в пути.

Молодой русоволосый человек с Золотой Звездой на синем кителе сидит за столом перед многочисленными радиотелефонными аппаратами. Герой Советского Союза Леонид Степанович Святошенко, в недавнем прошлом летчик-штурмовик, — ныне заместитель начальника службы движения. Рядом с ним на стене большая карта, на которой Москва обведена кругом радиусом в 100 километров. В круге прочерчены секторы — воздушные дороги в столицу с севера, юга, востока и запада. В воздухе становится тесно, а в облаках нет стрелок, семафоров, автоматической сигнализации — всего того, что на земле предохраняет поезда от столкновения. Но за каждым самолетом наблюдают с земли. Пилот, выле-

Здание аэровокзала в Центральном аэропорте Внуково.

Вверху: заправка самолета отравляющим веществом для опыления болот — очагов малярии в Азербайджане. Ниже: агроном колхоза «Луч социализма» Ивановской области тов. Урюпина показывает пилотам Будылину и Соболеву, какие поля нужно подкормить удобрениями с воздуха.

тевший из Внукова, ведет свою машину только тем коридором и только на той высоте, которая предусмотрена рейсовым заданием. Когда самолет выходит за пределы 100-километровой зоны, он поступает в подчинение уже другой инстанции — районной диспетчерской службы. Она провожает пилота по трассе до зоны действия следующего аэропорта.

На серых бетонных дорожках, которые во всех направлениях пересекают широкое летное поле аэродрома, ни на минуту не прекращается движение.

Из Тбилиси с пассажирами прилетел пилот Андрианов. Только что приземлился грузовой самолет из Кишинева — летчик Смирнов привез москвичам свежую молдавскую черешню. Неподалеку из кабины «Ильюшина» выгружают доставленные из Харькова электромоторы. На выгрузке работает автопогрузчик — машина, способная поднимать большие тяжести, перевозить их на любые расстояния, укладывать в штабеля. Автопогрузчик во Внукове — лучшее свидетельство того, как прочно вошли перевозки грузов в повседневную работу гражданской авиации.

Вечером эта черешня, которая грузится на самолет в Кишиневе, будет продаваться в Москве.
Фото В. Альгина (ТАСС)

30—40 тонн почты, около 100 тонн различных грузов ежедневно отправляет Центральный столичный аэропорт. Наряду с Москвой прямым авиасообщением связаны между собой крупнейшие города страны, промышленные центры, курорты.

А сколько у нас так называемых авиалиний местного значения! В отдаленных районах: на Памире, на Севере, в степях Казахстана и в красноярской тайге — самолет — единственное средство быстрого сообщения.

175 тысяч километров — такова общая протяженность воздушных путей СССР, предусмотренная сталинским послевоенным планом восстановления и развития народного хозяйства.

Гражданская авиация в нашей стране — не только транспорт. Самолет проник во все области труда и быта советских людей.

Вооруженные химической аппаратурой, самолеты опрыскивают ядами болота и плавни, ликвидируя рассадники малярии; они уничтожают вредителей на посевах свеклы и хлопчатника, в садах и виноградниках. Каждую весну над полями озимой пшеницы и ржи, над залитыми водой рисовыми плантациями маленькие «ПО-2» разбрасывают с воздуха удобрения. Колхозы охотно заключают договоры с Аэрофлотом на воздушную подкормку посевов. Только в прошлом году применение такой подкормки дало миллион пудов дополнительного урожая зерновых. Патрульные самолеты летают над необъятными просторами тайги, борясь с лесными пожарами, ведут разведку рыбных косяков на путине.

Серебристые, с красными крестами, легкие бипланы садятся в далеких деревнях и горных аулах, в прибрежных становищах рыбаков и в тундре у оленеводов, привозят врачей к тяжело больным, доставляют в больницу тех, кто срочно нуждается в операциях.

Надежность, повседневность, массовость применения гражданской авиации — результат самоотверженной работы тех, кто скромно именует себя «воздушными извозчиками». Пилоты-миллионеры, т. е. налетавшие более миллиона километров каждый, насчитываются в Аэрофлоте уже десятками. Экипажи самолетов, наземно-технический состав, коллективы подразделений и портов соревнуются на перевыполнение плана перевозок.

Лидерами соревнования неизменно идут москвичи. Московские пилоты Г. И. Иванов, Н. Г. Звягин и их товарищи еще в прошлом году начали летать в Хабаровск по стахановскому графику. С тех пор этот график стал законом движения. Экипажу Г. И. Иванова — лучшему в Аэрофлоте — уже дважды присуждался переходящий вымпел Совета министров СССР. Командиры московских подразделений Аэрофлота В. М. Черняков и К. Д. Бирюков, налетавшие каждый свыше 1½ миллионов километров, успешно передают свой опыт молодым. Ветеран гражданской авиации Василий Дмитриевич Бажан завершил недавно свой второй воздушный миллион.

Колхозники Украины с благодарностью говорят о пилоте Гончарове, чьим трудом очищены от долгоносика сотни тысяч гектаров свекловичных полей. Пилот Балинаец, работающий на подкормке озимых, широко известен в казачьих станицах Ростовской области и Ставропольщины. Садоводы и виноградари Кубани, собирая большие урожаи, добрым словом вспоминают летчика Кибец и его товарищей.

Сталинские соколы, мужественные защитники родного народа в дни войны, стали в мирной жизни верными друзьями и помощниками советских людей в труде и быту.

Центральный аэропорт Внуково. Два дня назад эти юные пассажиры были еще во Владивостоке.

Утро аэроклуба

Евг. РЯБЧИКОВ

Коротка летняя ночь. Скоро рассвет... Еще алеют в затуманенном небе огни воздушных светофоров. Еще пустынны московские улицы. Еще не пропели гудки. Но куда это так стремительно мчатся грузовики? Они мчатся за город — туда, где голубеющий асфальт, прорвавшись сквозь кудрявую зелень Покровско-Стрешнева, будто ныряет в мраморный тоннель, под железобетонное ложе канала имени Москвы, затем прорезает крутую насыпь Окружной железной дороги и свободно устремляется к раздолью Тушинского аэродрома.

В дощатых кузовах автомобилей — юноши и девушки. Едут в аэроклуб молодые москвичи — рабочие и студенты, служащие и железнодорожники. Едут те, кто мечтает о больших полетах в светлом небе, кто расправляет свои смелые крылья. В машине фрезеровщик Борис Комарков, слесарь Александр Комиссаров, сборщик автомобилей комсомолец Виктор Беззубаков и другие.

Если бы мы могли в этот предрассветный час окинуть взором все дороги, ведущие к аэроклубам страны, то повсюду увидели бы схожую картину. Так же, как и в Москве, мчатся белой ночью машины с молодыми рабочими «Электросилы» и знаменитого завода имени Кирова по Выборгской стороне и Лесному проспекту к летному полю Ленинградского аэроклуба. Мимо нефтяных вышек Баку, мимо яблоневых садов Симферополя, мимо седых башен горьковского Кремля, мимо руин замка Гедимина в Вильнюсе едут члены аэроклубов. Едут они и мимо тракторного завода во Владимире, мимо колхозных полей Курска, вдоль величавого Днепра у Киева.

...Автомобили на Тушинском аэродроме.

Спортсмены спрыгивают на землю и бегут к ангарам.

— Сегодня хорошая летная погода, — говорит синоптик дежурному по полетам.

На середину поля выходит стартовая команда. Она несет широкие полотнища для выкладки буквы «Т». Зажав подмышкой флаги, уходит стартер.

Медленно раскрываются тяжелые ворота ангаров. В прохладной полутьме дремлют зеленые бипланы и острокрылые красные монопланы. Сильные молодые руки осторожно подхватывают за консоли крылья, берутся за туго обтянутые перкалем хвосты и выкатывают машины на дорожки. В такой же ранний час когда-то из аэроклубного ангара выводил свой учебный самолет Александр Покрышкин. Так же отруливал к старту Иван Кожедуб.

Кто из летчиков не вспомнит подобное утро в аэроклубе, когда самолеты молчаливой вереницей движутся к старту!

Крылатые машины стоят ровной шеренгой. В четком строю застывают перед ними курсанты и инструкторы. Пройдите перед этим строем, загляните в смелые лица юношей — и перед вами откроется волнующая сердце картина, которую нельзя забыть. Сама юность смотрит на вас, смотрит отважно и дерзко. Карие, синие и голубые глаза полны внутреннего огня и силы.

В этой группе воздушных спортсменов вы встретите курсанта-железнодорожника Серафима Дьячкова и мастера пилотажа Василия Павлова, искусную летчицу-инструктора Маргариту Раценскую и молодую летчицу Зою Марееву.

В Ставрополе среди раздолья степей ждут начала полетов будущие летчики — трактористы Медвежинского зерносовхоза; в древнем Вильнюсе выстроились первые воздушные спортсмены Литвы — высокий, стройный Зенонос Визгирда, комсомолки Эгле Купстайте, Дануте Дилите. Так стоят в едином строю крылатые сыновья и дочери всех братских союзных республик.

В утренней тишине раздается команда: «По самолетам!» Воздушные спортсмены бегут к машинам. Начинается большой летный день.

Небо прозрачно. Даль чиста. Стартеры белыми флагами открывают самолетам путь в небо. Вот взлетает на Тушинском аэродроме стремительный, весь вытянутый, словно заостренный, скоростной тренировочный самолет. Свечой взмывает он ввысь, переворачивается через крыло, набирает высоту и, сделав «бочку», забирается в «зону» — в отведенную ему часть неба, где спокойно можно выполнять любые фигуры высшего пилотажа. А за ним поднимаются, словно выброшенные из пращи, такие же быстрокрылые самолеты. Они подстраиваются друг к другу, идут сомкнутым строем, затем вытягиваются цепочкой и один за другим плавно выписывают большую спираль.

Громче тарахтят моторы учебных «ПО-2». Как только не называют эти зеленые бипланы! Исстари именуют их «летающей этажеркой»; в годы войны их звали «кукурузниками» и «фанерой», в шутку говорили, что это «немножко дерева, завернутого в мануфактуру». Но, пошутив, каждый летчик почтительно скажет: «Это наша летающая парта». За ней сидели все: и прославленные летчики, и генералы...

«Летающая парта» отрывается от земли: кто-то из курсантов впервые полетел «пробовать воздух».

Но что это за тревожные сигналы? Стартер запрещает самолетам взлет и посадку. Небо опустело. На аэродроме сдержанно рокочут моторы тех «ПО-2», которым не удалось подняться в воздух. Несколько инструкторов и курсантов втаскивают в кабину обычного «ПО-2» куль с песком, затем привязывают к консолям крыльев красные ленты. Вам поясняют:

— Курсант Егоров сейчас совершит свой первый самостоятельный полет.

Только этому самолету разрешается вылет. Егоров дает полный газ. Красные ленты на крыльях натягиваются от ветра. Самолет бежит по траве, спокойно отрывается и, набрав высоту, делает разворот. Весь аэродром следит за первым полетом курсанта. Сделав «коробочку» — полет по четырем углам аэродрома, — «ПО-2» идет на посадку.

— Отлично! — говорит начальник учебного отряда.

Сегодняшний день перекликается на аэродроме с далеким прошлым нашей авиации. Посмотрите в дальний угол аэродрома. Мировые рекордсмены-авиамоделисты С. Малик и М. Степченко привезли туда необычную модель. Вокруг нее собираются курсанты, старые летчики, авиамоделисты. Приходят сюда историки авиации и самолетостроители. Все с почтением рассматривают модель первого в мире самолета, того самолета, который построил на 20 лет раньше американцев братьев Райт выдающийся русский изобретатель и ученый Александр Федорович Можайский.

Полетит или не полетит модель, в точности воссозданная по расчетам, проектам и чертежам Можайского?.. Малик запускает двигатели. Модель взлетает. Раздаются аплодисменты.

...Мы летим в Ленинград — в аэроклуб имени А. Ф. Можайского. В сиреневой дымке показываются геометрически четкие кварталы города-героя. Серебрится Нева. Вдали сверкает гладь Финского залива.

На аэродроме оживление. Один за другим взлетают самолеты. Начальник аэроклуба Г. С. Кучерков, командир отряда Герой Советского Союза Е. А. Михаленков принимают зачетные полеты. Гудит небо над аэродромом. Вот взлетает на «УТ-2» слесарь механического завода Василий Артемьев. На таком же скоростном самолете поднимается в воздух студент Лесотехнической академии Владимир Стемпковский. Вот стартуют на двух самолетах «ПО-2» техник Нина Федорова и студентка сельскохозяйственного института Елена Кокозиди.

С прекрасным летчиком, старым воспитателем курсантов, Павлом Ивановичем Королевым и опытным инструктором Василием Дымарчуком мы летим дальше — над Красным Селом. Самолеты кружат над полем. Здесь когда-то принимал пышные военные парады император. Все это в прошлом. Но вечно будет помнить народ то летнее утро 1882 года, когда с этого поля, у подножья Вороньей горы, впервые в мире поднялся в воздух на самолете Можайского летчик Иван Голубев.

Вскоре мы замечаем, что над полем Красного Села появляется еще несколько самолетов.

— Курсанты прилетают сюда почтить память Можайского и Голубева, — говорит Павел Королев.

На поле толпа. Собрались экскурсанты из Ленинграда и Гатчины, местные школьники. Старожил Красного Села Петр Васильевич Наумов, живой свидетель исторического полета, охотно рассказывает гостям о знаменательном событии 1882 года.

...Через несколько дней мы в древнем русском городе Горьком. Под крылом — башни Кремля и крупный автомобильный завод, старинные съезды и мощные портальные краны в речном порту. Вот и Мызинское плоскогорье. Отсюда хорошо видна Ока, впадающая в Волгу. На аэродроме все в сборе.

Заместитель начальника аэроклуба Михаил Ступак 15 лет назад окончил Горьковский аэроклуб. За его плечами большой опыт войны. Сейчас он вновь занят любимым делом.

— Нам выпала честь работать на родине выдающегося русского летчика, основоположника мировой школы высшего пилотажа Петра Николаевича Нестерова и великого летчика нашего времени Валерия Павловича Чкалова,— говорит Михаил Ступак.— Волжане, строители кораблей и автомобилей, паровозов и сельскохозяйственных машин, свято берегут нестеровские и чкаловские традиции. Смотрите, как они летают...

Сормович Григорий Голодков легко взмывает в небо. Его догоняет на другом самолете строитель автомобилей Михаил Разумов.

Самолеты кружат над живописным крутояром, где великий Горький вынашивал свою мечту о новом русском человеке. Здесь возвышается теперь бронзовый памятник Чкалову. К нему летят молодые соколы. Крылатое поколение приветствует своего славного земляка, великого летчика нашего времени.

Летят молодые горьковчане по учебному маршруту — над Канавином и пристанями, над новыми заводами и столетним Сормовом.

Григорий Голодков делает круг над цехом, в котором он работает. Комсомолец приветствует друзей. Около стапелей и башенных кранов стоят рабочие и машут товарищу шапками.

Прощай, Горький! Мы летим над легендарной русской рекой. Наш путь — в Саратов. Вот и острова на Волге, и Лысая гора, защищающая город от ветров, и зелень садов, корпуса саратовских заводов и фабрик, буровые вышки и газовые магистрали.

Начальник Саратовского аэроклуба В. Слесаренко рассказывает о содержательной работе воздушных спортсменов ДОСАВ. Летчик В. Каштанов еще в зимнюю пору летал по трассе комсомольской лесной полосы. В пути члены ДОСАВ проводили агитационную работу. Весной, когда начались первые посадки деревьев на лесной полосе, самолеты аэроклуба не раз вылетали на лесозащитные станции и в тракторные бригады. Летчики искусно приземлялись около полевых таборов. Лесоводы получали свежие газеты, литературу, кинофильмы.

Командир звена Александр Кондаков знакомит нас с летчиками. Инструктор-общественник Константин Гуляев ведет занятие с молодыми курсантами. Внимательно слушают его юноши. Сам Гуляев учится в Юридическом институте. Готовятся к полетам электромонтеры Юрий Творогов и Владимир Горшков, токарь Виктор Завалко и студент Иван Ермолаев.

Наш путь — в Баку. И вот под крылом лес нефтяных вышек, лес заводских труб, плоскокрышие здания, густая зелень парков и черная копоть над перегонными заводами.

Бакинский аэроклуб — один из лучших в стране. Летчики Азербайджана славятся своим мастерством. В этом мы убедились, едва вышли из самолета. На старте стояли два «ПО-2». В кабинах воздушные спортсмены ДОСАВ Абдула Абдулаев и Октай Исмаилов. Оба самолета связаны друг с другом красными лентами.

Летчик Г. Газаров объясняет:

— В «связанном» состоянии азербайджанские воздушные спортсмены выполнят фигуры высшего пилотажа.

Самолеты дружно взлетают и над морем делают петлю, разворот, затем пикируют и снова взмывают в небо.

В тот же день на аэродроме проводились необычные соревнования. На старте пять самолетов. Каждый из них заправлен пятью килограммами горючего. По команде крылатая пятерка устремляется в воздух.

— Кто дольше продержится с минимальным количеством горючего и выполнит заданные упражнения, — тот победитель, — говорят нам.

Самолеты идут один за другим по большому кругу. Вдруг одна машина круто снижается. Вскоре выбывает из соревнований второй самолет, за ним и третий. В небе остаются только две машины. Кто победит?

Самолеты постепенно теряют высоту. Вот они идут на новый круг. Но четвертый самолет внезапно качнул крыльями и приземляется. И только пятый самолет Г. Газарова еще держится в воздухе. Курсанты и летчики радостно приветствуют победителя соревнования.

...Полет по аэроклубам закончен. Мы снова в Тушине. Кружатся в небе скоростные спортивные самолеты. Взлетают и садятся учебные «ПО-2». Обычный день, обычные полеты...

На старте мы встречаем председателя Оргбюро ДОСАВ СССР генерал-лейтенанта Н. П. Каманина. Делимся с ним впечатлениями, говорим о работе общества.

— Деятельность ДОСАВ расширяется, — говорит Н. П. Каманин. — С помощью комсомола увеличился приток молодежи в первичные организации общества. Секции становятся центрами творческой, созидательной работы. Юные конструкторы решают проблему «машущего полета». Заманчиво создать такой легкий мотор и складывающиеся крылья, которые можно надевать на себя и самому лететь с их помощью на небольшие расстояния. Заманчиво создать и «кордовый самолет» — такой легкий учебный самолет, который имел бы маломощный мотор и летал бы на привязи по кругу над аэродромом; инструктор, стоя в середине, наблюдал бы за курсантом и тут же давал бы ему указания.

Мы провели конкурс на лучший планер, и новые планеры уже парят в небе, — продолжает Н. П. Каманин. — Сейчас идет конкурс на лучший спортивный самолет. В секции аппаратов вертикального взлета, которой руководит известный конструктор Н. И. Камов, создаются планеры-автожиры. Много интересных замыслов у талантливых молодых конструкторов ДОСАВ. Они создают совершенно новые, оригинальные образцы моторов для учебных и спортивных самолетов, разрабатывают новые типы учебных аэродромов.

— Как участвует ДОСАВ в праздновании дня Воздушного Флота СССР? — спрашиваем мы генерала.

— В честь Дня Воздушного Флота СССР семь парашютистов ДОСАВ установили выдающийся рекорд группового ночного прыжка с высоты 10 370 метров. В День Воздушного Флота СССР в городах и колхозных селениях выступят перед народом летчики и планеристы, парашютисты и авиамоделисты общества. Лучшие воздушные спортсмены будут участвовать в традиционном празднике в Тушине. Рабочие и колхозники, служащие и студенты продемонстрируют свое летное мастерство и выразят безграничную любовь и преданность большевистской партии и лучшему другу советских летчиков — товарищу Сталину.

Группа парашютистов перед ночным прыжком. Слева направо: П. Полосухин, В. Доросев, С. Коробов, Е. Владимирская, В. Кривой, В. Иванов, К. Ерпичев. Внизу: летчик-инструктор Саратовского аэроклуба Д. Коточков проводит занятие с курсантами.

Фото Н. Зонова

НОВАЯ АРМИЯ ФИЗКУЛЬТУРНИКОВ

Э. ВИШНЯКОВ

Над морским побережьем в этот майский день стоял неумолчный шум моторов. Здесь, в районе Вознесенского шоссе, пролегала дистанция традиционного мотоциклетного кросса на приз газеты «Черноморская коммуна». Чуть ли не с самого старта между гонщиками завязалась ожесточенная борьба, и ее перипетии азартно и темпераментно переживались многочисленными зрителями, пришедшими сюда из Одессы и ее пригородов.

Мотоциклетная гонка! Тот, кто хоть раз участвовал в подобного рода состязаниях или задал себе труд поближе ознакомиться с мотоспортом, хорошо знает, какими разнообразными качествами должен обладать мотоциклист-спортсмен, как сложны требования, которые к нему предъявляет самая обстановка спортивной борьбы. Тебе придется, например, часами двигаться по тряской дороге, пригнувшись к рулю и почти не меняя напряженной позы, — тренируй свою выносливость. В совершенно непроходимых местах, на болотах, в зыбучих песках, на крутых подъемах тебе, может быть, предстоит вытаскивать машину на собственных плечах — накапливай физическую силу. Когда ты будешь мчаться на максимальной скорости, перед тобою внезапно возникнет опасное препятствие; надо будет молниеносно принять решение о том, как преодолеть или обойти его, и столь же молниеносно это решение осуществить,— значит, тренируй быстроту своей реакции, умелье владеть нервами. При всем этом надо до тонкостей знать свою машину.

Мотоциклетный спорт требует большого искусства, разнообразных психофизических качеств; он способствует выработке этих качеств, нужных и для труда и для обороны Родины. Замечательный вид спорта!

Но вернемся к мотокроссу в Одессе. В нем участвовали пятьдесят сильнейших гонщиков города и области. 86-километровая дистанция, проложенная по пересеченной местности, состояла из четырех замкнутых кругов.

Когда гонка закончилась, судьи объявили ее результаты. Первое и третье места заняли имеющие многолетний стаж мотоциклисты «Динамо», на пятое вышла квалифицированная команда общества «Буревестник», на седьмом и последующих местах оказались гонщики «Спартака», ДОСАРМ и других организаций. Кто же в этой трудной гонке завоевал второе, четвертое и шестое места?

...Богат и славен колхоз имени Буденного, что в селе Оноровке, Березовского района Одесщины! Необозримы его поля, на которых зреет обильный урожай! За великолепный труд многие из членов этой артели, в том числе и ее председатель Макар Онисимович Посмитный, удостоены звания Героя Социалистического Труда. На большие доходы от трудовых дней члены сельхозартели приобрели в личную собственность мотоциклы. Уже к маю их было больше полутора десятков. Молодежь решила создать свой колхозный мотоклуб.

Учредителями клуба явились трактористы Юрий и Михаил Дымовы, Иван Зарицкий, Анатолий Павловский, Андрей Мирошниченко, Иван Путенцов, бригадир Павел Ведута, шофер Аркадий Нижник, автомеханик Михаил Посмитный, работники мельницы Иван Посмитный и Иван Спирко, моторист электростанции Николай Пулев и другие.

В свободное от работы время члены мотоклуба, с помощью опытных мотоциклистов Одессы, принявших шефство над клубом, изучали двигатель и технику вождения, овладевали тонкостями мотоциклетного спорта. И вот одиннадцать спортсменов колхоза имени Буденного вышли на старт кросса.

Вы, читатель, конечно, уже догадались: второе, четвертое и шестое места в кроссе, то есть три классных места в первой шестерке, заняли члены команды мотоклуба села Оноровки.

О многом говорит этот успех простых крестьянских парней из рядового украинского села.

И когда мы празднуем Всесоюзный день физкультурника, хочется особо подчеркнуть победу сельских спортсменов.

Только советский строй дал возможность так широко поставить дело физического воспитания людей. Спорт в нашей стране стал бытовым явлением, физкультура рассматривается как одно из важных средств коммунистического воспитания трудящихся, улучшения их здоровья и подготовки советского народа к труду и защите социалистической Родины. Отеческую заботу проявляют партия большевиков, товарищ Сталин о развитии духовных и физических сил советских людей, об их коммунистическом воспитании.

⁂

Острая многодневная борьба на шахматном чемпионате в Калининской области завершилась заслуженной победой Прозорова и Журавлева, набравших по 11 очков из 14 возможных и поделивших первое и второе места. Журавлев прошел весь турнир без поражений, а во встрече с Прозоровым добился победы особенно тонкой и продуманной игрой.

Это было прошлым летом, а в начале весны имя Журавлева не сходило со страниц спортивной печати и часто упоминалось в шахматных отделах многих центральных газет. Григорий Журавлев, колхозник артели «Красный ударник», Калининской области, был участником и одним из победителей Всероссийского шахматного чемпионата колхозников.

Чемпионат длился около четырех месяцев и проходил в тысячах колхозов Российской Федерации. В этом турнире, немыслимом ни в какой капиталистической стране, участвовало свыше ста тысяч колхозников. Невиданное в истории шахмат соревнование показало, какой огромной популярностью и любовью пользуется в нашем селе эта сложная и высокоинтеллектуальная игра. Ряд глубоких партий, особенно в финале соревнования, обогатил шахматную теорию и мог бы сделать честь многим опытнейшим мастерам. Турнир явился ярким показателем расцвета социалистической культуры на селе.

Дореволюционное село не знало спорта. Только после победы советской власти в деревне появились стадионы, волейбольные площадки и водные бассейны. В передовых колхозах создавались физкультурные коллективы, сооружались спортивные базы.

Но подлинно массовое развитие физкультура и спорт на селе получили после прошлогоднего декабрьского постановления ЦК ВКП(б) — боевой программы деятельности партийных, советских, профсоюзных, комсомольских физкультурных организаций в деле физического воспитания трудящихся. Размах физкультурной работы повсеместно — и в городе и на селе — увеличился в огромной степени. Руководство этой работой твердо взяли в свои руки партийные организации. И вот уже во многих республиках и областях можно подвести первые итоги борьбы за реализацию указаний ЦК ВКП(б). В одной только Винницкой области создано более 1300 новых физкультурных коллективов, объединяющих 150 тысяч человек, а всего здесь физкультурой и спортом занимается полмиллиона человек. Чтобы оценить этот успех, достаточно вспомнить, что до революции во всей России едва насчитывалось 40—50 тысяч человек, занимавшихся спортом.

«Спорт в колхозе — это хлеб в закромах», — так говорят дальновидные колхозные руководители, на деле убедившиеся в том, что физкультура укрепляет здоровье молодежи, умножает силу, придает бодрость, дисциплинирует и сплачивает колхозников, помогает росту производительности труда, служит средством коммунистического воспитания.

Правления артелей все охотнее выделяют средства на строительство спортивных баз, на приобретение разнообразного инвентаря. В селах страны идет массовое сооружение стадионов, спортивных площадок, водных бассейнов. В колхозах Алтайского края нынешним летом создается 2500 различных площадок. Больше 100 колхозов Московской области возводят благоустроенные стадионы. Оборудуются спортивные базы в кишлаках Узбекистана, в аулах Грузии, в Акмолинской области, в станицах Дона и Кубани. Тысячи футболистов колхозов, машинно-тракторных станций и совхозов начали матчи на «Кубок СССР» для сельских команд.

Массовое развитие спорта в селах, естественно, сопровождается высоким подъемом мастерства колхозных физкультурников. Успех мотоциклистов артели имени Буденного на областном кроссе в Одессе, победа колхозника Журавлева на областном шахматном турнире в Калинине не случайны. Точно так же добиваются побед в соревнованиях с лучшими спортсменами городов колхозники Горьковской области, Ставропольского края, Винничины.

До 1946 года село не выдвинуло ни одного мастера спорта. В 1947 году появились у нас первые два мастера спорта — колхозники Михаил Гоголев и Александра Малофеева. В 1948 году это высокое звание было присвоено уже четырем сельским спортсменам: лыжникам Полине Гостинцевой, Софье Сушиной, Николаю Сергееву и туркменскому колхознику, абсолютному чемпиону республики по национальной борьбе «гореш» Полтаеву Худай Берды. Можно быть уверенным, что в 1949 году число мастеров спорта в колхозах вырастет во много раз.

На широкую дорогу вышли физкультура и спорт в колхозном селе. Отражая замечательный процесс стирания граней между городом и деревней, расцвета социалистической культуры, подъем физкультуры и спорта на селе, в свою очередь, способствует этому процессу. Перед сельской молодежью открываются все большие возможности всестороннего физического совершенствования, завоевания вершин спортивного мастерства.

Парад сельских спортсменов в Виннице. Фото Н. Волкова

Один из лучших командиров звена, участник Великой Отечественной войны, гвардии старший лейтенант Григорий Белихов.

Фото А. Григорьева

ФИЗКУЛЬТУРНИКИ.
Фото М. Альперта

ДЕСЯТИТЫСЯЧНЫЙ НОМЕР ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ»

9 июля коллектив «Известий» отметил знаменательную дату: вышел десятитысячный номер газеты.

Первый номер «Известий Советов депутатов трудящихся СССР» был выпущен в 1917 году.

За годы своего существования одна из старейших большевистских газет всегда была верным помощником партии и правительства в мобилизации советского народа на строительство социалистического общества. Она повседневно занималась пропагандой марксизма-ленинизма, воспитанием трудящихся в духе идей Ленина — Сталина.

Указом Президиума Верховного Совета СССР газета «Известия» награждена орденом Трудового Красного Знамени.

За успешную работу в области печати орденами и медалями награждены 118 работников редакции, издательства и типографии газеты.

Год издания 33-й | № 160 (10000) | СУББОТА | 9 ИЮЛЯ 1949 г. | Цена 20 коп.

ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР

Указ
Президиума Верховного Совета СССР
О награждении газеты „Известия Советов депутатов трудящихся СССР" орденом Трудового Красного Знамени

За успешную работу по воспитанию трудящихся в духе идей Ленина — Сталина и заслуги в деле мобилизации советского народа на строительство социалистического общества наградить газету «Известия Советов депутатов трудящихся СССР» орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ШВЕРНИК.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль 6 июля 1949 г.

В борьбе за дело Ленина—Сталина

Сегодня вышел десятитысячный номер «Известий Советов депутатов трудящихся СССР». Выход десятитысячного номера «Известий» — значительное событие в истории большевистской печати.

Выпестованная Лениным и Сталиным большевистская печать во главе с ленинско-сталинской «Правдой» неизменно несла и несет в народные массы великую правду идей большевизма, последовательно и неуклонно борется ... пос-

В предвоенные годы большевистская партия и советское правительство успешно осуществили индустриализацию страны и перевели на рельсы коллективного социалистического земледелия миллионы крестьянских хозяйств, обеспечив невиданный рост производительных сил нашей Родины. Большевистская партия с огромным размахом вела работу по воспитанию советского народа в духе идей Ленина — Сталина ...

группы работников «Известий» еще раз показывают, как высоко ценят партия и Советское государство печать, какую большую роль отводят они советской печати во всей работе по коммунистическому воспитанию масс.

На новом, огромном подъеме находится наша страна! С каждым днем все шире и многограннее раскрывает советский человек свои таланты, свои неисчерпаемые твор-

ВТОРАЯ ВЫСТАВКА ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В МОСКВЕ

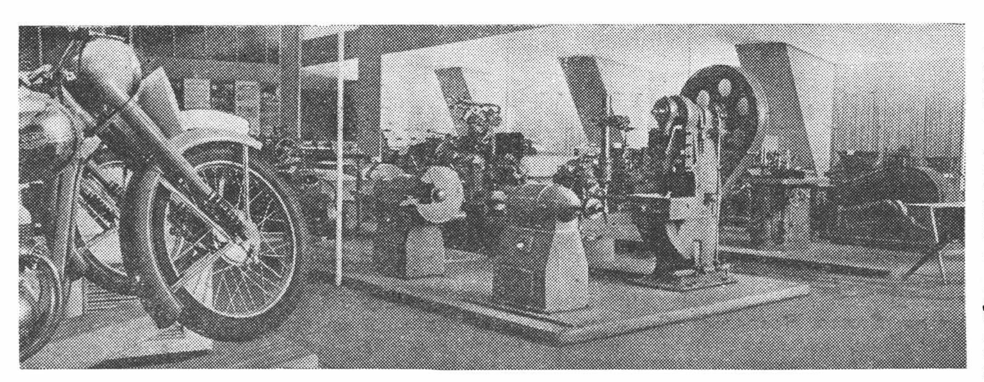
В Москве, в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, открылась вторая выставка чехословацкой промышленности. Открытие выставки вылилось в новую демонстрацию крепнущей дружбы народов Советского Союза и Чехословакии.

Приветствуя собравшихся, заместитель председателя Совета министров Чехословацкой республики г-н Зденек Фирлингер отметил, что вторая выставка дает представление о бурном росте не только легкой, но и тяжелой индустрии Чехословакии.

— Чехословацкие трудящиеся понимают,— сказал З. Фирлингер,— что они не могли бы достичь таких успехов без поддержки и помощи других народно-демократических государств и прежде всего без поддержки и помощи Советского Союза.

Выставка дает яркое представление о созидательном труде рабочего класса и трудящейся интеллигенции Чехословакии, успешно выполнивших свой двухлетний план и столь же успешно справляющихся с планом первого года первой пятилетки. В двух великолепно оборудованных павильонах размещено более 15 тысяч образцов изделий чехословацкой промышленности. Свыше 2 тысяч национальных предприятий и фирм участвует в этой выставке.

Значительное место занимает продукция тяжелой индустрии Чехословакии. Станки, легковые автомашины, мощные грузовики и многоместные автобусы — все это свидетельство того, как бурно Чехословакия развивает тяжелую промышленность — основу основ народного хозяйства.

Образцы продукции тяжелой промышленности Чехословакии.

ВРУЧЕНИЕ ОРДЕНОВ В КРЕМЛЕ

9 июля в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник вручил орден Трудового Красного Знамени академику В. П. Волгину, награжденному за многолетнюю плодотворную научную и педагогическую деятельность, в связи с семидесятилетием со дня рождения.

Фото А. Гостева

ЗАОЧНЫЙ МАТЧ ЛЕГКОАТЛЕТОВ

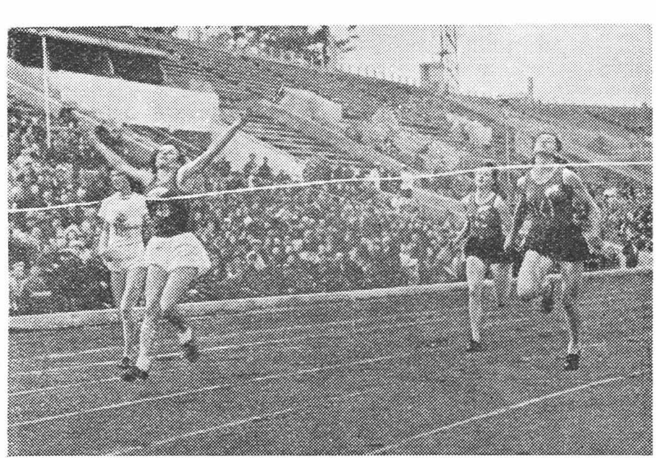
В воскресенье 10 июля начался массовый заочный легкоатлетический матч. В нем приняли участие десятки тысяч спортсменов двухсот с лишним крупных городов страны. На старт бега, прыжков и метаний вышли не только мастера и легкоатлеты, имеющие спортивный разряд, но и рядовые физкультурники. Каждый участник этого необычного матча соревновался со своим видимым соперником, бегущим с ним на одной дорожке, и с тысячами спортсменов в других городах.

Их судьей была стрелка секундомера.

В Москве заочный матч проводился на нескольких спортивных базах. На центральном стадионе «Динамо» были проведены забеги на 100 метров. У женщин в первый день соревнований лучшего результата добились Е. Сеченова и Я. Блинова, пробежавшие дистанцию за 12,4 секунды. Гокиели (Тбилиси) показала результат — 12,7 секунды.

У мужчин быстрее всех пробежал 100 метров представитель Тбилиси—Левон Санадзе. Секундомеры показали прекрасный результат — 10,5 секунды.

Следует отметить, что Л. Санадзе уже второй раз в нынешнем сезоне показывает такое время.

Забег женщин на 100 метров. (Стадион «Динамо», Москва.)

Н. Каракулов (Москва) пробежал дистанцию за 10,7 секунды, Короев (Москва) — за 10,8, Л. Григорьев (Ленинград) — 10,9.

На стадионе общества «Труд» соревновались физкультурники «Локомотива», «Медика», «Пищевика» и хозяева стадиона. Очень интересно сложился бег на 800 метров. После упорной борьбы на первое место вышел слушатель курсов железнодорожных машинистов Курской дороги Михаил Васильев. Он прошел дистанцию за 2 минуты 2,8 секунды. Бег на 5 километров был выигран электромехаником Ярославской железной дороги Василием Самсоновым. Во втором забеге на эту же дистанцию первенствовал Александр Соловьев.

В Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Горьком, Харькове и других крупных городах Союза также состоялись заочные легкоатлетические состязания. Окончательные итоги этих интересных массовых соревнований будут подведены и опубликованы позже.

КОРОТКО

КОЛХОЗНЫЙ САНАТОРИЙ открылся в живописном уголке, в Сторожинецком районе, Черновицкой области. Санаторий оборудован по последнему слову медицинской техники. Принята первая партия отдыхающих. В будущем году число мест в санатории будет удвоено.

СОРОКАЛЕТИЕ ЧЕЛЯБИНСКОГО УГОЛЬНОГО БАССЕЙНА отметили трудящиеся Копейска и Коркина. За годы советской власти кустарные шахтенки превратились в подземные механизированные предприятия, оснащенные передовой техникой.

ПОХОРОНЫ Г. М. ДИМИТРОВА

Три дня и три ночи через здание Народного собрания в Софии, мимо гроба Г. М. Димитрова, непрерывным потоком в скорбном молчании проходили десятки, сотни тысяч трудящихся новой, народной Болгарии, шли делегации братских коммунистических и рабочих партий, прибывших со всех концов мира. Это были дни всенародного прощания болгарского народа со своим великим и любимым сыном, со своим учителем и вождем. В эти дни дань любви и уважения отдавали трудящиеся всего мира выдающемуся деятелю международного рабочего движения, пламенному и беззаветному борцу за мир, демократию и социализм. В эти дни советский народ прощался с искренним другом нашей социалистической Родины, учеником и соратником товарища Сталина, воспитывавшим коммунистическую партию Болгарии в духе верности ленинско-сталинскому учению, сделавшим все для укрепления нерушимой и вечной дружбы болгарского народа с великим Советским Союзом.

Это была незабываемая, величественная картина народной скорби об ушедшем любимом вожде, и это было выражение несгибаемой воли и решимости народа — продолжать и довести до конца то дело, которому отдал всю жизнь Георгий Димитров. Над гробом своего вождя трудящиеся Болгарии принесли торжественную клятву выполнить его заветы, под знаменами своей коммунистической партии защищать национальную независимость страны, сохранить незыблемым на века братское единство с Советским Союзом и странами народной демократии, бороться за победу дела Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, за торжество коммунизма.

10 июля, в 12 часов дня, тело Георгия Димитрова было перенесено в мавзолей на площади имени 9 Сентября. Рабочий класс и все трудящиеся Болгарии вместе с посланцами Советского Союза, стран народной демократии, братских коммунистических партий провожали великого революционера и трибуна в его последний путь. Мощной симфонией, в которой печаль слилась воедино с боевым призывом, прозвучал последний салют у мавзолея — протяжные гудки фабрик и заводов, гул самолетов, пушечные залпы и огромный хор, исполнявший старинную песню рабочих-революционеров «Вы жертвою пали». Эту песню сменили могучие, торжественные звуки «Интернационала».

От имени Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии, Совета Министров Народной республики Болгарии и Национального совета Отечественного фронта выступил Вылко Червенков. С клятвенным обещанием выполнить заветы Георгия Димитрова выступили представители Народной армии Болгарии, Болгарского земледельческого народного союза, Всеобщего рабочего профессионального союза, Народного женского союза, народной молодежи, детской организации.

Речь на траурном митинге произнес глава советской правительственной делегации товарищ К. Е. Ворошилов.

Братское соболезнование болгарскому народу выразили представители трудящихся Москвы и Ленинграда.

Прощальное слово, посвященное памяти Георгия Димитрова, сказали представители коммунистических партий Франции, Польши, Италии, Чехословакии, Испании, Греции, Англии, Социалистической единой партии Германии, делегаты коммунистических и рабочих партий Албании, Австрии, Бельгии, Швеции, Швейцарии, Голландии, Дании, Австралии, Аргентины, Израиля, Венецуэлы и представитель югославских эмигрантов в Болгарии.

Многотысячной траурной демонстрацией трудящихся Софии, сел и деревень Болгарии закончилось прощание народа с Георгием Михайловичем Димитровым, благородный образ которого будет жить вечно в памяти трудящихся.

Из речи Вылко Червенкова

Товарищ Георгий Димитров умер, но дело его живет, оно живет в стальных рядах созданной и воспитанной им могучей и единой, твердой, как гранит, Болгарской коммунистической партии. Оно живет в нашем славном рабочем классе, в трудовом крестьянстве, в народной интеллигенции, в их нерушимом единстве, воплощенном в Отечественном фронте. Это дело живет в народной молодежи. Оно живет в сердце каждого труженика, преданного своей родине.

Над гробом нашего любимого учителя и вождя товарища Георгия Димитрова мы клянемся, что с димитровской энергией, бесстрашно, без колебаний пойдем вперед по его пути. Напрасно радуются враги смерти Димитрова. Его дело находится в крепких, надежных руках. Мы клянемся, что отдадим все свои силы, а если нужно, и кровь свою, каплю по капле, но сохраним, как зеницу ока, дело Георгия Димитрова, пойдем по его пути, выполним его заветы.

Наши враги еще не отдают себе, видимо, отчета в том, что представляет собой Болгарская коммунистическая партия, на что она способна. Нашего любимого и железного вождя нет между нами. Но жива партия, созданная и воспитанная им. Жив, работает и будет работать по-димитровски выросший под его руководством Центральный комитет Болгарской коммунистической партии. Жив Отечественный фронт, сплоченный, как никогда, под руководством коммунистической партии. Смерть нашего учителя и вождя еще теснее сплотила наши ряды.

Товарищ Георгий Димитров завещал нам свою прекрасную жизнь как образец беззаветной службы народу. Клянемся, что будем следовать его заветам, пойдем по его пути, не отклоняясь от него ни на один шаг.

Товарищ Георгий Димитров завещал нам укреплять всеми силами нерушимую дружбу с великим Советским Союзом, тесно сотрудничать со странами народной демократии, ибо это является главной гарантией нашей национальной независимости. Наш учитель и вождь завещал нам беспощадную борьбу против всех и всяких проявлений предательского национализма, завещал быть до конца верными пролетарскому интернационализму, великой большевистской партии, товарищу Сталину. Клянемся тебе, товарищ Георгий Димитров, что эта твоя заповедь будет для нас самой святой, и эту заповедь мы выполним.

Товарищ Георгий Димитров завещал нам беречь и защищать всеми силами национальную независимость и государственный суверенитет нашей родины от любых империалистических посягательств. Клянемся тебе, товарищ Георгий Димитров, что это будет вторая святая для нас заповедь, которую мы выполним.

Товарищ Георгий Димитров завещал нам прочно стоять в лагере мира, демократии и социализма, возглавляемом Советским Союзом, и вести решительную борьбу против империалистических поджигателей новой войны. Клянемся тебе, товарищ Георгий Димитров, что это будет твоя третья святая для нас заповедь, которую мы выполним.

Товарищ Георгий Димитров завещал нам сохранять марксистско-ленинское единство коммунистической партии и чистоту ее рядов, укреплять и расширять ее связь с трудящимися. Клянемся тебе, товарищ Георгий Димитров, что это будет твоя четвертая святая для нас заповедь, которую мы выполним.

Товарищ Георгий Димитров завещал нам сохранять нерушимым и укреплять всеми силами боевой и братский союз рабочего класса с трудящимся крестьянством, который является становым хребтом народно-демократического государства. Клянемся тебе, товарищ Георгий Димитров, что это будет твоя пятая святая для нас заповедь, которую мы выполним.

Товарищ Георгий Димитров завещал нам расширять и усиливать Отечественный фронт — единую организацию боевого союза рабочих и всех трудящихся городов и сёл, являющуюся самой широкой общественной основой народно-демократической власти. Клянемся тебе, товарищ Георгий Димитров, что это будет твоя шестая святая для нас заповедь, которую мы выполним.

Товарищ Георгий Димитров завещал нам горячо любить свой народ, свою родину, быть беспощадными к врагам народа и к врагам народной власти, к иностранным агентам и шпионам, проявлять бдительность по отношению к ним. Клянемся тебе, товарищ Георгий Димитров, что это будет твоя седьмая святая для нас заповедь которую мы выполним.

Товарищ Георгий Димитров завещал нам быть внимательными и отзывчивыми к нуждам народа, прислушиваться к его голосу, не только учить трудящихся, но и учиться у них, быстро исправлять допущенные ошибки и недостатки. Клянемся тебе, товарищ Георгий Димитров, что это будет твоя восьмая святая для нас заповедь, которую мы выполним.

Товарищ Георгий Димитров завещал нам обеспечить победу социализма в нашей стране, опираясь на поддержку Советского Союза и стран народной демократии, постоянно учась опыту Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Клянемся тебе, любимый учитель, что мы не пожалеем сил, не остановимся ни перед какими трудностями, чтобы выполнить этот твой главный завет.

Товарищ Георгий Димитров завещал нам учиться у великой большевистской партии — общепризнанной руководительницы международного рабочего и коммунистического движения, возглавляемой товарищем Сталиным. Клянемся тебе, товарищ Георгий Димитров, что это будет твоей девятой святой для нас заповедью, которую мы выполним.

Построение социализма в нашей стране будет самым лучшим памятником Георгию Димитрову, чье имя трудящиеся нашей страны произносят с беспредельной любовью.

Речь К. Е. Ворошилова

В своей речи глава советской правительственной делегации товарищ К. Е. Ворошилов заявил:

Дорогие товарищи, граждане и гражданки Болгарии, представители братских коммунистических партий!

Правительство Союза Советских Социалистических Республик, коммунистическая партия Ленина—Сталина, солдаты, офицеры, адмиралы и генералы вооруженных сил Союза ССР и все трудящиеся нашей страны вместе с болгарским народом и трудящимися всего мира с глубокой скорбью переживают смерть великого сына болгарского народа, нашего боевого товарища, верного друга Георгия Михайловича Димитрова.

От нас ушел выдающийся деятель международного рабочего движения, ученик и последователь Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, вождь и учитель болгарского наро-

да, создатель народной демократической Болгарии, искренний друг Советского Союза, пламенный и бесстрашный борец за мир, демократию и социализм.

С юношеских лет и до последних дней своей жизни Георгий Михайлович Димитров отдавал все свои силы, всю свою неукротимую энергию бойца-революционера великому делу рабочего класса. Весь свой долгий, более чем 50-летний революционный путь товарищ Димитров прошел под знаменем марксизма-ленинизма, ведя неустанную борьбу за дело Ленина—Сталина, за коммунизм.

Товарищ Димитров во всех революционных битвах, в годы тяжелых поражений и в годы великих побед неизменно высоко держал знамя борьбы мирового пролетариата.

Выдающийся марксист, ленинец, верный соратник великого Сталина, товарищ Димитров воспитывал Коммунистическую партию Болгарии, болгарский пролетариат в духе верности учению Ленина и Сталина.

Он объединял болгарский народ и воодушевлял его на борьбу против иностранных и болгарских капиталистов и их приспешников. Враги рабочего класса смертельно ненавидели товарища Димитрова. Они видели в нем народного трибуна, пламенного вождя трудящихся масс и жестоко преследовали его на каждом шагу. Дважды — в 1923 и в 1926 годах — болгарские фашистские правители заочно приговаривали товарища Димитрова к смертной казни. Животный страх обезумевших капиталистов толкал их на подлое дело, им хотелось во что бы то ни стало уничтожить пламенного трибуна и борца за дело трудящихся. Но ни аресты, ни смертные приговоры не сломили железную волю и неукротимый дух Георгия Димитрова. Наоборот, эти преследования только закалили его, и он становился еще более грозным и беспощадным борцом против капиталистических угнетателей рабочего класса.

В 1923 году, когда возмущение народных масс Болгарии против кровавой фашистской диктатуры вылилось в вооруженное восстание, Георгий Михайлович Димитров возглавил Главный революционный комитет и повел трудовой народ на битву против фашизма. Этот первый революционный штурм был тогда отражен буржуазией при помощи правых социал-демократов и других изменников и предателей рабочего класса.

Товарищ Димитров был вынужден эмигрировать за границу, но, находясь в эмиграции, он с еще большей энергией развернул революционную деятельность.

Всему миру памятно героическое поведение Георгия Михайловича Димитрова на лейпцигском процессе в 1933 году. Своим революционным бесстрашием перед лицом фашистских разбойников товарищ Димитров, являясь их пленником, показал незабываемый пример большевистской стойкости и идейной убежденности. На этом процессе он заявил:

«Верно, что я большевик, пролетарский революционер... Я действительно восторженный сторонник и поклонник коммунистической партии Советского Союза, ибо эта партия управляет величайшей в мире страной, одной шестой земного шара, и с нашим великим вождем Сталиным во главе столь героически и успешно строит социализм».

В этих словах отразился весь прекрасный облик товарища Димитрова, настоящего коммуниста и бесстрашного борца. Как истинный герой, он мужественно сорвал маску с фашистских провокаторов, перед всем миром пригвоздил их к позорному столбу. Из обвиняемого он стал грозным обвинителем фашизма, высоко поднял знамя борьбы против кровавого гитлеризма.

Будучи избранным на высокий пост генерального секретаря Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, Георгий Михайлович Димитров вел упорную борьбу за создание и упрочение единого пролетарского и народного фронта для борьбы против фашизма, против войны, которую лихорадочно готовили тогда правящие клики Германии, Италии, Японии при помощи англо-американских империалистов. Товарищ Димитров беспощадно разоблачал фашистских агрессоров, он призывал трудящихся всех стран сплотиться вокруг коммунистических партий и быть всегда готовыми дать сокрушительный отпор поджигателям войны. Он много сделал для воспитания руководящих кадров коммунистических партий, верных марксизму-ленинизму, делу защиты интересов народных масс.

Велики заслуги товарища Димитрова в мощном антифашистском движении, в национально-освободительной борьбе, развернувшейся во всех странах во время второй мировой войны.

Товарищ Димитров, являясь руководящим деятелем международного рабочего движения, проявлял исключительную заботу и о своей родине, о своем народе.

Коммунисты Болгарии, партизанские отряды, все болгарские патриоты, с оружием в руках поднявшиеся против немецко-фашистских захватчиков, постоянно чувствовали руководящую и направляющую волю товарища Димитрова. Он зажигал сердца болгарских патриотов верой в освобождение своей родины от врага, верой в неизбежный разгром фашизма, верой в победу.

Советская Армия, разгромив главные вооруженные силы фашистской Германии, вступила на территорию Болгарии как ее освободительница. Болгарский народ братски встретил Советскую Армию. Он поднял вооруженное восстание против фашистских поработителей и 9 сентября 1944 года под руководством товарища Димитрова осуществил революционный переворот и захватил власть в свои руки.

Болгарский народ, возглавляемый Болгарской коммунистической партией, под руководством товарища Димитрова создал народно-демократическую республику. Настала новая эпоха в жизни Болгарии — эпоха строительства социализма и нерушимой вечной дружбы с народами Советского Союза и странами народной демократии.

С трогательной любовью относился товарищ Димитров к подрастающему поколению. Верный и страстный последователь Ленина и Сталина, он, как истинный вождь болгарского народа, видел в детях и юношестве будущее своей страны, постоянно проявляя заботу о воспитании из них активных строителей социализма.

Товарищ Димитров придавал исключительно большое значение женщине в строительстве нового общества, претворял в жизнь слова товарища Сталина о том, что женщина в строительстве социализма является великой силой. Георгию Михайловичу Димитрову женщины обязаны тем, что они стали большой силой в своем государстве, приобщились к активной общественной деятельности и на деле встали в одну шеренгу с мужчинами во всех областях строительства новой Болгарии.

Дорогие товарищи, друзья, граждане!

Имя Георгия Михайловича Димитрова бесконечно дорого и близко всем трудящимся.

В лице его рабочий класс всего мира потерял одного из выдающихся и доблестных деятелей, боевого соратника товарища Сталина, неутомимого борца за мир и демократию, против поджигателей войны.

Со всей присущей ему страстностью и последовательностью пролетарского революционера он разоблачал происки англо-американских империалистов, готовящих новую мировую войну.

Товарищ Димитров, этот подлинный рыцарь долга и чести, был беспощадным к изменникам и предателям социализма. Всем известно, с какой суровой принципиальностью товарищ Димитров заклеймил позором буржуазно-националистическую клику Тито, изменившую делу социализма.

Георгия Михайловича Димитрова горячо любит весь советский народ. Он снискал эту любовь трудящихся Советского Союза своей неутомимой борьбой за дело рабочего класса, своей верностью учению Ленина—Сталина. Георгий Димитров был искренним другом Советского Союза, нашим дорогим братом и товарищем по революционной борьбе.

Тяжела постигшая нас утрата. Болгарский народ потерял своего учителя и вождя. Но товарищ Димитров оставил болгарскому народу великое наследие — созданное под его руководством новое народно-демократическое государство свободной Болгарии, созданный им Отечественный фронт, основанный на прочном союзе рабочего класса с трудящимся крестьянством, воспитанную им и крепко спаянную Болгарскую коммунистическую партию, которая и дальше поведет болгарский народ по пути Ленина и Сталина, по пути строительства социализма, по пути, которому неуклонно следовал великий сын болгарского народа товарищ Димитров.

Трудящиеся Болгарии не одиноки. Товарищ Димитров и Болгарская коммунистическая партия сделали все для того, чтобы болгарский народ жил и воспитывался в духе нерушимой и вечной дружбы с великим Советским Союзом, в братском единении со странами народной демократии.

Над гробом товарища Димитрова миллионы людей дают клятву быть верными до конца делу социализма, делу интернационализма, великим идеям Ленина—Сталина.

Светлая и яркая жизнь великого сына болгарского народа Георгия Димитрова является вдохновляющим примером для борцов за коммунизм во всем мире.

Трудящиеся всего мира в своем поступательном движении за раскрепощение от ига капитализма, в борьбе за победу дела Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина будут вечно хранить в своих сердцах яркий и благородный образ Георгия Михайловича Димитрова — пламенного трибуна и бесстрашного борца за коммунизм.

Слава тебе в веках, великий борец за дело Ленина—Сталина!

Память о тебе бессмертна!

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ БОЛГАРИИ ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Г. М. ДИМИТРОВА

СОФИЯ, 10 июля. (ТАСС). Правительство Болгарской народной республики приняло решение об увековечении памяти Г. М. Димитрова.

Для сохранения тела Г. М. Димитрова решено построить на площади имени 9 Сентября, на месте нынешнего временного мавзолея, постоянный мавзолей. В Софии будет воздвигнут памятник Г. М. Димитрову. Учреждается орден имени Георгия Димитрова, который будет высшим отличием в Болгарии. В доме № 66 по Ополченской улице, где жил Г. М. Димитров, будет создан музей.

Совет министров постановил переименовать город Перник в город Димитрово. В родном селе тов. Георгия Димитрова — Ковачевцы Радомирской околии решено построить читальню-памятник Георгию Димитрову. Имя Георгия Димитрова присвоено сельскохозяйственной академии. Третий Софийский район переименован в Димитровский район. Строящийся в селе Панчарево Софийской околии детский городок решено назвать именем Георгия Димитрова. Решено издать полное собрание сочинений Г. М. Димитрова.

При комитете по делам науки, искусства и культуры учреждена комиссия, которой поручен сбор для музея материалов о жизни и деятельности Г. М. Димитрова.

ДОРОГА ГЕРОЯ

Николай БОБРОВ

Бродя по лесам левобережья Днепра, недалеко от Киева, я увидел однажды под могучим дубом, раскинувшим шатер темной зелени, человека в косоворотке. Человек сидел на пне, опустив голову. На дубовой коре была надпись, вырезанная ножом:

«Капитан Виктор Карюкин. Погиб 12 сентября 1943 года».

Незнакомец поднял голову и, увидя, что он не один, смутился и заговорил глухим, низким голосом:

— Эту надпись на коре вырезал я. Давно было, а кажется, будто вчера... Виктор был моим другом и остался им на всю жизнь. Да... Вспоминаются купе, свеча. Немецкая свеча. Горячий ветер... Тарас Максимович...

Он замолчал. Потом пристально посмотрел на меня:

— Впрочем, вам не совсем понятно, о чем я говорю.

Он был молод — лет двадцати восьми, широкоплечий, смуглолицый, с могучей, выпуклой грудью и большими, как у молотобойца, руками.

— Вы летчик? — спросил я.

Он коротко ответил:

— Да. Лавриненков.

Я тоже назвал себя и добавил:

— Может быть, я помешал вам?

— Нет. Я уже давно сижу под этим дубом. Пора идти. Когда-нибудь еще побываю в этих местах. Нас несколько друзей-однополчан приехало поклониться могиле Виктора. Э-эх, и дела в этом лесу были!..— вздохнул он и встал.

Мы тихо побрели в ближайшую деревню. По дороге мой новый знакомый несколько подробнее, но все же довольно скупо рассказал о себе. Утром мы расстались.

Так произошло мое знакомство с Владимиром Лавриненковым, дважды Героем Советского Союза, замечательным летчиком.

* * *

Жизнь Лавриненкова развертывалась стремительно. Незадолго до Отечественной войны он столярничал на Смоленском свечном заводе и одновременно учился в аэроклубе летать на маленьком «ПО-2». Утро 22 июня 1941 года он встретил в должности инструктора Черниговской летной школы. Но разве мог он оставаться в школе, когда враг сеял на его родной земле смерть и разрушение? Владимир добился перевода в Действующую армию.

Полк, в котором служил сержант Лавриненков, патрулировал над Сталинградом. Прошла осень, наступила зима. Мороз сковал Волгу. Когда выпадали ясные дни, Лавриненков вылетал на учебную стрельбу. Талант летчика-истребителя быстро обнаружился в нем. Его ночные полеты и тренировочные воздушные бои вызывали всеобщую похвалу.

Спустя год над этими же волжскими степями Лавриненков дрался с немецкими летчиками 52-й эскадры «Удет», которая проделала кровавый путь от испанских плоскогорий до Сталинграда.

Осенью 1942 года на Волге стояла жаркая погода, дули суховеи. Потрескавшаяся земля горячо дышала, изнемогая от зноя. Коричневым облаком висела над дорогами пыль, поднимаемая колесами автомашин и гусеницами танков. Осиным роем кружили «юнкерсы» и «мессершмитты». Шли непрерывные бои. Родина-мать сказала советским воинам, что отступать дальше нельзя. Боевой клич «Стоять насмерть!» стал их законом.

Такие наши летчики, как Лавриненков, применяли тогда в воздушных битвах суворовскую науку побеждать: воевали не числом, а уменьем.

* * *

В дни великой Сталинградской битвы Владимир Лавриненков вылетал по 6—7 раз в сутки. Целыми днями он не покидал машины. Официантка из батальона аэродромного обслуживания подавала ему обед в кабину, и он, едва успев докончить его, вылетал на очередное задание. Когда он возвращался, к нему подходили товарищи эскадрильи и просили:

— Володя, расскажи, как ты сбил немца.

Летчик отвечал:

— Друг, сейчас некогда, улетаю! Вернусь, расскажу...

К исходу Сталинградской битвы Лавриненков сбил 26 неприятельских самолетов. В первомайский полдень 1943 года прямо на аэродроме ему вручили Золотую Звезду Героя. На ней был выгравирован номер: 957.

23 августа 1943 года был самым плохим днем в жизни Владимира Лавриненкова. Вылетев на боевое задание, он над самой линией фронта услышал приглушенный голос в наушниках:

— «Рама»! «Рама»! Выше вас! Бейте ее, бейте!

Но Лавриненков уже сам заметил «Фокке-Вульф-189».

— Атакую!— предупредил Владимир по радио своих товарищей.

Немецкий летчик, повидимому, тоже заметил его и, повернув, стал уходить. Лавриненков погнался за ним. Он старался поймать в прицел добычу, выпустил очередь — не попал; выпустил снова — трасса прошла сбоку. «Фокке-Вульф-189» резко вошел в пике.

— Не уйдешь! — стиснув зубы, прошептал Владимир и ринулся за врагом.

Еще одна очередь, кажется, последняя. Нет, еще, еще! Вот он уже «висит» на хвосте «рамы». Его взор так напряжен, что чувствуется режущая боль в глазах. Еще очередь. Конец «раме»! Он взял ручку на себя, чтобы выйти из пике, и в это мгновенье его потряс удар невероятной силы. Лавриненков на мгновенье потерял сознание. Очнувшись, он ощутил сначала боль в голове, потом тепло: по щекам и шее текли струйки крови. Самолет потерял управление и вошел в штопор. Летчик уперся обеими руками о стенки кабины. Потом одна рука потянулась к дверце, но дверца вылетела сама. Его обдало холодом и вытянуло наружу. Он очутился на правом крыле. Дальше Владимир помнил только тишину, белый купол парашюта, солнце и серую землю. Потом мысли Лавриненкова пришли в порядок. Внизу виден был Матвеев Курган и недалеко в стороне — Таганрог. Качаясь на стропах, он старался сообразить, где приземлиться.

Между тем земля быстро приближалась. Сбоку промелькнула белая трасса. Владимир инстинктивно съежился. Он понял: это плен. И, действительно, не успел он, приземлившись, расстегнуть лямку, как услышал крик:

— Хенде хох! (Руки вверх!)

Владимир потянулся за пистолетом, но его не оказалось в разорванной кобуре. Он метнулся в сторону, но в это время кто-то сзади схватил его за руки и скрутил их.

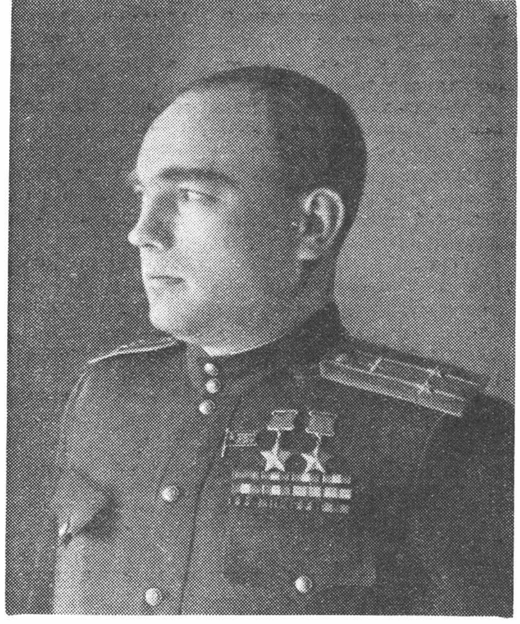
Лавриненкова посадили в коляску мотоцикла и под усиленной охраной отправили в немецкий штаб.

Долго выпытывали немцы у Лавриненкова разные сведения, но он не отвечал. Его перевозили из одной тюрьмы в другую, пытали, а он молчал. Ничего не добившись от Лавриненкова, немцы решили везти его в Берлин.

«Берлин» — это слово сначала обожгло Лавриненкова, а потом у него что-то оборвалось и похолодело внутри. Он не помнил, как после допроса его втолкнули в легковой автомобиль. На перекрестке шофер затормозил. Послышалась немецкая речь.

Патрульный солдат осветил электрическим фонариком кабину автомобиля, и Владимир увидел рядом с собой человека. Он сразу узнал капитана Виктора Карюкина, штабного работника авиационного соединения.

Карюкин тоже хорошо знал Лавриненкова. Они встречались в штабе, не раз поздравляли друг друга с очередной победой, иногда подолгу стояли перед большой штабной картой, отмечая кружочками отвоеванные у немцев города и села.

Дважды Герой Советского Союза гвардии подполковник В. Д. Лавриненков.

Автомобиль остановился у темного входа в вокзал.

Лавриненкова и Карюкина посадили в одно купе. С ними вместе сели офицер и охранники.

Поезд мчался по Украине, и с каждой минутой у Лавриненкова крепло решение: «Бежать! Бежать во что бы то ни стало! Лучше смерть, чем немецкий плен!..»

Владимир улучил момент и сказал о своем намерении Карюкину. Тот в знак согласия кивнул головой.

Наступила ночь. Позади остался Киев. Сопровождавший их офицер задремал. Свеча догорала. Один из конвоиров зажег вторую. Лавриненков, незаметно пододвинувшись ближе к двери, притворно зевнул, тихо пожал Карюкину руку и ощутил ответное пожатие. Потом летчики притворились спящими. Чуть приоткрыв глаза, Лавриненков видел, как из рук уснувшего офицера выпала книжка. Один из охранников поднял ее и, кладя на полку, спросил другого:

— Сколько времени?

Тот ответил:

— Половина двенадцатого.

— Скоро будет город Фастов...

«Фастов» — отозвалось в мозгу Владимира. «Пора! В городе будет трудней. Надо в степи, в лесу!.. Пора!». Он почувствовал невероятное напряжение во всем теле. Усилием воли расслабил мышцы и вдруг ощутил страшную усталость. Сердце его билось так сильно, что он испугался: услышат конвоиры. Он слегка толкнул плечом Карюкина. Тот ответил таким же толчком.

Владимир видел, как охранники готовились ужинать. Они извлекли из-под скамьи чемодан, положили его себе на колени, откинули крышку. Один из охранников маленьким кинжалом, блеснувшим в оранжевом свете свечи, отрезал ломоть хлеба, и в то мгновенье, когда он подносил его ко рту, Лавриненков вскочил, оттолкнул ногой чемодан и распахнул дверь. В купе ворвался ветер и погасил свечу. Спрыгнув на землю, Лавриненков и Карюкин побежали во тьму, все дальше и дальше от насыпи. Сзади послышались выстрелы, просвистели пули...

Долго бежали они, задыхаясь от усталости и от сознания обретенной свободы. Украинская ночь приняла их под свои покровы и сохранила.

* * *

Сотни километров прошли Лавриненков и Карюкин по тылам врага, добираясь до линии фронта. На пути встретили партизанский отряд имени Чапаева, действовавший на левобережье Днепра, и остались в нем. Здесь они узнали комиссара отряда Тараса Максимовича.

Летчики скоро свыклись с жизнью в лесу. Лавриненков настаивал на том, чтобы им разрешили участвовать в партизанских боях. Комиссар отряда отвечал:

— Ты еще будешь нужен там, в воздухе. Вторую Золотую Звезду заработаешь!

— Поймите, Тарас Максимович, я не в Герои прошусь, а в бой!

— Не горячись, сокол! Ты уже давал жару немцам! Будет время — и ты с нами пойдешь в бой.

Впрочем, вскоре Лавриненкову было поручено перерезать подземный немецкий кабель на стратегической дороге. Стал получать задания и Карюкин.

В одной из диверсионных операций Виктор был тяжело ранен. У Лавриненкова сжалось сердце, когда он увидел умирающего друга. Тлели угольки костра, потрескивал хворост, а Виктор Карюкин, умирая на руках Лавриненкова, шептал:

— Убивайте фашистов!.. Убивайте убийц!..

Партизаны похоронили прах героя под сенью векового дуба. На коре могучего ствола Лавриненков вырезал:

«Капитан Виктор Карюкин. Погиб 12 сентября 1943 года».

Спустя несколько дней Лавриненков принял участие в ночном бою в селе Хоцки. Там квартировал немецкий карательный отряд и томились в плену 1350 наших военнопленных.

По сигналу Владимир бесшумно снял часовых, забросал гранатами караульное помещение и присоединился к своим друзьям. Он мстил за Виктора Карюкина, за поруганную и залитую кровью родную землю, за слезы и горе советских людей.

Под утро Лавриненков вместе с колонной освобожденных вернулся в партизанский лагерь.

Прошло еще немного времени. Части Советской Армии соединились с партизанским отрядом, и Лавриненков, попрощавшись со своими друзьями, улетел в родной авиационный полк. Он летел на маленьком связном самолете. Внизу плыла освобожденная Украина. С борта самолета видны были глубокие раны, нанесенные ей врагами: развалины городов, пепелища сел, изрытые воронками, затоптанные поля...

И вот снова он в родной семье летчиков. Вместе с ними он сдерживает с воздуха ревущие в степи немецкие танки, ведет трудные бои с нависшей над степью немецкой авиацией. И нередко, зарулив на стоянку, он идет в штаб и коротко докладывает:

— Сбил «мессера»!

Приходило подтверждение, его поздравляли, а Лавриненков отвечал:

— Я еще мало сделал для Родины...

Летом 1944 года Владимира Лавриненкова вызвали в Москву. Там его пригласили в Кремль. Он пережил минуты высокой и чистой радости, когда ему вручали вторую Золотую Звезду. На ней был выгравирован номер: 20.

* * *

День победы Владимир Лавриненков отпраздновал под Берлином.

И когда Советская страна вернулась к мирному строительству, он, уже опытный летчик, сбивший лично тридцать пять самолетов противника, решил, что надо учиться и учиться. Бывший сержант, а ныне гвардии подполковник, Владимир Дмитриевич Лавриненков сел за парту в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Здесь он подружился с трижды Героем Советского Союза Александром Покрышкиным. Оба они, прошедшие огромную школу боевой выучки, упорно овладевали высшими военными науками и окончили Академию с оценкой «отлично».

Это было нелегко, но Лавриненков научился беречь каждую минуту, находил время дополнительно поработать с военной картой, выучить за день сто — двести английских слов, потренироваться на истребителе, а перед сном почитать любимого Пушкина или покататься на коньках. Расширился и круг его жизненных интересов. Спектакли Большого и Московского Художественного театров, картины Третьяковской галлереи, симфонии Чайковского раскрывали перед ним сложный, богатый мир.

Страна облекла Лавриненкова большим доверием. Он депутат Верховного Совета РСФСР. Как избранник народа, он помогает своим избирателям советом и делом, бывает в колхозах Смоленщины, добивается улучшения работы ее предприятий и колхозов. А недавно, являясь делегатом XI съезда ленинско-сталинского комсомола, он обсуждал насущные вопросы, стоящие перед комсомолом — помощником и резервом большевистской партии.

В Большом Кремлевском дворце, полном в те дни какой-то особой красоты и молодости, Лавриненков встретил старых фронтовых друзей. Солнечные лучи, льющиеся сквозь окна, вспыхивали на Золотых Звездах и орденах. Пошли воспоминания...

Где-то в сознании отложились пятьсот боевых вылетов, огненные языки пожаров и белый трассирующий пунктир вражеских пулеметов. Сталинград, Ростов, Севастополь, Кенигсберг, Познань, Берлин. Для него теперь это уже не просто точки на карте: они этапы многочисленных воздушных боев с горечью неудач и радостью больших побед. И было о них рассказать. Но, вспоминая, Лавриненков умолчал о том, что недавно в Починках, на Смоленщине, воздвигли его бронзовый бюст.

Когда огласили приветствие Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии большевиков XI съезду комсомола, сердце Лавриненкова билось в унисон тысячам сердец. В эти торжественные минуты он понял, что, несмотря на свои молодые годы, прошел большой жизненный путь. И прошел его с честью, как и надлежало настоящему сыну своей социалистической Родины, так, как учил великий Ленин, как указывает родной Сталин.

И сколько еще впереди дел и свершений!

О своих планах взволнованно говорил Лавриненков, когда недавно навестил родной Смоленск. Был вечер. С холма, где мы стояли, открывался чудесный вид на поля, окружающие стены древнего города.

— Вот так же, лет десять назад, я впервые увидел с борта самолета нашу страну. Я увидел леса, пашни, села, города на фоне узорной скатерти родной земли. До чего же красива она, наша земля! Уже позже, в дни боев, я часто вспоминал эту дорогую моему сердцу картину. Любовь к Родине не раз спасала меня от смерти. Нет, в самом деле, что такое эта любовь? Не высшее ли проявление духовных сил человека, утверждающее жизнь? В миг, когда вы шагнули навстречу опасности, сказывается вся сила вашей души, вся ваша готовность к жертве во имя высокой любви к своей Отчизне. Как бы мне хотелось запечатлеть это чувство, но для этого нужен язык искусства!..

Мы направились в городской сад, к памятнику великому Глинке — любимому уголку Владимира Лавриненкова.

Молча постояли у памятника. Вдруг Лавриненков обратил мое внимание на стоявший недалеко от памятника домик, в котором, позидимому, была цветочная оранжерея.

— А ведь этот домик строил я, — сказал Лавриненков. — И не так давно. Незадолго до войны. Тогда я работал в Смоленске столяром...

Кругом кипела стройка. На руинах, оставленных врагом, воздвигались новые дома. Лавриненков жадно смотрел вокруг, и казалось, что он и сейчас непрочь взять в руки столярный инструмент.

МАГАЗИНЫ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК В МОСКВЕ

Новые магазины, рестораны и кафе, которые скоро откроются в столице, во многом будут отличаться от подобных им торговых предприятий. Их откроют торгующие организации союзных республик для продажи продуктов и товаров сельского хозяйства и промышленности этих республик.

Таких магазинов в Москве будет семь, из них шесть продовольственных — украинский, белорусский, грузинский, латвийский, армянский и казахский — и один магазин мебельный латвийский. В украинском магазине, который разместится в обширном помещении на Садово-Кудринской улице, покупателям будет предложено свыше восьмидесяти сортов кондитерских изделий украинских фабрик, множество продуктов, разнообразные марки украинских вин.

В белорусском магазине будут представлены рыбные товары и продукты птицеводческих ферм республики.

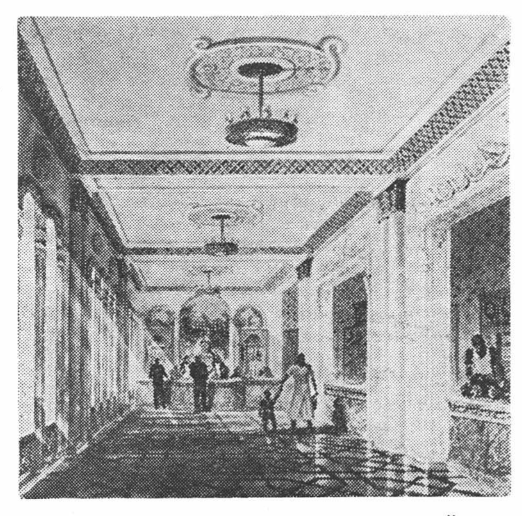
Грузия готовит для столичного магазина сладости и фрукты, прославленные грузинские вина.

Латвийский продовольственный магазин будет торговать большим ассортиментом рыбной гастрономии, знаменитым рижским пивом, кондитерскими изделиями. Латвия выступит перед столичными покупателями и с продукцией своих мебельных фабрик.

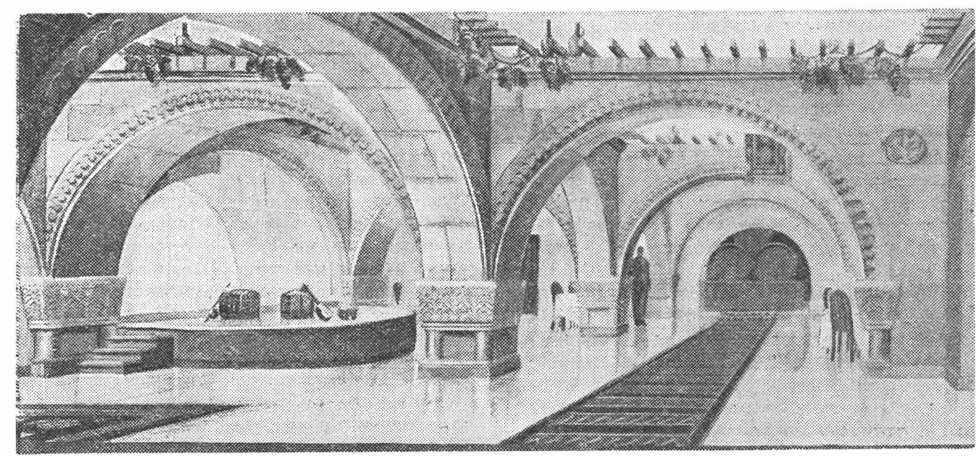
Четыре союзные республики — Украина, Армения, Азербайджан и Узбекистан — открывают в Москве рестораны.

Они предложат посетителям свои национальные блюда. Уже утверждены меню. Так, например, в украинском ресторане посетителей угостят тремя видами борща — украинским, черниговским и полтавским, — киевской юшкой, волынскими кручениками, галушками, налистниками, млынцами и десятками других украинских кушаний. Так же богаты национальными блюдами будут рестораны и других союзных республик.

Новые магазины, рестораны и кафе союзных республик украсят и обогатят колорит советской столицы.

Так будет выглядеть продовольственный магазин Армянской ССР, который откроется в Москве, на улице Чкалова.

По этому проекту будут реконструированы залы армянского ресторана «Арарат».

П. ПАВЛЕНКО

Рисунки Б. Ефимова

Ниже печатаются отрывки из очерка «Американские впечатления» писателя П. А. Павленко, который был членом советской делегации на конгрессе деятелей культуры и науки США в защиту мира.

Полный текст «Американских впечатлений» П. А. Павленко будет напечатан в № 6 журнала «Знамя».

Во второй половине дня 23 марта мы опустились на аэродроме Ла-Гардия в Нью-Йорке. Многочисленные фотографы уже разместились в виде живой пирамиды на передвижных лестницах, подаваемых к самолетам. Человек двадцать дородных полисменов стояли возле них.

Мы вышли из самолета последними. Защелкали кинамы. Вспышки ламп, прикрепленных к фотоаппаратам, на мгновение ослепили нас. Полисмены равнодушно глядели на свистопляску, затеянную фотографами, после чего мы двинулись по направлению к ближайшему зданию. И тотчас молчаливая шеренга полицейских развернулась в карре и замкнула нас, решительно отрезала от внешнего мира. Полицейские в длинных синих сюртуках или полупальто высоки и дородны, как на подбор. За их частоколом нас, должно быть, совершенно не видно. Они молча ведут нас. Мы молча идем. Корректное взаимопонимание. Регистрация паспортов длится недолго. Таможенники ограничиваются поверхностной проверкой вещей. Мы покинули бы аэродром в течение нескольких минут, если бы не пресловутый американский сервис, так наивно и неосторожно расхваленный в свое время Ильфом и Петровым. У моего чемодана отсутствовала ручка, причем все делали вид, будто так оно было все время; второй чемодан долго не находился вообще; был измят и изуродован картонный пакет одного из наших товарищей, и, наконец, после долгих разговоров выяснилось, что нам не выдадут двух кинолент: «Молодой гвардии» и «Ивана Павлова»,— захваченных нами с собой.

Меж двух шеренг полицейских, узкой тропой меж синих с блестящими пуговицами пальто, мы выбрались к машинам, уже сопровождаемые товарищами из советского представительства в ООН и посольства. На площади гудела толпа. Я не успел определить ее настроение: машины ринулись. Не верилось, что мы уже за океаном.

Вечерело. Нью-Йорк, чуть туманясь, загорался огнями реклам. Небоскребы едва проглядывались. Лишь верхние половины их смутно угадывались по кое-где освещенным окнам.

По шоссе, навстречу нам и обгоняя нас, бесшумно, без единого гудка мчались вереницы машин. Шоссе раздваивалось и ответвлялось, огни фар плясали впереди и по бокам, и первое время было трудно определить, куда они устремляются.

Было тепло, душно и сыро, как в Батуми. Воздух Нью-Йорка страшно влажен (73 процента влажности) и далеко не чист. Сами ньюйоркцы, смеясь, утверждают, что у них можно достать все, кроме чистого воздуха. Да и отчего ему быть чистым? Уличный мусор собирается в проволочные корзины и тут же сжигается на виду у прохожих. Копоть и сажа несутся над головами. Из-под земли, из зарешеченных люков, вырывается нето дым, нето пар. С верхних этажей небоскребов в глубокие узкие колодцы самых центральных авеню летят окурки, обрывки газет, пыль и пепел. Многотысячный поток автомобилей тоже не освежает здешнего воздуха. Его, действительно, как бы нет. Ему негде пристроиться...

* * *

Впереди один свободный день. Осматриваем Нью-Йорк. Проехали по Пятой авеню и Бродвею, заглянули в узкую, молчаливую, скупо освещенную Уолл-стрит и закончили 102-этажным зданием «Импайр стэйтс билдинг». Небоскребов в Нью-Йорке довольно много, но стоят они, как подсолнухи среди капусты, и первое впечатление, что город нето полуразрушен, нето недостроен. Сначала никак не мог понять, красиво это или некрасиво, пока не залез на 102-й этаж. Впрочем, не залез, а взлетел на лифте, как бы выстреленном вверх.

Лифт поднял меня в один прием снизу до 69-го этажа с такой стремительностью и остановился так внезапно, что ноги вот-вот должны были оторваться от пола, и я через потолок кабины обязан был вознестись к небу уже вполне самостоятельно. С такой же быстротой вздернули меня с 69-го этажа до 80-го и с 80-го — до последнего.

Там, в небольшом стеклянном фонаре, приютился бар. Бутылка содовой воды, взятая мною для освежения, не принесла успокоения моей душе: вода мерно раскачивалась в бокале в такт качке всего здания. Должен признаться, меня не заинтересовал размах раскачивания.

Люди быстро поднимались на самый верх «Импайр стэйтс билдинг», суетливо пробегали по балкону, покупали грошовые сувениры и бегом направлялись к лифту, идущему вниз, а на смену им вываливались новые толпы чающих сильных ощущений и бегом, вприпрыжку, навосхищавшись, безусловно, необычайным видом «железобетонного Миргорода» — так когда-то прозвал Нью-Йорк Есенин, — отбывали столь же поспешно по направлению к земле.

С открытого балкона, венчающего это удивительное здание (он обнесен высокой решеткой, как клетка льва, в предупреждение самоубийцам — банкротам и влюбленным, — считавшим оригинальным падать на головы прохожих), Нью-Йорк просматривался, как с парашюта. Более низкие, так, этажей на шестьдесят, небоскребы, то в виде карандаша, то в виде нескольких комодов, поставленных один на другой, казались похожими на железобетонные сталактиты. Трех- и четырехэтажные дома казались не больше спичечных коробок, машины походили на муравьев, а люди воспринимались как нечто, уже едва уловимое глазом...

Трудно сразу понять смысл вавилонского нагромождения в общем каких-то беспомощных, хрупких зданий. Чтобы производить впечатление самого необыкновенного города на земле, не нужно столько нелепых сооружений.

Нью-Йорк, конечно,—город-перебор. В нем так много лишнего, рассчитанного на величину, на сенсацию, что он уже не поражает, а вызывает недоумение. Это город, созданный формалистами, из всех категорий прекрасного знающими только одну — размер. Так смешит в Германии лейпцигский памятник в память «Битвы народов». Немцы могут сообщить только его вес и высоту. Считается, что все остальное, в том числе и красота, само собой подразумевается при большом весе и отличной высоте.

И суеты много. А вот знаменитая Уолл-стрит, как это ни странно, — тихая улица, помнится, совсем без реклам, без скачущих огней. Этим скакать нечего и рекламироваться незачем. Зато вся остальная страна бежит, стоя на месте, задыхается, отирает со лба пот и опять бежит, торопясь куда-то.

Нью-Йорк, бесспорно,— всемирный банкир. Отсюда приводятся в действие невидимые нити, связывающие тихую улицу Уолл-стрит с африканскими каучуковыми плантациями, военными операциями в Китае, с хлопковыми складами в Египте, делами королей, султанов, царьков, шахов, эмиров, международных шпионов. Здесь пытаются решать судьбы маленьких народов. Здесь предрешаются банкротства норвежских и итальянских купчишек, карьера датских и французских министров, итальянских и австрийских попов. Здесь намечается сезонный товар «идей»: во что верить, что ненавидеть, чем торговать, чему сопротивляться. Здесь фабрикуются «пакты» и «планы Маршалла». Конечно, Нью-Йорк — подлинная столица американской «сверхимперии», созданной воображением авантюрно мыслящих миллиардеров.

* * *

Ньюйоркская толпа не показалась мне внешне интересной. Люди толкались, опережая друг друга. Многие что-то дожевывали. Не видно цветов. Нет, это не Париж. И не Рим. И не Варшава. И не Прага. Но в то же самое время Нью-Йорк чем-то напоминает все эти города.

Я все время интересовался: в центре ли мы?

— В центре, в центре.

Тут вспомнил я, что обязательно нужно видеть ночной Бродвей — главную улицу, сердце города. Среди блестяще освещенных неоновым светом центральных улиц Нью-Йорка Бродвей, конечно, самая эффектная. Она к тому же довольно широка, чего нельзя сказать о всех остальных. Свету на Бродвее чрезвычайно много, он уже не просто светит, а, как отблеск зарева, пылает на лицах и предметах.

При таком освещении можно читать и писать, но чувствуешь себя очень неловко, точно тебя все время кто-то подсвечивает сбоку. Красные, зеленые, желтые, бегающие, струящиеся, прыгающие, дымящиеся, брызжущие водой и искрами рекламы сначала поражают. Какое-то светоизвержение. Но уже на десятой минуте оно утомляет и раздражает зрение, потому что все это световое безумство задумано совсем не ради красоты, совсем не для удовольствия человека. Каким был бы Нью-Йорк сказочным городом, если бы художникам и декораторам удалось вместо рекламирования подтяжек и сигарет использовать огромные запасы освещения для украшения

зданий, памятников и парков! Это был бы тогда действительно город побежденной ночи. Но здесь красота, видно, хороша только в том случае, если приносит доход. Во всех остальных она, по здешним понятиям, необязательна. И в конце концов крикливое, беспокойное, раздражительное баловство светом тоже производит впечатление чего-то бегущего, спешащего. Рекламам некогда, как и людям.

Американский капитализм проявляет себя в своем хаотическом «величии» даже на примере Бродвея. Чувствуется, что в любую минуту все это сооружение, созданное тысячами отдельных усилий, может внезапно рухнуть, подточенное теми же, кто его создавал. Нелепость капиталистического порядка бросается в глаза на каждом шагу, и трудно себе представить, но руководители этого гигантского муравейника даже не понимают трагизма своего положения.

Очень неустойчиво, очень непрочно видимое великолепие здешней жизни. Есть деловой американский «патриотизм», и нет духовного патриотизма, нет общих исторических традиций, общности судеб. Американец украинского происхождения, лет тридцать тому назад прибывший в США, очень отчетливо выразил это.

— Как там, в Полтаве? — спросил он у меня. — Говорят, она здорово пострадала от немцев?

Я ответил, что Полтаве действительно сильно досталось, и, в свою очередь, спросил, почему это его интересует, он же ведь давно американский гражданин.

— Днем мы все американцы, а ночью, под одеялом, украинцы или итальянцы, шведы или поляки.

Для моего собеседника Соединенные Штаты были не родиной, а предприятием, в котором он работал. Душа же его была на Украине. Если прикинуть в уме, что только в одном Нью-Йорке полмиллиона русских, столько же поляков, несколько больше ирландцев и итальянцев и заметное количество выходцев из других стран, то слова моего собеседника приобретут серьезный смысл. Статистика 1916 года установила, что в Нью-Йорке ирландцев больше, чем в Дублине, столице Ирландии, и больше итальянцев, чем в Риме. После Берлина Нью-Йорк — город с наибольшим немецким населением.

* * *

В день нашего приезда, совпавшего с приездом У. Черчилля, прибывшего в качестве гостя президента Трумэна, мне показали номер «Нью-Йорк таймс» от 14 марта. Вот что я прочел в нем.

Каждую минуту в США происходят три серьезных преступления.

Эдгар Гувер, директор федерального бюро расследований, сообщал, что по сравнению с 1938—1941 годами случаи вооруженных нападений и изнасилований увеличились на 68,7 процента, грабежей — на 16,7 процента; что в 1948 году в США было арестовано 759 698 человек; что средний возраст преступников — 21 год; 58 процентов из них (то есть 440 872 человека) уже имели приводы и судимости.

Одной из основных причин роста преступности считается необычайно возросшее потребление алкоголя и моральная распущенность молодежи. Примерно в то же время журнал «Кольерс» в рекламной статье «Секс в наших школах» сообщил, что в прошлом году 50 тысяч школьниц старших классов родили «незаконных» детей.

Вы спросите: и что же последовало в результате статьи?

Было учинено следствие? Назначены компетентные комиссии? Сделаны запросы в конгрессе? Решительно ничего не произошло. Никто ни о чем не запросил, никто ни о чем не позаботился. Надо полагать, что в будущем году родят уже не 50 тысяч, а 70. А журнал «Кольерс» даст этому новую рекламу. Только и всего.

Но знаете ли вы, что такое «незаконный» ребенок в США?

Вот тот же номер «Нью-Йорк таймс» от 14 марта. В отделе «Развлечения» (!) большая фотография мальчика с длинными волосами, с застывшим от испуга лицом, осторожно гладящего кошку. Этому мальчику 14 лет. С четырехлетнего возраста мать — миссис Солливэн из Бостона — держала его взаперти, скрывая от всех. Он был ее незаконным ребенком, кроме него она имеет трех вполне законных детей, старшему из которых стукнуло уже 20 лет. Муж бросил ее вскоре после рождения «незаконного» ребенка. Первые четыре года она держала его в деревне, затем подлинный отец его умер, платить за содержание мальчика стало некому, и миссис Солливэн, вышедшая вторично замуж, взяла его к себе, решив скрыть от всех «грех» молодости. В течение десяти лет она несколько раз меняла квартиры, но всегда находила тайное помещение для мальчика.

Четырнадцатилетний Джеральд жил в темной каморке, где стояла только узенькая койка. Мальчик был одет в отрепья и зарос волосами, как дикарь. Случайно он бежал из своей тюрьмы и обратил на себя внимание полиции. Тут он впервые в жизни увидел яблоко, апельсин, кошку. Говорил он мало, но довольно внятно. Старший сын миссис Солливэн, капрал флота, рассказал, что ему и другим детям было известно о существовании мальчика в темной комнате — иногда в отсутствие матери он даже выпускал Джеральда погулять по квартире, — но кто этот мальчик, он не знал, а у матери спросить не смел.

Какая вежливость, подумайте!

Вы опять можете спросить у меня: что стало с этим трагическим ребенком? Я не знаю. Назавтра газеты уже ничего не сообщали о нем. Сегодня он был сенсацией, «товаром» — назавтра он потерял ценность в глазах газеты, и о нем перестали говорить.

И вот в 1948 году в США родилось 50 тысяч таких будущих Джеральдов, о чем с развязностью содержателя публичного дома информирует журнал «Кольерс». Вы думаете, это бичующая, страстная статья? Научный трактат? Социологическое исследование? Вы глубоко ошибаетесь. Это просто-напросто реклама журнала, взявшая своей темой тему бедствия. Ничто так не привлекает читателя, как неожиданность; бороться же с этой неприятной и вредной для общества «неожиданностью» журналу нет охоты.

* * *

Несколько слов о музыке в США.

Америка, конечно, — гостиница для музыки. Музыка у них тут приезжая, привозная, своей нет. То есть она, конечно, имеется, но это безликая, бесхребетная музыкальная похлебка. Это та музыка, которую, как содовую воду, можно получить всюду....

Не смея высказаться откровенно, многие здесь делают вид, что этот музыкальный декаданс — как раз то, что им надо. Но вот письмо одного искреннего человека, опубликованное газетой «Вашингтон пост»:

«За полвека мне пришлось слышать немало музыки в разных городах США и Англии, но никогда еще я не слышал такого бедлама, какой преподносился в эту зиму слушателям в Вашингтоне под видом ознакомления столицы с современным музыкальным искусством, с выдающимися новыми композиторами, способными, судя по всему, создавать только дикую кошачью музыку и сплошную какофонию.

В моем словаре — а словарь у меня хороший — говорится, что музыка — это искусство создавать гармонические и приятные сочетания звуков. Но, повидимому, наши композиторы, дирижеры и критики неспособны понять разницу между модуляциями Шуберта и звуками пароходного гудка, и если уж необходимо им мучить вздором несчастную публику, то пусть они не называют свои творения музыкой. Дайте этому новому «искусству» новое название».

Вы включаете радио и слышите очень приятную мелодию в исполнении незаурядного тенора.

— Что это? Итальянский романс?

— Едва ли, — объясняет вам знающий человек. — Вероятнее всего реклама мыла «Пальмолив».

Рекламируют соло, рекламируют дуэтом. Какие-то микродраматурги пишут скетчи на темы о сорочках, чулках или резиновой жвачке. Потом поют хором о сливках, о путешествии во Флориду, о каком-нибудь отеле.

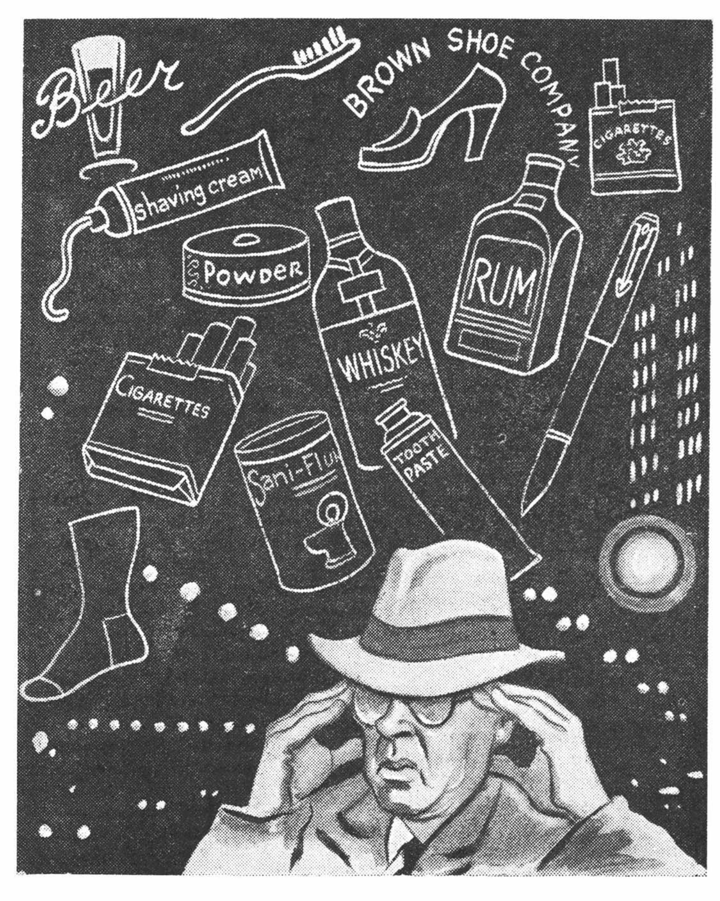
Реклама, положенная на ноты, — собственно говоря, наиболее популярный жанр в Америке.

* * *

Как-то в свободный час я побродил по Бродвею. Народ толпился только в «аптеках» и в маленьких барах, магазины же дамских вещей и великолепные универмаги пребывали в дремоте. Может быть, американцы покупают больше утром, чем вечером, или вообще не покупают на Бродвее, где все стоит дороже? Не знаю. Но в небольшом городе Глен-Коу, в 80 милях от Нью-Йорка, где мы жили, картина та же. К ослепительным магазинам автомобильных фирм не приближалась ни одна душа. Галантерейные, книжные, промышленнотоварные магазины пустовали. Лишь в «центовках», магазинах, где любая вещь не дороже одного — двух долларов, бродило человек по двадцать — не столько покупателей, сколько обозревателей. В Вашингтоне то же самое. Причем картина не меняется с утра до 6 часов вечера, когда магазины закрываются. На мой взгляд, жизнь в Соединенных Штатах очень дорога, гораздо дороже, чем в Европе. Доступны только очень плохие, непрочные и некрасивые вещи. Все приличное или хорошее совершенно недоступно не только рабочему, но и среднему служащему. Ньюйоркская улица производит впечатление чрезвычайно однообразное. Люди одеты чисто, но удручающе одинаково, стандартизированно.

— Когда у вас в Советском Союзе снижаются цены на товары, — сказал мне знакомый американец, — это значит, дела в стране обстоят хорошо. Когда у нас цены снижаются, — значит, недалеко кризис. Товары дешевеют только тогда, когда промышленники не знают, что делать, чтобы избавиться от них.

Огромным бременем ложатся на плечи американского обывателя и расходы на содержание правительственного аппарата.

Мода на планирование, которым стали увлекаться после успехов наших пятилеток, привела к тому, что сейчас создана специальная комиссия... по расследованию планового хаоса. Нелегко, видно, планировать капиталистическое хозяйство!

Оказывается, выдачей государственных ссуд, как о том свидетельствует журнал «Лук», занимаются 38 государственных учреждений, 16 других ведают заповедниками. Управление по делам индейцев, под попечительством которого находится всего 993 тысячи человек, насчитывает в своем аппарате 12 269 служащих, то есть один служащий приходится на 32 индейцев. Городским планированием занимаются 12 ведомств, вопросом социального обеспечения, которого, в сущности, нет,— 28, лесоводством — 14, минеральными ресурсами страны — 25, статистикой — 65 государственных ведомств.

* * *

Мы видели мало, но увидели много. Для того чтобы представить жизнь города, изучение уличной толпы может быть очень полезным. Мы почувствовали стиль и характер общественной жизни Соединенных Штатов.

Побывали в концертах, в кино. В театре быть не могли за отсутствием таковых. Ни в Нью-Йорке, ни в Вашингтоне нет театров в нашем понимании. Есть театральные здания, но постоянно играющего коллектива не существует.

Мы побывали в Вашингтонской национальной галлерее, самом большом мраморном здании на свете, как сказано в путеводителе, и видели много замечательных полотен — старых итальянских, испанских и голландских мастеров. В залах, где размещены самые дорогие картины, обязательно дежурят вооруженные полицейские. Картины, видно, крадут. Я уж потом и не заглядывал в путеводитель, а искал полисмена. Если он толчется у двери, — значит, что-то есть знаменитое. Надо смотреть. Музей пустоват — не то, что наша Третьяковка. Пуст и ботанический сад.

Наблюдал я и за торговой жизнью книжно-газетного киоска. Имел счастье лицезреть в журнале фотографию президента Трумэна в купальных трусах. Видел и другую его фотографию — с индюшкой в руках. Оказывается, есть в США праздник индюшек. Когда-то первые поселенцы находились на краю смерти от голода. Местные жители, индейцы, сжалились над несчастными, приволокли им индюшек. С той поры и учрежден праздник, но не в честь спасителей-индейцев, а в честь спасительниц-индюшек. Но фото в трусах так никто и не мог объяснить.

Впрочем, что требовать от человека с небольшим художественным вкусом, если сам «Мистер Папа», глава американских литературных снобов, писатель Э. Хемингуэй фотографируется в журнале голым в час утреннего кормления своих пяти или шести кошек. Жирное, обрюзгшее от алкоголя тело. Делается невольно стыдно за писателя, который мог бы проявить больше уважения если не к своей особе, то, по крайней мере, к своей профессии.

Я видел старый Бруклинский мост и новый, построенный по проекту инженера, русского по происхождению. Видел город Вашингтон, созданный по плану архитектора-француза под заокеанский Париж. Кое-что в действительности напоминает столицу Франции, ее лучшие ансамбли, но все вместе искусственно.

Слышал я оркестр под управлением поляка Стоковского и не слышал оркестра, говорят, еще лучшего, под управлением итальянца Тосканини. Я перелистал в книжном киоске «Анну Каренину», доведенную до размеров сдвоенной книжечки библиотеки «Огонька». Утверждают, что в результате сокращения «роман стал более удобочитаем». Я заходил в «аптеки», где едят сосиски, пьют пиво, покупают жевательную резину, и видел, как торопливо и неуютно питается американец. Сосиски, бекон, поджаренный, как ломтик сухаря, чашка кофейной бурды — и уже бежит, дожевывая на ходу. Я не видел, как живут миллионеры: не приглашали; не видел, как живут безработные, хотя имел приглашение. Наша делегация получила следующее письмо:

«Советской делегации на Конгрессе в защиту мира.

Джентльмены!

Политические деятели США утверждают, что в Америке высокий жизненный уровень. Они лгут. Высокий уровень жизни существует далеко не для всех. Как живут миллионы безработных? Как живут старики? Как живу я сам?

Я безработный индустриальный рабочий, вполне работоспособный. Во время войны, до июня 1948 года я работал сборщиком радиоприемников и усилителей. В июне прошлого года фабрика закрылась. Я стал искать работу на других фабриках, но из этого ничего не вышло. Тогда я поехал по другим городам, стараясь найти хоть какую-нибудь работу, но везде было одно и то же: либо рабочие не нужны, либо я оказывался слишком старым (мне за пятьдесят).

Кроме радио и электротехники, я работал в текстильной и обувной промышленности и делал разную другую работу. Я получал пособие по безработице, теперь уже не получаю. Все свои сбережения я истратил на поездки по городам и на поиски работы. Впереди у меня нужда и голод. Вот каков высокий уровень жизни в Соединенных Штатах.

Пожалуйста, не сидите только в Альдорф-Астории, а посетите безработных рабочих, посетите меня, и вы увидите настоящую Америку.

Джозеф БЭДРИК.

384 Квинси-стрит. Бруклин. Нью-Йорк».

Я регулярно просматривал иллюстрированные журналы и, если находил в них нечто мало-мальски похожее на будничную американскую жизнь, запоминал все: убийство полисменов, ограбление, шантажи, чьи-то свадьбы, группы голодных актеров на Бродвее.

Я побывал в Нью-Йорке у врача-фтизиатра. Вероятно, очень хороший и знающий свое дело врач, но я сравнил его со своими ялтинскими фтизиатрами — и сравнение оказалось не в его пользу. Наши и знают больше и лечат без дураков. Здесь же, в частной клинике, лечение начинается не с болезни, а с прейскуранта. Можно поддуть легкое за пятерку, но можно и за двадцатку, хотя все дело заключается в том, чтобы сделать укол иглой между ребер.

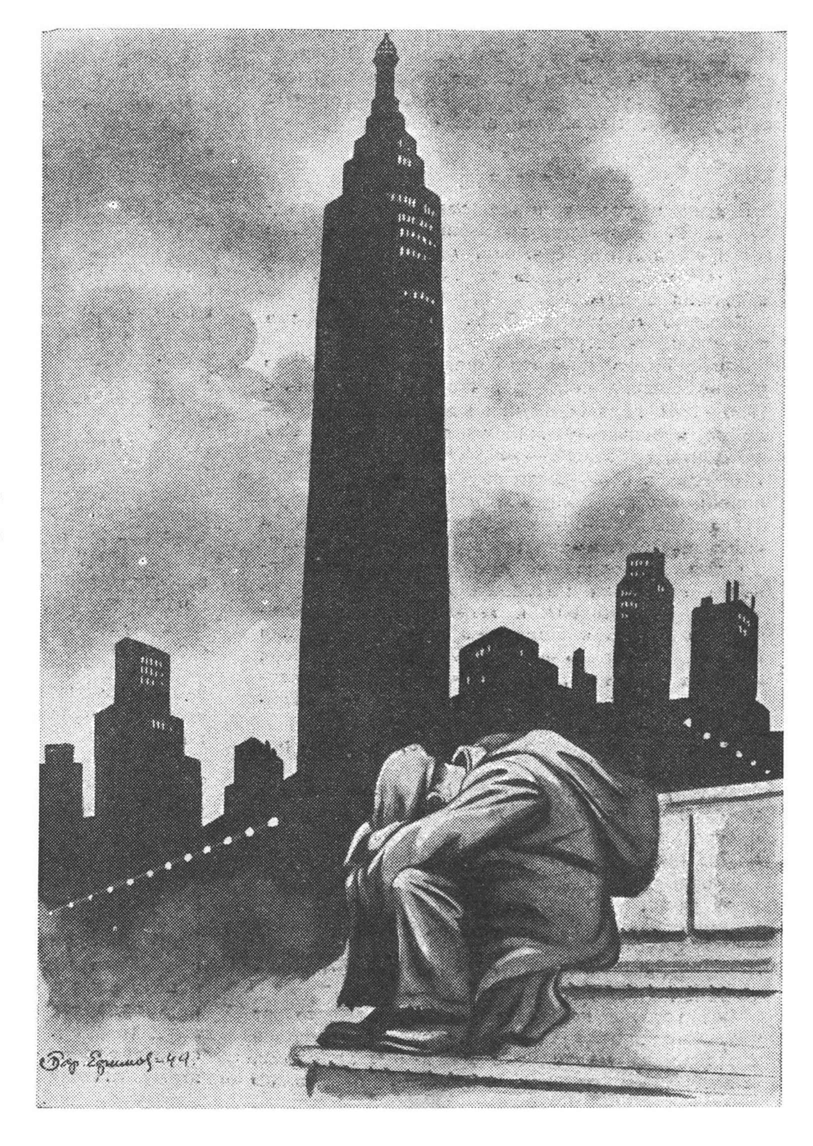
Наконец, я видел негров. Никогда раньше не представлял я ужаса, в который со дня рождения и до смерти погружена жизнь человека черной кожи. Сказать, что это рабство,— значит ничего не сказать. Нельзя назвать жизнь негра и каторгой. Она что-то гораздо худшее. Это — мучение ежечасное, мучение в течение десятилетий. Будь я негром, ни за что не жил бы в Америке. Впрочем, я не хотел бы жить в ней и белым. Советскому человеку многое здесь настолько непонятно и чуждо, что он никогда бы не мог примириться с ходом вещей и принять их как должное.

Порядки и нравы капиталистического общества даже в тех мелких дозах, которыми мы невольно пользовались, будучи в США, портят настроение, не говоря уже о пищеварении. Они старят. Они вызывают бессонницу. Это все настолько неправильно и нелепо, что с утра от раздражения немилосердно начинает ныть печень и хочется говорить одни непристойности.

Американская интеллигенция помаленьку начинает разбираться в условиях своего существования. Даже людям, далеким от политики, становится ясно, что жить так, как до сих пор они жили, уже немыслимо. Не понимая и от непонимания этого боясь социализма, они не могут не видеть и не чувствовать, что социалистическая система настолько превосходит капиталистическую, что США уже никак не могут претендовать на звание самой передовой страны в мире ни в технике, ни в экономике, ни даже в коммерции.

США — страна без цели и надежд. Она живет вслепую. Но как долго это может продолжаться? Народы развиваются и растут только тогда, когда видят перед собой широкие горизонты. Но что хорошего принесет Америке завтрашний день, когда введение механического хлопкоуборочного комбайна на юге сгонит с земли еще 5 миллионов людей? И это в дополнение к тем 5 миллионам безработных, которые уже зарегистрированы сегодня!

Что принесет завтрашний день 13 миллионам негров и 40 миллионам белых рабочих, членов профсоюза, после того как издевательский закон Тафта—Хартли войдет в силу и профессиональные союзы, давно уже взрываемые изнутри провокаторами, превратятся в институты дополнительного закабаления рабочих? Промышленники не знают, что делать со своими товарами. Конгрессмены кричат об опасности коммунизма, а американский народ чувствует, что он накануне экономической депрессии, в сравнении с которой катастрофа 1931 года покажется чепухой. Страх бродит над Америкой, как туман, он обволакивает мозги пессимизмом и ожиданием бед.

СТАНЦИЯ «НИНА»

Рассказ

Вл. ДУДИНЦЕВ

Рисунки П. Караченцова

Мы получили новый наряд на взрывные работы и по шпалам всей бригадой ушли далеко в горы. На шестидесятом километре оборвался рельсовый путь. На семьдесят шестом площадка, вырубленная в каменной стене ущелья, уперлась в тупик. Все ущелье перед нами закрыл «Собор». Черное подножие этого гранитного великана-обломка подтачивала шумная река, обходя его далеко внизу, в полумраке, узким коридором. Отвесные стены скалы, постепенно розовея, уходили вверх, к горной синеве, и заканчивались множеством красных маковок.

— Троицко-Сергиевская лавра! — сказал наш бригадир Прокопий Фомич Снарский, глядя вверх.

В его бинокль я увидел между гранитными маковками желтые лишаи и спокойно перебегающих по выступам горных индеек.

В тот день Прокопий Фомич еще раз удивил бригаду своим искусством. Он осмотрелся и нашел в скалистой стенке, в ста шагах от «Собора», пласт мягкого камня. Мы пробурили в скале два десятка шпуров — там, где он ткнул в камень мундштуком трубки. Зарядили шпуры взрывчаткой, подожгли бикфордов шнур и убежали за поворот. Раздалось два десятка выстрелов, мы вернулись и увидели в стене квадратную нишу. Еще двадцать, еще три раза по двадцать выстрелов, и Снарский сказал:

— Вот вам и хата.

И сел на длинный камень около нашей пещеры, закинул ногу на ногу — весь желтый от паров взрывчатки. Шевеля длинными висячими усами, он солидно и обстоятельно стал приглядываться к гранитной громаде «Собора». Мы любили своего дядю Прокопа и сразу поняли, что на этом камне он будет вечерами сидеть и смотреть на скалу — до тех пор, пока не взорвет ее. И, расчищая площадку перед пещерой, бригада решила оставить для него длинный камень.

Каждое утро, набрав в брезентовые сумки желтого, как яичный порошок, мелинита, мы всей бригадой уходили к семидесятому километру выравнивать полотно дороги и дробить крупные глыбы. «Бах-бах-бах!» — до вечера не умолкала стрельба.

Однажды, когда мы разложили по глыбам заряды и за укрытием ждали взрывов, к нам сбежала по извилистой овечьей тропке высокая кудлатая собака и за нею, словно камень упал на площадку, спрыгнул очень широкий и короткий мальчишка-киргиз с большой стриженой головой. Подошел смело, как хозяин, сел возле нас на гранитную плиту.

— Это что? — посмотрел удивленно на отрезок бикфордова шнура в руке Снарского, следя за голубым дымком, что полз вверх по шнуру.— Что это?

— Здесь горит и там горит,— пояснил Гришука, самый молодой взрывник в бригаде.— Контроль. Как догорит,— пойдет стрелять!

— Это ваша работа? Все? — спросил коротыш уже тише и махнул палкой вдаль.— Вся дорога?

Голубой дымок подполз к пальцам Снарского. И сразу над ущельем вдали возникли, клубясь, один за другим коричневые столбы вверх и в стороны, и донеслось запоздалое «бах-бах-бах» — подтверждение слов Гришуки.

Мы познакомились с гостем. Оказалось, что Мусакеев — не мальчик: ему шел уже шестнадцатый год. Где-то за скалами паслась его отара, а километрах в сорока от пастбища, в соседней долине, был его колхоз.

Он стал навещать нас каждый день. Гришука подружился с ним и даже дал ему поджечь бикфордов шнур.

— Это мелочь, — однажды сказал Гришука нашему новому товарищу. — Скоро не то увидишь. Будем «Собор» взрывать! Это целый вагон взрывчатки!

— Пять вагонов взрывчатки,— спокойно ответил Мусакеев, и маленькие черные глазки его уползли в сторону, смеясь. — Эшелон!

Он так весело сказал это, что мы все, перестав улыбаться, уставились на него. Мусакеев хлопнул высокого пса по загривку, повалил его, и пес забил хвостом, радуясь ласке. Подняв на нас глаза, Мусакеев сказал неожиданно:

— Взрыва не будет. Около «Собора» каждый год ходят. Я говорил с геологами.

— Ну, ну, побеседуй еще,— Снарский добродушно засмеялся.

Засмеялись и мы. Откуда Мусакееву знать, будет взрыв или не будет!

Пещера наша была уже забита досками, законопачена, это уже не пещера была, а чисто выбеленная теплая изба с окном и печью. Настя, жена Снарского, уже хозяйничала в этой избе и дул в оконное стекло зимний сырой ветер-улан, когда к нам приехали двое верховых — начальник участка Геннадий Тимофеевич Прасолов и с ним худощавый, обмороженно-красный человек в городском пальто. Наш бригадир выбежал к ним без шапки, и все трое пошли к «Собору». А мы столпились у своего жилья, стали наблюдать за ними. И Мусакеев оказался здесь — в распахнутом овчинном полушубке прямо свалился со скал к нашим дверям.

Подойдя почти вплотную к гранитной стене «Собора», трое остановились. Высокий незнакомец развернул трубку чертежей и сразу изменился — стал хозяином положения. Бросил руку с вытянутым пальцем в сторону и вниз и ткнул в чертеж.

— Что они там колдуют? — спросил Гришука.

Снарский, совсем маленький по сравнению с приезжими, покуривал трубочку, слушал их, стоя чуть-чуть в стороне. Время от времени, откинув голову назад, он смотрел вверх, туда, где горели, купаясь в морозной синеве, красные маковки «Собора».

— Взрывать будем! — крикнул Гришука.

Он захотел побороться и обхватил Мусакеева. Коротыш, не обращая на него внимания, только шире расставил ноги.

— Не будем взрывать,— сказал он.

Должно быть, незнакомец сумел доказать свою правоту там, у скалы. Он свернул чертеж и говорил уже спокойно, поворачиваясь спиной к ветру. Теперь он указывал бумажной трубкой вдаль, на противоположную сторону ущелья. Он первым двинулся к нам, взяв под руку Прасолова. Снарский побрел за ними, задумчиво дымя трубкой, опустив плешивую голову.

— Мост,— услышал я наконец голос Прасолова,— это ведь немалые деньги. Как, по-вашему?

— Спросите мостовиков,— ответил незнакомец.— Я не мостовик.

— Полтора миллиона! — мы сразу узнали решительный басок дяди Прокопа.— При мне строили такой мост в Забайкалье. Полтора. А то и все два.

— Подожди, Фомич, не кипятись,— всегда спокойный Прасолов улыбнулся ему.

— Не согласен, Геннадий Тимофеевич,— Снарский повернулся к нему спиной.— Так быстро миллионные вопросы не решаются.

— Эти вопросы, Фомич, не здесь решают.

— Вот так,— Снарский, не замечая незнакомца, выразительно оглянулся на Прасолова и выбил трубку о желтую ладонь.— Вопрос этот нужно решать по-партийному.

— Вопроса-то уже нет! — с усталой улыбкой ответил незнакомец, обращаясь к Прасолову.— Трассу изучали не один и не два специалиста. «Собор» нам ясен.

Лошади рысцой унесли за поворот наших гостей, а Снарский вошел в избу, хлопнул дверью и сел за стол.

— Давай обед,— сказал он Насте и резко засмеялся.— Как же! Ясен тебе!

За обедом Прокопий Фомич выпил чашку водки, вспотел и долго сидел над тарелкой, широко раскрыв глаза, закусив зеленоватый от паров мелинита ус.

— Видишь ты,— сказал он наконец, не обращаясь ни к кому.— Видишь ты, земляной оползень на скалу навалился! — он едко усмехнулся, покачнув головой.— Опасно! Взорвем,— значит, гора поедет на нас, подземные воды потекут! А посему оставить «Собор» в покое и строить мост. А?

— Ты чего расходился? — добродушно спросила Настя.

— Не верю! Геолог обязан доказать. Чтоб не было колебаний. Чтоб я знал, куда миллион идет. Миллион лишний истратить — это мы и без инженера можем. А ты сумей так, чтоб миллион в банке остался и интерес чтоб был соблюден! Чтоб мы сказали: мудрец, золотая голова, учили тебя не зря — памятника достоин!

— Руки чешутся взорвать — так бы и сказал,— Настя легонько толкнула мужа в спину.— Погоди, не горюй, Прасолов-то ничего еще не сказал. Раз ездят сюда,— значит, думают еще. О миллионе-то.

— Напишу в Москву,— сказал Снарский, отодвинул тарелку и пролил борщ.— Дочке напишу.

— От дела стоит ли отрывать ее? — заметила Настя.

— А это тебе — не дело? — Снарский стал смотреть в окно, мелко постукивая носком сапога.— Я ей просто изложу. Пусть сама решает. И планы пошлю. Прасолов мне еще ни в чем не отказывал — скопирует.

— Отпустят ли? В Москве-то...

— Все будет так, как надо, поняла? Может, я дурак,— значит, так и скажут. И будем строить мост, пойдем в обход.

Через неделю Прокопий Фомич отправил в Москву толстый пакет. А в апреле, когда засветились на склонах бледные огоньки горных фиалок, приехала к нам Нина.

В тот ясный розовый вечер мы сидели за столом и наперебой рассказывали Мусакееву о нашей работе, о взорванных скалах, о страшной силе мелинита и показывали ему до локтей желтые руки.

Вдруг послышались снаружи быстрые шаги. Первым вбежал в избу Снарский. За ним счастливая Настя распахнула дверь, отступила в сторонку. И тут же, нагибаясь, шагнула через порог высокая девушка в синем драповом пальто, в синей шляпе с широкими полями. Молодые серо-голубые — настины — глаза с веселым любопытством осмотрели каждого из нас — всю бригаду.

Настя подвинула ей лавку. Нина села посреди комнаты. Сняла шляпу. Пепельно-шелковые тяжелые завитки рассыпались по плечам вокруг узкого лица. Все молчали. Она удивленно улыбнулась Снарскому, и Прокопий Фомич, взглянув ей в глаза, сразу стал мягким, испуганным старичком.

Мы смотрели на нее во все глаза. Вот она, долгожданная! Настино белое, чуть курносое лицо — только уже. Большая бархатная родинка на щеке. Настин правдивый взгляд, подчеркнутый движением широкой брови. «Красавица!» — говорило наше молчание.

— Папа, познакомь нас, пожалуйста,— вдруг услышали мы ее голос. Снарский по очереди представил нас.

— Знаменитые взрывники,— говорил он о бригаде.— А товарищи — водой не разольешь. А работать — львы! Самый старший у нас Ивантеев Вася. Требует от всех дисциплины. А этот уже курить научился,— сказал он о Гришуке.— А вот будущий член нашей бригады,— он положил руку на стриженую голову маленькому Мусакееву, и тот опустил глаза.— С ним мы будем поджигать шнур, когда подведем заряды под «Собор».

— Сколько же тебе лет, малыш? — Нина вдруг поймала Мусакеева, обняла его, и он начал отбиваться, не поднимая глаз.

Ошибка! Нина вспыхнула, Мусакеев вырвался, весь красный, и сразу вышел из избы.

Потекли быстрые апрельские дни. Над нами в холодной горной синеве ослепительно сияло солнце. Мы крошили глыбы уже на шестьдесят восьмом километре. Нас было теперь не четверо, а только три человека — каждый день по очереди один из нас уходил по ущелью с Ниной, нес за нею поперечно-полосатую рейку и теодолит.

Вот какая она была быстроногая! В кирзовых сапогах, в стеганой телогрейке Снарского поверх ситцевого платья, она вела своего дежурного спутника почти бегом, с камня на камень, по оползням и осыпям без остановок. Первые дни — вниз, на сырое дно ущелья, где над бурной зеленой водой нависали гигантские слоистые скалы, под ногами гремели крупные голыши и странные серые птички, как мыши, неслышно исчезали среди камней. «Аллювий»,— говорила Нина, жадно осматривая россыпи гальки.

А в мае начались ежедневные походы в горы, вверх. Нина уходила ущельем к семидесятому километру, поднималась знакомой нам овечьей тропой в луга, выше, и по каменному гребню возвращалась к ущелью, выходила высоко над нашим жильем. Далеко внизу в прозрачноголубой яме курился настин хозяйственный дымок. Совсем близко, ниже нас, горели красные маковки «Собора». Привалясь к нему земляным плечом, чернела та самая ползучая гора, много раз проклятая Снарским. Она выползала из-за серой, в ржавых лишаях, словно падающей на нас стены.

Мы считали дни до взрыва. Никто не замечал озабоченного лица Нины, и, конечно, мы не ожидали, что наши путешествия в горы прекратятся так неожиданно.

Это было утром, мы все сидели за завтраком, и к нам зашел Мусакеев. В последнее время он переменился — стал еще сдержаннее. Он неслышно вошел к нам, одетый в новую военную гимнастерку, узко перехваченную офицерским ремнем со звездой. Увидел, что мы сидим за столом, поздоровался и сразу вышел за дверь.

— Эй, Мусакеев! — закричал Снарский.— Лови его, ребята! Тащи к столу!

Мы бросились к двери, но он сам вошел с огромным снопом горных цветов. Положил цветы на пол около стены — неизвестно для кого — и, помедлив, сел с нами за стол.

— У вас семья, — сказал он.

— Слышишь, Настя! — дядя Прокоп уронил большую руку на плечо Мусакееву, обнял его.— Хочешь к нам в семью? Признавайся!

Мусакеев не вздохнул — удержал вздох.

— Осенью можно будет? Отару отгоним — тогда.

В это время Нина поднялась из-за стола. По привычке она надела сапоги. Потом вдруг сбросила и так осталась сидеть на лавке необутая, по-мужски сосредоточенная. Снарский заметил это, молча стал наблюдать за нею. Затем положил ложку:

— Ну? Что случилось?

— Мне некуда идти сегодня...

— Что такое?! — загремел на всю избу голос дяди Прокопа.

Никто из нас не ждал такого поворота дел. Нина молча принесла из-за занавески трубку ватмана, мы сдвинули миски в сторону, и на стол лег чертеж. На твердом листе черной тушью был нанесен контур «Собора», а под скалой левее — дно реки и противоположный берег. Сверху справа напирала на «Собор» жирная линия оползня.

— Что ж у тебя справа весь нижний угол пустой? — спросил Снарский придирчиво-обиженным тоном.— Я видел на всех чертежах — здесь шла линия. Вот так, снизу вверх.

Он говорил одно, а глаза его спрашивали другое: «Что? Что задумалась? Почему не говоришь?»

— Подожду проводить эту линию,— Нина медленно обернулась к нему, и мы вдруг увидели, как она похудела здесь, в горах.— Если линия действительно вверх идет,— значит, оползень едет по ней на нас, под горку, и я напрасно приезжала.

Дядя Прокоп резко отвернулся к окну и мелко застучал носком сапога. Нам стало жаль его: он теперь был похож на обиженного старичка. Редко с ним бывало такое.

— Папа! — Нина потянула его за рукав.— Отец! Я ведь не говорила, что собираюсь уезжать! — она выпятила губы и шевельнула ноздрями, как это делал Снарский.— Из наших предшественников никто не подкимался на «Собор». А наши горы — они ведь молодые, к ним с классическими правилами не подойдешь. Здесь все шиворот-навыворот. Сначала думаешь, что здесь коренной берег, а потом находишь где-нибудь под облаками аллювий — гальку! Что ее туда забросило? Загадки сплошные! Здесь надо как следует ломать голову.

— Ну-ну, яснее говори...

— Яснее? Если эта линия идет не вверх, а вниз,— ты знаешь, что это? Это значит, что никакого оползня нет. Нет!

— Ты же говоришь, некуда идти.

— Идти некуда. Нужно лезть. На «Собор».

— Лестницы такой не найдешь,— сказал Гришука.

Васька Ивантеев строго на него посмотрел.

— Предшественник наш считал, что оползень очевиден,— продолжала Нина.— А по-моему, «Собор» очень хитро нас обманывает. Надо лезть наверх. Я уже пробовала...

Мы вышли на площадку. «Собор» стоял на своем месте — неприступный, снизу доверху освещенный утренним солнцем.

— Ах, леший, красота какая! — Снарский едко засмеялся.— Ну и леший! Погоди, мы с тобой еще покалякаем!

— Кто сумеет туда добраться,— сказала Нина, зорко оглядывая каждого из нас,— тот должен нарисовать все, что там увидит...

Стихи о Сибири

Лев ЧЕРНОМОРЦЕВ

1. ШАХТЕР В МОСКВЕ

Ты приехал на скором ночью,
Пожилой человек рабочий.
Ты ходил по Москве, любуясь
Шириной многолюдных улиц.
И с друзьями, счастливый и
гордый,
Принимал от Шверника орден
Ты в Кремле.
Но всего сильнее
Билось сердце твое в Мавзолее.
Вспоминая двадцать четвертый,
Там слезу со щеки утер ты,
Где угля синеватые метки
Въелись с первой еще пятилетки.
Ты на Красную площадь вышел
И знакомые звуки услышал.
Бьют куранты на Спасской башне,
С ними время сверяем наше.
В Будапеште, в Праге, в Париже
Люди слышат куранты Спасской.
На пятнадцать минут ты ближе
К коммунизму,
Шахтер кузбасский!

2. СТРОИТЕЛИ

Походкой легкой молодость прошла.
Но впереди дорог еще не мало.
Где были мы, — там встали промысла,
Там зазвенела круглая пила,
Огнями ГЭС над Обью засияла.
Мы порт Игарку у Большой воды
Построили, где льдов полярных глыбы.
Медведя да сохатого следы
Перечеркнули рельсами Южсиба...
И дальше продолжается поход
На новостройки, верфи и культбазы.
Большевики, мы смотрим вдаль, вперед!
...Как хорошо, усевшись в самолет,
Чертеж Сибири весь окинуть глазом!
Как хорошо, что много есть дорог
И пахнет жизнь рекой сплавной и лесом!
Что есть друзья! И за спиной мешок!
И долгий путь Москва — Владивосток
В вагоне транссибирского экспресса!

3. ГОСТЕПРИИМСТВО

Эвенк ушел из чума на охоту.
Но, уходя, как будто ждал кого-то
(«Быть может, путник забредет какой»)
Охапку веток в камелек подкинул
И добрый кус сушеной сохатины
Он положил заботливой рукой.

Эвенк ушел. Бредет в снегах, тайгою...
Но уголек, засыпанный золою,
Я раскопал в потухшем камельке.
Я долго дул на уголек губами —
И расцвело и зашумело пламя.
Кипит вода в походном котелке.
Сижу в тепле, вдыхая запах дымный.
Кому за этот кров гостеприимный,
Когда, какою отплачу ценой!
Эвенк идет и отгибает ветки,
Ножом на кедрах оставляет метки:
Ведь позади, за ним, еще другой...
И славлю я обычай юрт и чумов:
Не о себе, ты о другом подумай:
«Усталый путник, гостем будь, входи!..»
...И пусть глаза слепит в чащобе вьюга,
За сотни верст в пути мы видим друга,
Что где-то там шагает позади...

Она не сводила с нас упорного, недоверчивого взгляда. «Нет, не смогут,— говорили ее строгие глаза.— Неужели никто не сможет? Нет, никто».

— И принесете в карманах образцы всех камней, что там найдете,— между тем говорили ее губы.— Вот. И нарисуете место, где нашли каждый камень.

В этот день горы молчали и наши сумки лежали около жилья под брезентом, где мы хранили мелинит. Нина дала нам бумаги, мы сшили себе по тетрадке и налегке поднялись в горы, туда, где черный скалистый гребень вплотную подходил к серой, словно падающей, обомшелой и сыпучей стене.

Она казалась невысокой, эта стена. Но когда нам удалось, запуская руки в трещины, цепляясь за колючие, выпадающие из своих гнезд осколки, подняться на одну четверть ее высоты, солнце уже покраснело и стало опускаться за дальние, облитые лиловой тенью горные снега. Мы сели отдохнуть на узком карнизе, спустив ноги в обрыв. Под нами чернели далекие зубцы каменного гребня. Еще дальше синел в вечерней тени травянистый склон, и по склону, извиваясь, медленно текла вниз овечья отара.

— Мусакеев, наверно, видит нас,— сказал Гришука.

— Мусакеев говорил: «Собора» нам не взять,— заметил Васька.— Гор не знаем.

— А может, и возьмем. Попробуем еще...

Мы опять стали карабкаться по истрескавшейся сыпучей стене вверх, вслед за тонким, ловким Гришукой. Нам помогала широкая трещина— держала наши ноги, как в клещах. Она постепенно расширялась, и когда Гришука влез в нее поглубже и уперся, за его спиной покачнулся и пополз на нас с каменным шорохом плоский гранитный обломок. Мы посторонились. Обломок покатился вниз, застучал, увлекая за собой каменную мелочь.

Не сказав ни слова, мы стали спускаться, ощупывая выступы ногами. Солнце уже село, когда, исцарапанные, ослабев от страха, мы спустились наконец на тот карниз, где отдыхали днем.

Без сна мы провели короткую ледяную ночь на карнизе. Заиграл новый день, мы повисли над обрывом, стали осторожно спускаться, и только в полдень ноги наши коснулись подножья стены.

Здесь, лежа на плоском камне, дымя трубкой, ждал нас Снарский, странно неподвижный и рассеянный. Мы чувствовали себя виноватыми, молчали, ожидая его справедливого упрека. Но нет, наш бригадир перевел рассеянный взгляд вверх. С тихим восхищением он оглядывал слоистые черные вершины, что плечо к плечу окружали нас. За эти сутки они словно выросли вдвое, сдвинулись вокруг нас.

— Дядя Прокоп, где Нина? Что делает? — спросил Гришука.

Снарский не ответил.

— Вот это, ребятки, называется борьба,— он не слышал нас: мысли его брели особой дорогой.— Узнали, что такое горы? То-то!..

Мы не спрашивали его больше ни о чем. Он слез с камня, оглянулся в последний раз на скалы, и мы побрели молча к семидесятому километру. Мы не ждали теперь никаких новостей и не торопились.

— Мусакеев правильно говорил — взрыва не будет,— тихонько сказал Гришука.— Жаль, ребята. Вот ведь как жаль!

День начал желтеть. Мы уже спустились на площадку в ущелье, шли к дому. Но мы не прошли даже поворота, когда Гришука неожиданно замедлил шаг и стал смотреть вдаль, шевеля пухлыми губами, словно разбирая надпись. Я поднял глаза. Как всегда, в темной синеве перед нами горели маковки «Собора». И вдруг я увидел слово «Нина» — четыре больших темных буквы на самом широком розовом выступе скалы.

— Дядя Прокоп! — закричали мы.— Снарский! — и побежали догонять бригадира.

Прокопий Фомич остановился.

— Смотри, смотри! — закричал Гришука.— Смотри на «Собор»!

— Где? — Снарский стал шарить по карманам комбинезона, достал очки, посадил их на нос, зацепил за оба уха.— Где?

И вдруг рот его безмолвно сказал «О!» Дядя Прокоп сразу все понял!

Перед нами стоял наш прежний Прокопий Фомич. Суровый, даже свирепый на первый взгляд. Коричневые скулы его сухо блестели до висков, зеленоватые от паров мелинита висячие усы украшали его худое лицо. Забытая в углу рта трубка хрипела, но не дымилась.

— Марш за мной! — мы узнали грозные командные нотки бригадира; он кивнул и, шумя комбинезоном, быстро зашагал впереди нас.

Дверь нашего жилья была открыта настежь.

— Интересно, знает она или нет,— шепнул Прокопий Фомич и первым вошел в избу.

Нина сидела за столом, налегая на ватманский лист, положив подбородок на руку. Зачарованные серо-голубые глаза ее остановились, она не видела листа.

— Дочка, выдь к нам на минутку,— по-деловому, спокойно позвал ее Снарский.

Нина поднялась, медленно пошла к выходу. Настя, вздохнув, посмотрела ей вслед.

— Скалолазы наши проиграли сражение,— сказал Снарский, горько крякнув.— Как ты тут, без нас, придумала что-нибудь?

— Послала телеграмму. Прошу отсрочки на месяц.

— Не много ли? — Снарский заложил руки назад, любуясь дочерью; сдержанная радость все сильнее подогревала его, он начал краснеть.

— Я говорю, не много ли?! — закричал он.

Нина, ничего не понимая, внимательно посмотрела ему в глаза.

— Умеешь читать? — дядя Прокоп подошел к ней сзади, взял за обе руки и повернул, поставил лицом к «Собору».— Гляди, гляди лучше! Выше!

Нина увидела наконец буквы на выступе «Собора». Вырвалась из рук отца, кулаком ткнула его в грудь:

— Как не стыдно! Я так жду, а они здесь шутки разыгрывают! Где образцы? Рисунки?

— Все получишь. Не торопись. Принесут тебе и камни и рисунки.

— Кто поднялся?

— Кто? Его с нами нет. Он придет завтра.

На следующий день с утра мы приготовились к встрече Мусакеева. Настя приготовила обед на семерых. Горные цветы — подарок пастуха — она разложила в тазу с водой и поставила в углу на лавке.

Мусакеев пришел, слегка прихрамывая, с тяжелым мешком на плече, и в мешке гремели камни. Я заметил на руке у него широкую коричневую ссадину — через всю кисть.

Нина выбежала ему навстречу. Сама развязала мешок, стала выбрасывать серые и розовые куски гранита. Опорожнила мешок до половины и вдруг выпрямилась, держа в руке овальный оливковый голыш.

— Рисовал? — и замерла над Мусакеевым.

Я даже не понял, ужас или радость были в ее темных глазах.

Мусакеев, спокойный, держа руку на пряжке, смотрел на нее снизу вверх.

— Рисовал,— ответил он.— Чертил.

И достал из кармана бумажную трубку. Нина развернула чертеж и с любопытством посмотрела на Мусакеева:

— Ты чертил?

— Я.

Нина еще раз мельком взглянула на него и забыла все — стала рассматривать чертеж. Задумалась. Вдруг глаза ее засияли, брови взлетели. Она улыбнулась овальному голышу, улыбнулась горам, Снарскому, бригаде, Мусакееву.

— Аллювий,— сказала она и повторила, дирижируя голышом: — Ал-лю-вий!

— Это что же такое? — Снарский наклонился к чертежу, надевая очки.

— А это вот что, папа: завтра с утра ты отправляешься на шестидесятый километр и звонишь по телефону. Пусть Прасолов высылает лошадей. Куда же ты уходишь, Мусакеев? Останься — ты нам праздник принес!

Мусакеев послушно сел на камень. Прокопий Фомич вспомнил о чем-то и ушел в избу и больше не показывался. Мы пошли за ним.

— Спасибо, Мусакеев,— услышал я снаружи голос Нины.— Возьми этот голыш себе на память. Ему миллион лет, и стоит он миллион рублей.

— Спасибо,— коротко ответил Мусакеев.

— Ты хорошо чертишь. Сколько классов окончил?

— Семь.

— Это на «Соборе» ты так изранился? — спросила Нина, помолчав.

— На это не нужно смотреть.

— Назерно, когда писал эти буквы? — спросила Нина тихо.— Зачем?

— Я думал: буду приходить и смотреть на них.

Наступило молчание.

— Вот зачем,— сказал вдруг Мусакеев.— Чтоб знали, что камень оттуда. В городе могут не поверить. Вы скажете: есть доказательство.

— А почему именно это слово? Лучше бы свое имя.

— Мое слишком длинное. А вы хороший человек.

— Вот теперь ты принес мне чертеж...— Нина смутилась.— Вы принесли. И «Собор» мы теперь взорвем...

— Очень хорошо. Я знал.

— Зачем же написал!

— Пусть будет один день. Пусть пять минут. Дольше не нужно. Я сам взорву — мне обещал Снарский.

Опять наступила тишина. Было слышно, как Снарский дышит через трубку.

— Нет, нет, вы никуда не уйдете! — быстро проговорила вдруг Нина.— И потом — вы ведь член нашей семьи. Мусакеев, пойдемте, я вам покажу одну интересную вещь.

Они вошли в избу. Мусакеев посмотрел на свои цветы и остановился у дверей.

— Идите сюда,— Нина подвинула ему лавку.— Садитесь.

Она принесла из-за занавески трубку ватмана, развернула на столе. Мы столпились вокруг нее.

— Мама, дай нам ножницы! — она села рядом с Мусакеевым.— Смотрите, Мусакеев, это ваш пласт галечника,— карандашом она быстро нарисовала на чертеже несколько кружочков — там, где жирная линия оползня давила на «Собор».— Вертикальный пласт. Тот, что вы видели там, наверху.

Затем Нина провела от «Собора» вправо вниз изогнутую, как корытце, линию. Вниз! Я услышал, как Снарский засопел у меня над плечом. И вдруг ножницами Нина быстро разрезала чертеж по этой линии — вверх, под «Собором» — на две части.

— Теперь смотрите все! — она передвинула «Собор» по линии разреза вниз, и он лег горизонтально.— Видите — получилась новая река и новый берег! С галечником! Так было несколько миллионов лет назад. Начался сдвиг. Отсюда, снизу, наш «Собор» поехал вверх — едет, едет, слабые породы оттесняет... И вот стоит теперь на месте...

— Пока мы не попросим его удалиться! — заключил Снарский.— Золотая голова!

Через день Нина уехала. Мы молча стояли у поворота, глядя вслед трем всадникам — Снарскому, Прасолову и ей.

— Сумеют отстоять? — сказала Настя.— Ребятки, а?

— Сумеют,— коротко ответил Мусакеев; сжал губы, ударил палкой по камню и пошел, не прощаясь, прочь, за поворот, собака молча поднялась и затрусила за ним.

Две недели из города не было известий, и Настя начала беспокоиться. Но вот однажды утром к нам в избу вошел пожилой киргиз в лисьей шапке, с кнутом в руке. Увидев нас, он радостно закричал, заговорил по-киргизски, протягивая каждому мягкую руку. Мы ничего не понимали. Гость наш засмеялся, ткнул себя пальцем в голову и сказал:

— Мусакеева отец!

— А-а! — закричали мы, и опять начались рукопожатия.— Хороший сын у вас!

— Взрывником хочет,— он посмотрел на Настю.— Возьмешь его учить?

— Возьмем! — закричали мы.— Возьмем обязательно!

Затем Мусакеев-отец поманил нас пальцем, повел на площадку перед «Собором».

— Юрту ставить будем! Здесь и здесь.

На следующее утро, когда мы проснулись, перед «Собором» уже стояли четыре юрты. Колхозники приехали нам на помощь — долбить в «Соборе» штольни для взрывчатки. Пришел и Мусакеев. Весь день он водил нас по этому войлочному лагерю — от костра к костру, от земляка к земляку. Мы рассказывали о будущей железной дороге, о «Соборе», и везде нас угощали «максимом» — крепкой мучнистой брагой.

А ночью вернулся из города Прокопий Фомич и привез каждому из нас прощальный привет от Нины и особенный привет Мусакееву. Нина уехала в Москву.

Началась знакомая веселая работа. От зари до зари в гранитном теле «Собора» стучали буры и молотки. Один за другим приходили конные караваны со взрывчаткой.

Через месяц все было готово. Еще три дня, и мы спустили в каменную галлерею тяжелые бумажные пакеты — зарядили «Собор» — и попрощались со своим жильем. Колхозники свернули юрты, караван тронулся, и мы отошли на километр, оставив у «Собора» Снарского и Мусакеева.

Дядя Прокоп не забыл своего обещания. Через четыре часа мы увидели их обоих. Они шли к нам, разматывая две бухты тонкого белого провода. Оставив лошадей на площадке, все побежали, стали карабкаться на скалистые выступы, повыше, чтобы увидеть гибель «Собора». Прискакал Прасолов, и с ним несколько инженеров с участков. Потея, блестя глазами, отшучиваясь, начальник взобрался вместе с нами на самую высокую скалу. Снарский присоединил два провода к маленькому ящику, повернул несколько раз ключ — завел пружину — и, солидно кивнув, передал машинку Мусакееву. Поднялись бинокли. Наступила тишина.

И вот вдали, мощно клубясь и кипя, всплыл, начал расти к перистым облакам белый дымный столб. Горы вздохнули. Десятки орудийных выстрелов загрохотали вокруг нас. Когда канонада утихла, все посмотрели на Снарского, расступились, и Прасолов, выждав паузу, торжественно прошел к нему с протянутой рукой:

— Поздравляю тебя, Фомич!

Через два дня мы выровняли новую широкую площадку, взорвали все глыбы, и Прасолов приехал с путейцами принимать нашу работу.

Там, где был гранитный тупик, теперь открывался вид в глубь ущелья — на его сырые каменные стены и травянистые склоны. Розовые куски «Собора» лежали теперь внизу под обрывом в кипящем котле реки. И самый большой кусок привалился к противоположной стене ущелья. На нем темнели знакомые нам четыре буквы, написанные синей глиной.

Измерив шагами ширину площадки — от сверкающей розовыми кристаллами стены до обрыва,— Прасолов сказал:

— Здесь будет разъезд. Название уже есть,—и остановился на краю, глядя вниз, на остатки «Собора».— Хорошее название. Достойное. Кто это догадался?

Прокопий Фомич взглянул мельком на Мусакеева и ответил за всех:

— Это наш секрет.

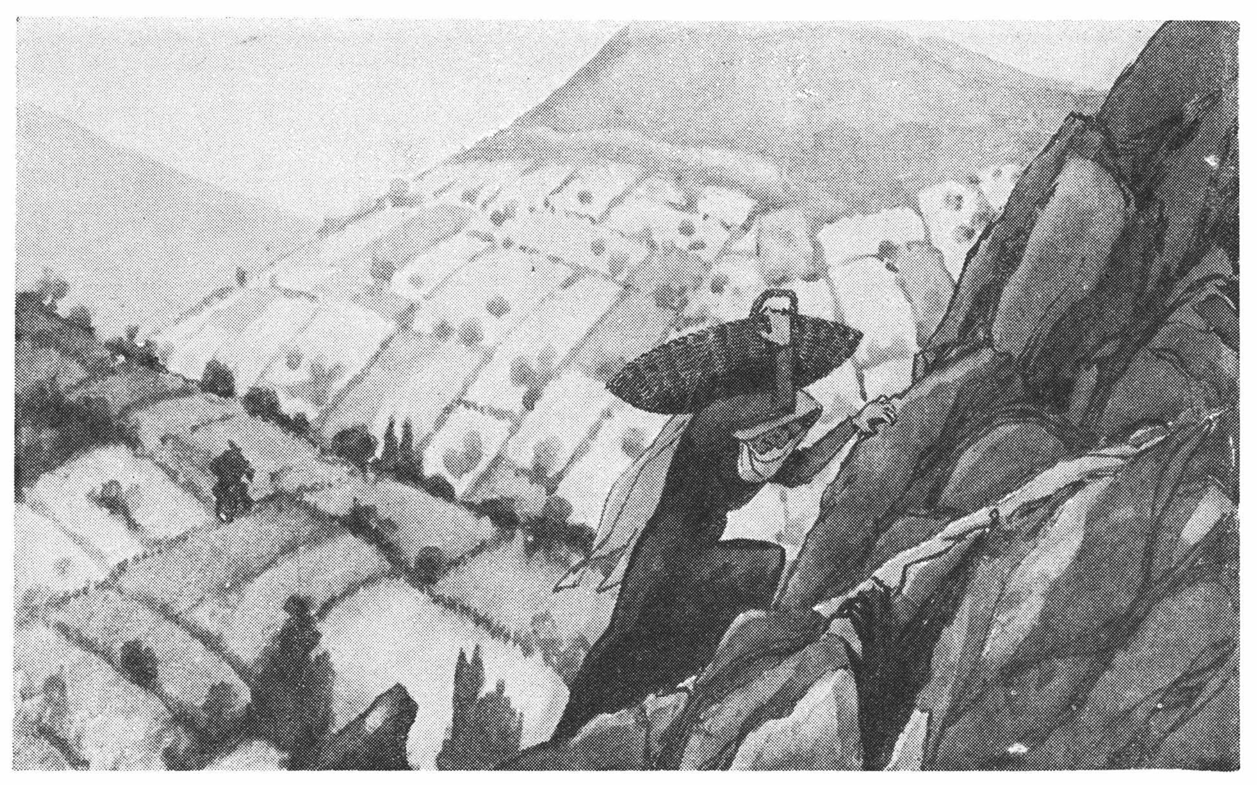

Рисунок К. Елисеева

ЕЕ РОЛЬ

Рассказ

Дабе **МАМСУРОВ**

В кабинете директора театра шло распределение ролей в новой пьесе, и вся труппа с нетерпением ожидала в фойе результатов. Молодая актриса-комсомолка Разиат заранее сердилась и давала себе слово наотрез отказаться, если ей достанется незначительная роль. Но тут же она спрашивала себя: «Как я могу отказаться? А театральная дисциплина? Ведь я комсомолка...» И она волновалась и злилась.

Из кабинета вышел художественный руководитель. Он сильно устал и предвидел, что многие будут недовольны. Теперь для каждого, кто недоволен, нужно найти ласковое слово.

Актеры смолкли. Разиат отошла в сторонку. Художественный руководитель называл фамилию артиста, потом имя действующего лица. «Скорей, скорей бы узнать, что ей поручено...»

Но вот кровь кинулась от радости в лицо Разиат — и краснее красного шелка стало оно, когда голос художественного руководителя проговорил:

— Вам, Разиат, предстоит сыграть старуху Гошад.

Возвращаясь из театра, Разиат не замечала прохожих. Несчастная, беспомощная вдова Гошад стояла перед ее взором. Разиат еще неясно различала ее лицо, не совсем понимала ее характер, но уже настойчиво искала его воплощения...

Ночью Разиат долго не могла заснуть. Все яснее выступал перед ней образ старухи Гошад — ее лицо, прорезанное морщинами... Сгорбленная, придавленная тяжестью жизни, она стойко боролась... Образ Гошад рисовался ей теперь отчетливо, но раньше, чем вынести его на сцену и показать зрителю, надо суметь наполнить его своими живыми чувствами.

Разиат заснула. Ей снилось, что сама она превратилась в старуху Гошад. Вот она по каменистой тропинке тащит корзину с навозом на свой клочок земли, все вверх, круто в гору. Как она устала! Ноги подкашиваются, пот струится по телу. Узенькая тропинка вьется над бездонной пропастью. Хватаясь за острые выступы скал, старуха еле ползет... Вдруг корзина с навозом зацепилась за каменный выступ, и она вместе с корзиной покатилась в пропасть. Разиат закричала и проснулась.

Сердце у нее билось, а в теле она чувствовала такую усталость, словно наяву пережила все эти ужасы.

Шли дни, и Разиат продолжала работать над ролью. Она ходила по улицам, по базару, наблюдая за старухами-крестьянками, приехавшими в город. Но наблюдения не удовлетворяли ее. На лицах этих довольных жизнью пожилых женщин совсем почти сгладились следы прошлой мучительной жизни, и трудно было в их облике и поведении заметить отпечаток пережитых ими лишений. Разиат даже побывала в соседних деревнях, но и это мало ей помогло. Не только быт деревень изменился, но, казалось, даже кожа на лицах старух разгладилась.

До премьеры оставалось совсем мало времени, когда к Разиат из глухого горного аула приехала в гости мать.

— Посмотрю-ка я,— сказала мать,— чему ты так долго здесь училась и чему научилась?

Дочь в это время целые дни готовилась к премьере. Она училась говорить старческим голосом и, взвалив что-нибудь на плечи, ходила, сгорбившись, будто несла непосильную ношу. Цепляясь за стены комнаты, она стонала:

— Ой, не могу я больше!.. Сколько еще должна я прожить в мучениях?.. Или богу приятно смотреть на мои муки? Хоть бы он жизнь у меня отнял!

«Что это за шутки над тяжелой жизнью?» — думала мать, и ее зло брало. Однажды вечером она не утерпела и сказала дочери:

— Стоило столько лет обучаться этим недостойным шуткам?

Разиат обиделась, но ничего не ответила матери.

— Не пойду я смотреть на это кривлянье,— сказала мать, когда дочь пригласила ее на первый спектакль.

Но подруги Разиат стали уговаривать старушку, и она нехотя согласилась.

В театре она села подальше от сцены. Зал был полон, и мать радовалась: вот сколько людей пришли посмотреть на ее дочь! Но неужели Разиат будет перед всеми этими людьми кривляться, как она кривлялась дома? Нет, она, верно, покажет здесь что-нибудь более достойное.

Плюшевая стена занавеса раздвинулась, и мать увидела горы, громадные горы, среди которых прожила она всю свою жизнь. На краю пропасти, на маленьком клочке земли, какой-то старичок и молодая девушка пололи маленькое поле. Мать ожидала увидеть свою дочь, но ее все не было... Потом появилась какая-то дряхлая старушка. Держа корзину навоза, едва ли не бо́льшую, чем она сама, старушка карабкалась вверх, цепляясь за скалы... Вот она споткнулась и упала.

— Сколько еще назначено мне судьбою жить в мучениях?—простонала она.

Мать забыла обо всем. Слезы ползли по ее морщинистым щекам, вся ее прошлая жизнь вдруг въявь встала перед ней. Но она все ожидала, когда на сцену выйдет дочь, и, опасаясь, что сквозь пелену слез не увидит ее, мать утирала слезы, а они снова заволакивали ее глаза.

— Иссякла сила ног моих! Совсем состарилась я, да еще и болезни замучили,— сказала со сцены старуха.

И тут вдруг мать по голосу узнала свою дочь. Как частый град, посыпались ее слезы, и она уже не утирала их.

Как только сдвинулся занавес, мать вскочила с места и заторопилась к дочери. Разиат со сцены шла в свою уборную. Она была недовольна собой: ей казалось, что она не так сыграла роль.

— Дочь моя, сними с себя это одеянье, и чтоб я никогда его на тебе не видела!..— сказала мать.

— Почему?

— Не идет тебе это, не годится его сейчас носить.

— Но как же не годится?—удивленно спросила дочь.— Ведь я играю эту роль...

— Очень долго, всю жизнь ходила я в этой роли, и хватит с нас этого. Другую роль тебе надо играть, а об этой мне даже вспоминать не хочется.

И тут Разиат весело рассмеялась: она поняла, что роль удалась ей. Обняв мать, она быстро увлекла ее в свою уборную.

— Ну и ловки же вы, нынешняя молодежь!..— сказала мать, глядя на то, как несчастная старуха быстро превращается в красивую, веселую девушку, в ее дочь.— Ведь ты прошлую жизнь и краем глаза не видела, а как ее изображаешь!

— Я знаю твою жизнь, мама...— ответила дочь.

Перевел с осетинского Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

НАЧАЛО сценического пути

Закончились выпускные экзамены в театральных учебных заведениях страны. Свежие пополнения молодых актеров и режиссеров, воспитанных в лучших традициях русского сценического искусства, приходят ныне в советский театр.

На благодатной почве новых, рожденных советским строем, представлений о мастерстве, об обязанностях советского художника вырастает талантливая поросль, которая начинает сейчас свой самостоятельный сценический путь.

В одной из бесед с актерской молодежью народная артистка РСФСР С. Г. Бирман говорила: «Я помню, как К. С. Станиславский выводил на сцену молодых неопытных актеров... За серым занавесом гудел зрительный зал, душа уходила в пятки, и руки были ледяные; но не только в ушах, а в самом сердце звучал его ласковый голос: «В добрый час!». Этот голос помогал, и он никогда не позволял переступать порог сцены небрежной ногой».

Об этой благородной традиции — щедрой помощи «старейших» молодым — рассказывают С. Богомазов и А. Илупина в печатаемых ниже очерках, посвященных выпускным спектаклям в двух театральных московских школах — имени М. С. Щепкина и имени Б. В. Щукина.

«Егор Булычев» М. Горького в исполнении студентов выпускного курса актерского факультета Театрального училища имени Щепкина. Слева направо: Глафира — О. Сидорина, Шурка — К. Байбакова, Булычев — С. Харченко, Трубач — Ю. Козловский.

Фото Ю. Семенова

Школа великих традиций

Умелая рука гримера кладет последние штрихи. Молодой актер еще раз смотрится в зеркало, узнавая и не узнавая себя в кряжистом рыжебородом человеке с пронзительным взглядом острых, запавших глаз. Еще мгновенье,— дрогнув поплывет занавес, и на сцену, придерживая полы халата, с трудом передвигая непослушные ноги, выйдет неистовый, мятущийся, спорящий с богом горьковский Булычев...

В Театральном училище имени Щепкина идут выпускные спектакли. Старейшая театральная школа Москвы прощается со своими питомцами.

Училище ведет счет своей жизни с 1863 года — года смерти выдающегося русского артиста Щепкина. Есть нечто знаменательное в совпадении этих двух дат. Казалось, молодежь была призвана подхватить знамя русского искусства, выпавшее из рук великого мастера.

Страстным, убежденным поборником театральной школы был Александр Николаевич Островский. О необходимости серьезной учебы будущих актеров Островский говорил настойчиво, непрестанно: «...без призвания и строгой школьной подготовки... никакому искусству выучиться нельзя...», «...чтоб быть артистом, мало знать, помнить, воображать, — надобно уметь». Островский больше, чем кто-нибудь другой, имел право на такие слова. Великий драматург уже в преклонном возрасте писал о себе: «...я учусь до сих пор...»

Тем не менее в течение долгих лет драматическое искусство находилось в Театральном училище на положении «пасынка». Там главенствовал балет. Вспомним, что ведь и юную Ермолову ожидала сначала скромная участь — «плясать у воды».

Лишь осенью 1888 года при училище были открыты драматические курсы. До этого мастера Малого театра занимались лично с отдельными воспитанниками. Охотно работала с молодежью Г. Н. Федотова.

История Малого театра сохранила для нас такой эпизод. 1885 год. Вечер. На школьной сцене суета, волнение. Гликерия Николаевна помогает гримироваться бледной, взволнованной девушке, заплетает ей тугие, длинные косы. Внезапно девушка, расплакавшись, стала умолять отпустить ее: она боится, все провалит, никогда из нее не выйдет артистки!.. Кое-как Федотова успокоила свою ученицу.

Когда занавес наконец поднялся, девушка робко произнесла первые слова монолога Татьяны, обращенного к Онегину: «Довольно, встаньте...» Но столько искреннего чувства, столько трепета было в этом молодом, звенящем голосе, что все невольно насторожились, а прославленная актриса Малого театра Н. М. Медведева прошептала: «Какой прекрасный сырой материал!..»

Закрылся занавес, раздались аплодисменты. Гликерия Николаевна пришла на сцену сияющая и сказала радостно: «Молодец, Саня, получила первое крещение!..»

Страхи девушки оказались напрасными. Она стала знаменитой актрисой. Это ныне здравствующая Александра Александровна Яблочкина.

Много времени прошло с тех пор. С годами изменилась судьба училища. Целая полоса его жизни связана с именем выдающегося актера и педагога А. П. Ленского. В советскую эпоху драматические курсы стали театральным вузом. Молодой советский актер покидает училище культурным, разносторонне образованным человеком. Старые могикане Малого театра не узнали бы теперь своей прежней школы. Но одно, пожалуй, осталось неизменным: творческий трепет, молодое волнение дебютантов...

В такой взволнованной, радостно-приподнятой атмосфере прошли и выпускные спектакли 1949

«Цыганы» А. С. Пушкина в исполнении студентов выпускного курса актерского факультета Театрального училища имени Щепкина. Алеко — Р. Александров, Земфира — А. Климова, Старый цыган — А. Симонов.

года. Курс, руководимый В. Н. Пашенной, оказался крепким, жизнеспособным. Программа выпускных спектаклей была обширна и разнообразна.

В горьковской пьесе за трагической судьбой купца Булычева молодежь сумела разглядеть потрясающую правду о неотвратимом конце гибнущего класса. Убедительно показан студентами патриотический пафос и обличительный гнев пьесы А. Штейна «Закон чести». В комедии «Бедность не порок» молодежи удалось войти в мир образов А. Н. Островского, передать его благородные идеи — любовь к русскому народу, веру в его душевные силы.

С неподдельным воодушевлением сыгран пушкинский спектакль, которым училище имени Щепкина ознаменовало 150-летие со дня рождения поэта. Пушкин и Щепкин!.. Какая славная страница в истории нашей отечественной культуры! Кто не читал первых строк «Записок актера Щепкина», начертанных рукою Пушкина: «Я родился в Курской Губернии Обоянского уезда в селе Красном, что на речке Пенке...» Нельзя без волнения думать о встречах, беседах двух великих сынов России. И вот, спустя более ста лет они как будто встречаются вновь на этой маленькой школьной сцене, где питомцы училища, носящего имя Щепкина, играют бессмертные творения Пушкина...

Как же показали себя молодые щепкинцы?

Роль Егора Булычева в горьковской пьесе с большой силой и убедительностью играет С. Харченко. Его Булычев — яркий, талантливый русский человек с широкой натурой и бесконечной жаждой жизни. Перед смертью у него открываются глаза на звериные законы, по которым живут его близкие — алчные, ничтожные люди. Для молодого актера характерны целеустремленность, внутренняя собранность.

В пушкинском спектакле в роли Земфиры мы увидели молодую актрису А. Климову. Вся — огонь, порыв, движение, она с удивительной непосредственностью воплощает свободолюбивую дочь степей. Но вот в «Бедности не порок» неприметная женщина — гостья старухи Торцовой — шмыгнула в двери, воровато огляделась и бочком уселась в кресло, жуя губами и покачивая головой. Это была та же Климова.

Сильный образ советской женщины-патриотки создан А. Климовой в спектакле «Закон чести». Жена профессора Добротворского мучительно переживает ошибки своего мужа, борется за него, в самую трудную минуту она рядом с ним, готова разделить его боль и стыд. Видя Климову в столь разных ролях, можно смело сказать: перед нами настоящая актриса.

Мы не называем имен других участников. Будем надеяться, что зрители скоро сами отметят, запомнят и полюбят многих из них.

На протяжении славной истории Малого театра «старики» всегда оказывали молодежи щедрую творческую помощь. Эта великолепная традиция в наши дни стала еще крепче, еще полноценней. Незримые нити связывают молодежь с сидящими в зале Е. Д. Турчаниновой, В. Н. Пашенной, К. А. Зубовым, А. Д. Диким, В. Ф. Лебедевым...

Выпускной спектакль Театрального училища имени Щукина «Таланты и поклонники» А. Н. Островского. Выпускница училища Антонина Гунченко в роли Негиной.

Фото С. Шингарева

Председательствует на экзаменах Евдокия Дмитриевна Турчанинова. Может быть, встречаясь с молодежью, она вспоминает собственную юность, вдохновенные уроки А. П. Ленского, первый дебют на сцене Малого театра? Или тот волнующий спектакль 6 января 1892 года, когда она, вчерашняя школьница, играла Таню в «Плодах просвещения», а сама, замирая от страха и радости, косилась уголком глаза на ложу, где сидел Лев Николаевич Толстой?

Внимательно следит за своими питомцами руководитель курса Вера Николаевна Пашенная. Не воскресает ли перед ее взором тот далекий день, когда, проезжая на конке по Неглинной, она впервые увидела вывеску с заманчивыми словами «Театральное училище»? Немало воды утекло с тех пор! Ныне она сама учит молодежь, делится с нею своим огромным опытом.

Много поколений актеров воспитали мастера прославленного русского театра. Вот еще один отряд молодых покидает стены училища. Словно воспетое Пушкиным могучее дерево, окружен молодой порослью великан русского искусства — Московский Малый театр.

С. БОГОМАЗОВ

В добрый час!

В последний раз ударил вокзальный колокол, заскрежетал старый локомотив, поезд тронулся. Уехала актриса Негина. Бедная Саша! Чтоб сохранить свое артистическое будущее, ей пришлось пойти на сделку с совестью, на позорный компромисс, пренебречь чистотой своего сердца... Лишь бы быть актрисой!

Искренно, по-настоящему драматично провели сцену прощания в «Талантах и поклонниках» А. Гунченко и В. Сафонов. Оба они студенты последнего курса училища имени Щукина при Театре имени Вахтангова. Но если Антонину Гунченко столичный зритель уже видел в роли Елены в «Накануне» Тургенева, то ни Сафонова, ни еще 28 дипломантов этого выпуска не знает пока никто из зрителей, кроме тех, кто присутствовал в училище на государственных экзаменах.

Это было ответственное испытание, длившееся семь вечеров. Преподаватели училища и его питомцы, принятые в первый послевоенный набор — осенью 1945 года, — демонстрировали итог своей четырехлетней учебы.

Были показаны отрывки из «Бориса Годунова» А. С. Пушкина (Самозванец — А. Холодков, Марина — Г. Мозер); «На дне» М. Горького (Настя — Д. Пешкова, Барон — Ю. Заев, Сатин — Н. Малышев); «Ричарда III» В. Шекспира (леди Анна — А. Потатосова, Глостер — И. Литовкин); инсценировки «Первых радостей» К. Федина (Кирилл Извеков — В. Меерзон, Полотенцев — А. Крюков) и другие; полные юмора старинные русские водевили и, наконец, спектакли — «Двадцатилетие» Рагозинской, «Васса Железнова» М. Горького и самый яркий из сыгранных — «Таланты и поклонники» А. Н. Островского.

Всю эту программу отличали общность и целостность игры, убежденность, естественность в исполнении ролей.

В одной из своих лекций, читанных в студенческой драматической студии, Е. Вахтангов говорил: «Только тогда можно творить, когда есть вера в важность своего творчества. Актер каждую минуту своего пребывания на сцене должен верить в важность происходящего на сцене». Вот этой верой «в важность происходящего» проникнуты были интонации, жесты, движения каждого молодого артиста. Отсюда естественность мизансцен, пластичность и простота поз, убедительность звучания каждой авторской мысли.

Слова Мартына Прокофьича Нарокова («Таланты и поклонники») о святом назначении искусства, о великой силе таланта проникнуты неподдельным вдохновением в устах молодого актера М. Селескериди, исполняющего роль старого неудачника, влюбленного в искусство.

М. Селескериди пришел в театральную школу после окончания Великой Отечественной войны. Он воевал на подступах к Москве, у стен Сталинграда, он был под Ровно в партизанском отряде Медведева. Сквозь гром и пламень боев пронес юноша свою влюбленность в искусство. Он мечтал по окончании войны начать учиться, стать артистом, и не потому ли так удалась ему роль Нарокова?..

Когда Петр Егорыч Мелузов в той же пьесе произносит свой гневный монолог, обличающий пошлость, чванство, тунеядство бар, купцов и чиновников, люди, сидящие в зрительном зале, забывают, что эту роль «молодого человека, кончившего курс в университете», играет юноша, только что кончивший театральное училище, недавний слесарь В. Сафонов...

Так благодаря работе одного из старейших артистов Театра имени Вахтангова, И. Толчанова, и талантливости его учеников чудесное произведение русской театральной классики получило правдивое, яркое воплощение на маленькой, скромно обставленной школьной сцене. «Таланты и поклонники» прозвучали у щукинцев как социальная драма, разыгранная людьми, хорошо чувствующими современность. В взволнованном творчестве молодежи как бы воплотился в жизнь завет Вахтангова: «...художник всегда обязан быть современным».

Художественный руководитель училища имени Щукина Б. Захава и артисты-педагоги: А. Орочко, Ц. Мансурова, Н. Русинова, М. Синельникова, В. Москвин, В. Кольцов, В. Балихин — по праву могут гордиться выпуском 1949 года.

⁂

...В последний раз по микрофону объявили об отправлении поезда. Паровоз пробасил «Еду-у-у», и длинный состав вагонов тронулся.

Счастливого пути! В добрый час!

Березницкий, Потатосова, Рубановская, уехавшие в Гродно, Ленинград, и те, кто остался в московских театрах, понесут свое радостное, жизнеутверждающее — вахтанговское — искусство народу страны, которая дала им высшее счастье свободного творчества.

А. ИЛУПИНА

Сцена из пьесы М. Горького «На дне» в исполнении выпускников училища имени Щукина. Слева направо: Сатин — Н. Малышев, Барон — Ю. Заев, Настя — Дарья Пешкова.

Фото С. Шингарева

Первый прыжок

А. ФРИДЛЯНСКИЙ

Человек, о котором здесь пойдет речь, одновременно совершил 1-й и 674-й прыжок с парашютом. Первый в нашей стране — со скоростного самолета, 674-й — по личному счету парашютиста.

...После ненастной погоды, длившейся несколько недель, наступили теплые, ясные дни. Под лучами солнца совсем другими предстали березовые рощи, старые дубы и клены, казавшиеся в дождь унылыми и грустными. Их яркий, веселый наряд пленял своей необычайной красотой.

Летчик Алексей Быстров в эти дни был поглощен большими заботами. Он, как никто другой, был обрадован тем, что наконец-то исчезли серые тучи и порывистые ветры. Именно таких солнечных дней ожидал он, чтобы осуществить то, к чему готовился уже в течение ряда месяцев.

...Накануне, резко отворив дверь, в комнату вошел невысокого роста мужчина. На нем было кожаное пальто, меховые унты, в руках теплые перчатки. Василий Иванов — летчик-испытатель — поздоровался со всеми и, подойдя к Алексею Быстрову, достал из планшета небольшой листок и, показав его, тихо сказал:

— Ну вот, Алеша, завтра летим.

На какое-то мгновенье их взгляды встретились, глаза сверкнули тем ясным блеском, от которого и без слов становится понятным внутреннее состояние человека. Они склонились над метеорологической сводкой, долго изучали ее, а затем поднялись и неторопливо вышли.

На аэродроме оглушительно ревели моторы. С характерным свистом проносились над летным полем молниеносные, как мысль, самолеты, мгновенно исчезая и так же неожиданно появляясь вновь. Быстров и Иванов молча выкурили по папироске и направились к своему самолету. Возле него хлопотали механик, моторист, инженеры. Они знали, для какой цели готовится машина и кто на ней завтра полетит.

— Можете спокойно отдыхать, — сказал механик подошедшим. — Самолет в порядке.

В который раз за время подготовки к прыжку Алексей Быстров осматривал вторую кабину самолета! Он садился в нее, закрывал фонарь, открывал его снова, упирался руками в борта, подтягивался, опять садился, подгонял привязные ремни. Это не было волнением перед неизвестностью. Ему все было ясно, во всех деталях. Даже сила динамического удара при раскрытии парашюта была заранее высчитана. Но в постоянной озабоченности был весь этот человек, посвятивший свою жизнь сознательному риску, основанному на трезвом научном расчете.

...Рано утром Быстров уже был на аэродроме. Смуглое лицо спортсмена плотно обхватывал шлем, из-под которого виднелся белый шелк подшлемника. Надев парашют, Быстров поднялся по лесенке и, ловко подтянувшись на руках, влез в кабину. Занял свое место и пилот Иванов. Спортивные комиссары опломбировали находившийся на борту спидобарограф, который зафиксирует высоту и скорость самолета в момент, когда его покинет парашютист. Провожающие отошли подальше от самолета, который готов был начать стремительный бег по взлетной полосе.

По радио Иванов запросил разрешение на взлет и, получив его, сразу же дал газ. Машина помчалась по летному полю и ровно в 11 часов 15 минут оторвалась от земли. Летчик пошел с резким набором высоты, и уже через несколько секунд самолет находился в полутора километрах от земли. Еще один круг. Высота еще бóльшая.

— Следите за воздухом, сейчас будет прыгать, — сказал кто-то из находившихся на старте.

Затем все произошло с необычайной быстротой. От промелькнувшего над аэродромом самолета вдруг отделилась черная точка. Через десятки секунд над точкой повис белый купол парашюта, и чем ближе он опускался к земле, тем отчетливее была видна под ним человеческая фигура.

На первый взгляд ничего необычного в этом прыжке не было. Обыкновенный прыжок парашютиста с самолета. Но это только казалось...

Я побывал в гостях у Алексея Васильевича Быстрова через несколько дней после его замечательного прыжка и застал его за письменным столом, на котором лежали раскрытые журналы и исписанные мелким почерком листки бумаги.

— Вот отчет о прыжке пишу,— сказал он, приглашая присесть.

Гостеприимный хозяин был в отличном настроении и охотно откликнулся на просьбу подробнее рассказать о своих прыжках и особенно о последнем.

Алексей Быстров был шофером-механиком первого автобусного парка столицы. Однажды, проходя по двору гаража, он увидел на свалке какие-то детали, напоминающие части самолета. Это был разобранный планер. Молодой шофер пришел в бюро комсомольской организации и предложил организовать при гараже планерный кружок. Затем по его инициативе здесь же был создан парашютный кружок. Этот вид авиационного спорта больше всего пришелся по душе Алексею Быстрову. С нетерпением он ждал, когда закончатся теоретические занятия и тренировки на вышке. Хотелось прыгать с самолета...

Алексей Васильевич подходит к столу и достает из ящика несколько записных книжек. В них была вся биография парашютиста Алексея Быстрова, прошедшего путь от любителя до мастера парашютного спорта, рекордсмена страны, первым в нашей стране совершившего прыжок со скоростного самолета. В одной из книжек мы прочитали запись, имеющую 14-летнюю давность.

«15 августа 1935 года — ознакомительный прыжок с высоты 800 метров».

Это была первая «вылазка» молодого спортсмена в воздух с парашютом.

В июле этого года исполняется десять лет работы Быстрова в должности инструктора-испытателя парашюта. За это время он 674 раза прыгал с самолетов различных конструкций. Большинство прыжков были совершены с научно-экспериментальной целью.

— Вам с земли казалось, что прыжок, который я совершил со скоростного самолета, только тем и отличался от обычных, что парашютист, словно резиновый мяч, отскочил от самолета,—рассказывал Алексей Быстров. — На самом же деле этот прыжок был самым трудным за все время моей работы испытателем.

Когда самолет находился на заданной высоте, я взглянул на приборную доску. Стрелка показателя скорости перешла за 700. Температура воздуха в это время была минус 15 градусов. И так как я летел уже с открытым фонарем, у меня началось легкое обмораживание левой половины лица.

Летчик Иванов вывел самолет на «боевой курс» и подал мне сигнал к прыжку. Я сразу же произвел расчет точки выброса и уже через несколько секунд, собрав все тело в комок напряженных мускулов, оказался за бортом самолета. Перед глазами мелькнул хвост машины, и в это время меня начало резко вращать. Чтобы погасить начальную скорость и обеспечить нормальное раскрытие парашюта, мне пришлось сделать затяжку, продолжая свободное падение в течение 20—25 секунд. Выдернув вытяжное кольцо, я сразу почувствовал сильный рывок, и почти одновременно над головой вспыхнуло белое облачко парашюта.

Только теперь я заметил, что на мне порван комбинезон, а шлемофон зацепился пряжкой за комбинезон и болтался за спиной. Самолет, с которого я прыгал, сел уже, очевидно, на аэродром, и надо мной патрулировал «ПО-2». Я знал, что на нем находится наш врач тов. Шабаев. Вспомнив про врача, я почувствовал ноющую боль во всем теле. Впрочем, меня предупреждали об этой боли, наступающей вследствие огромного напряжения организма. А напряжение было сильное. Достаточно сказать, что я преодолел давление встречного потока воздуха, превышающее мой вес в несколько раз.

Вот земля. Я погасил парашют и увидел, что ко мне бежит врач. Боль в теле уже прошла, и я чувствовал себя хорошо, бодро. Но для врача одних моих слов оказалось мало, и тут же, на месте приземления, он начал меня освидетельствовать для того, чтобы сделать заключение о состоянии организма человека после прыжка с самолета на больших скоростях.

Как видите, организм мой все выдержал и не требует никакого «ремонта». Теперь уже совершенно ясно, что каждый летчик, обладающий достаточной физической подготовкой, сможет совершать прыжки с самолета на больших скоростях, не опасаясь травм.

Так закончил свой рассказ Алексей Васильевич Быстров.

Спортивные комиссары тщательно обработали спидобарограммы и установили, что прыжок был совершен на высоте 1920 метров в момент, когда скорость машины достигала 764 километров в час. Это было блестящее достижение советского парашютиста и начало нового этапа в развитии парашютного спорта. До него никто в нашей стране не совершал парашютных прыжков на такой скорости. В сетке всесоюзных рекордов по парашютному спорту была заполнена еще одна клетка, рядом с которой записана фамилия обладателя рекорда — мастера парашютного спорта СССР Алексея Васильевича Быстрова.

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ.

Портрет работы художника О. Э. Браза

ВБЛИЗИ БЕЖИНА ЛУГА

(К очерку на следующей странице)

Под Мценском расположен Краснооктябрьский пионерский лагерь. Разнообразна и интересна здесь жизнь школьников. Много времени они уделяют спорту: туристским походам, бегу, прыжкам, волейболу.

НА СНИМКАХ (сверху вниз):

1. Длинной цепочкой растянулись участники туристского похода. Огибая зеленые холмы и рощи, они идут по любимым, родным местам.

2. Днем начинаются легкоатлетические соревнования. Далеко ли прыгнет Вова Масленников?

3. — Оля, посмотри, а моя бабочка лучше!

Фото Э. Гутгарца

ВБЛИЗИ БЕЖИНА ЛУГА

— «Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго...»

Прочитав первые строки из «Бежина луга», Юра Забин, крепкий двенадцатилетний мальчуган с широким, вечно улыбающимся лицом, подернутым легким загаром, прервал чтение и звонко спросил окружавших его пионеров:

— А что, ребята? Пожалуй, сегодня тоже такой день?

Все согласились — и день такой, и Бежин луг такой же, и река рядом.

Поправку внес пионервожатый первого отряда лагеря Виталий Перевязкин. Ухмыльнувшись, он тихо, но внятно заметил, что день, действительно, похож на описанный автором «Записок охотника», но вот дети — не те. Пионеров по их развитию, понятиям и поведению никак не сравнить с тургеневскими ребятами.

Все согласились и с этим. Многие откровенно признались, что до сих пор в своей жизни домового им встретить еще не довелось. Не видали они и сидящих на деревьях русалок и разгуливающих по полям покойников.

Чтение продолжалось. Закончилось оно беседой о крестьянских детях прошлых и нынешних времен, о тургеневских местах, по которым пролегал маршрут туристского похода.

Разговор носил неопределенный характер. Кое-кто по совершенно неожиданной и непонятной ассоциации, говоря о Хоре и Калиныче, вспомнил футболистов Хомича и Малявкина.

На другой день, возвращаясь в свой лагерь под Мценском, участники похода зашли в усадьбу Тургенева Спасское-Лутовиново.

...Длинная цепочка загорелых ребят вилась по лесным тропам, опоясывала гребни зеленых холмов, пересекала белые ковры усеянных ромашками лужаек. Вдали показались разрушенная снарядами церкушка и вход в липовую аллею Краснооктябрьского пионерского лагеря. Лагерь утопал в зелени. Липы, клены, яблони сомкнули над ним свои кроны.

Несмотря на усталость, юные туристы сразу же помчались на спортивную площадку — любимое место обитателей лагеря. Замелькал в воздухе волейбольный мяч. Послышались удары палок о городошные чурки. Посыпанную песком дорожку с вскопанным на конце квадратиком черной земли заполнили прыгуны.

Горн, возвестивший об ужине, прервал игры.

Назавтра утро в лагере началось с традиционной зарядки. Красивое зрелище являли собой ровные ряды детей, поднимавших и опускавших руки, на фоне высоких холмов с березовыми рощами.

После завтрака пионеры разделились на группы. Малыши пошли в соседний лесок за земляникой. Вслед устремились девочки с венками на русых и темных головках. Отряд мальчиков, неся сети, направился к озеру — на рыбную ловлю.

Большинство же собралось на излюбленном месте — спортивной площадке. И вновь перекидывался мяч через сетку, опять ставили рекорды прыгуны, снова аккуратно расставляли желтые чурки городошники. На кольцах резво подтягивался коренастый бутуз. Рядом ждали очереди такие же «испытанные гимнасты», тренировались бегуны.

В предвечерние часы происходили спортивные соревнования. Почти весь лагерь принял в них активное участие.

Программу открыли бегуны. У финишной ленты, взобравшись на пень, стоял с часами в руках стройный белокурый мальчик. Он громко выкрикивал результаты: «Тофик Алиев — 60 метров — 8,3 секунды. Володя Артемов — 60 метров — 8,4. Та же дистанция — Валентина Морозова — 8,3 секунды».

Всем названным по двенадцати лет. Их достижения физкультурный совет лагеря признал хорошими. Учтено, что лагерь открылся недавно, до этого они бегали хуже, а благодаря ежедневным тренировкам показали лучшее время.

По прыжкам в высоту первенство присуждается Юре Забину, чтецу «Бежина луга».

Состязания чередуются с самыми различными видами физкультуры. «Болельщики» плотной стеной окружают юных спортсменов и рьяно обсуждают итоги. Некоторые снимают галстуки, рубашки и требуют у судьи допустить и их к соревнованиям: они покажут еще лучшие результаты!

Небо темнеет. На дереве появляется доска с плакатом. Художники яркими красками воспроизвели на нем итоги спортивного дня. В длину дальше всех прыгнули Володя Масленников и Женя Петрова. Волейбольная команда первого отряда обыграла третий отряд. Первенство в эстафете завоевали бегуны первого отряда.

Чудодейственна сила лесного воздуха, летнего солнца и полевых просторов! Дети в лагере крепнут, здоровеют. Умело налаженная физкультурная работа дополняет благотворное влияние природы. Детей здесь не перегружают «запланированными мероприятиями». Каждый играет в те игры, в которые сейчас ему хочется играть.

Лагерные воспитатели полагают, что многие занятия и развлечения ребят по своим результатам мало чем разнятся от чисто физкультурных упражнений. Когда пионеры копают на огороде грядки, собирают землянику, ловят сетями рыбу, играют в пятнашки, они прекрасно физически развиваются.

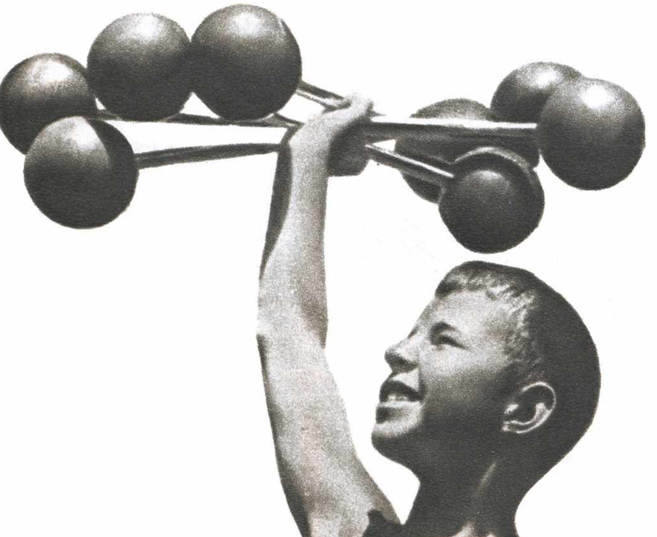
Вечером в ожидании пионерского костра на опоясанной кустами поляне собралась веселая детвора. Под звуки баяна лихо отплясывали гопака девочки и мальчики. Они танцевали долго, долго...

С. БОГОРАД

НА СНИМКАХ:

Недалеко от лагеря живописное озеро. Хорошо в нем ловится рыба.

Спортивный корреспондент стенной газеты Вова Абрамкин фотографирует финиш забега.

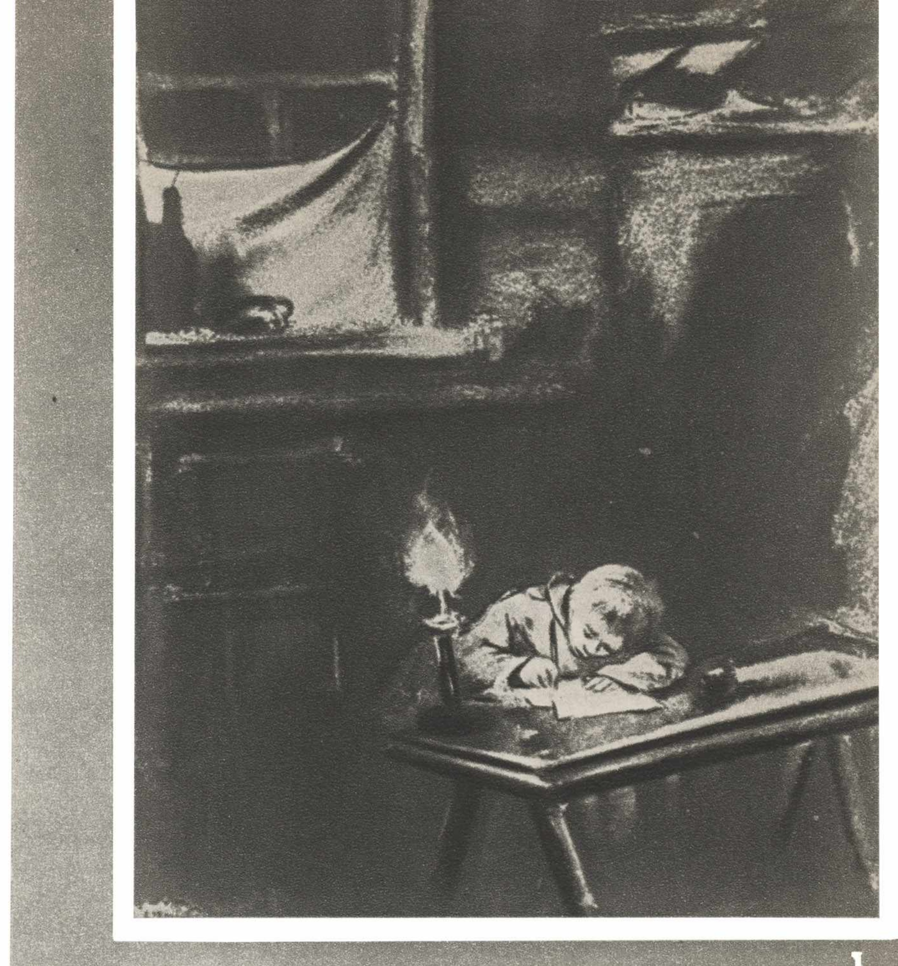
Девочки плетут венки из ромашек.

Лагерный чемпион «тяжелоатлет» Владик Иванов.

Ваня Жуков

Текст Льва Кассиля. Фото С. Фридлянда.

«...А вчерась мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосья на двор и отчесал шпандырем... А на неделе хозяйка велела мне почистить селедку, а я начал с хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать. Подмастерья надо мной насмехаются, посылают в кабак за водкой и велят красть у хозяев огурцы, а хо-

1

3

1

Художники Кукрыниксы изобразили на рисунке несчастного Ваньку Жукова, склонившегося над немудрящим письмом, в котором он изливает далекому деревенскому дедушке свои боли и жалобы.

2

Нет, не такое, совсем иное письмо в родную деревню Сьяново, Михневского района, Московской области, матери своей Анне Матвеевне, пишет сегодня Ваня Жуков, ученик ремесленного училища № 4.

Пишет он его не на колченогой скамье, а за удобным столом, не у слабенькой свечки, а под яркой электрической лампочкой. И пишет он матери, работающей в колхозе «Труд», что живет он, Иван Жуков, в Москве очень даже хорошо, чего и другим желает... И ремесленное училище № 4, куда он поступил учиться в 1947 году, попрежнему крепко держит третье место во Всесоюзном социалистическом соревновании.

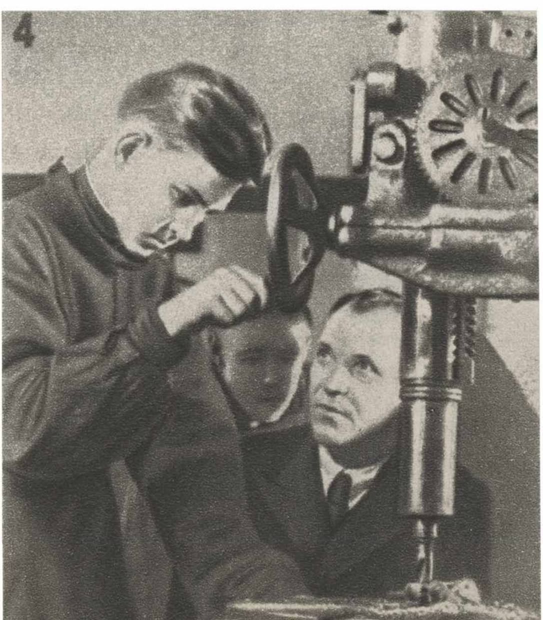
3

Пишет Ваня Жуков «на деревню», что стал он человеком теперь по-настоящему грамотным, одолел вместе со своими товарищами разные науки: математику, русский язык, историю, особенно полюбил физику,— и в классе на занятиях по теоретическим предметам был не из последних.

Да и по своей специальности не отставал от других Ваня Жуков. Мастер производственного обучения Емельянов Иван Григорьевич тер-

зяин бьет чем попадя. А еды нету никакой. Утром дают хлеба, в обед каши и к вечеру тоже хлеба, а чтоб чаю или щей, то хозяева сами трескают. А спать мне велят в сенях... Милый дедушка, сделай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нету никакой моей возможности... Кланяюсь тебе в ножки и буду вечно бога молить, увези меня отсюда, а то помру...»

Так писал, со страхом озираясь на темные окна, в которых отражалась чахлая свечка, Ванька Жуков, один из тех безвестных Ванек, Пашек, Степок, которых в старое время с детства отдавали в ученики. Антон Павлович Чехов в бессмертном своем рассказе «Ванька» дал трогательный, за сердце хватающий, скрашенный печальным юмором портрет несчастного мальчонки, оторванного от родной деревни, засланного в господскую Москву, где он обречен был на голодное существование, без радости, без ласки и без будущего...

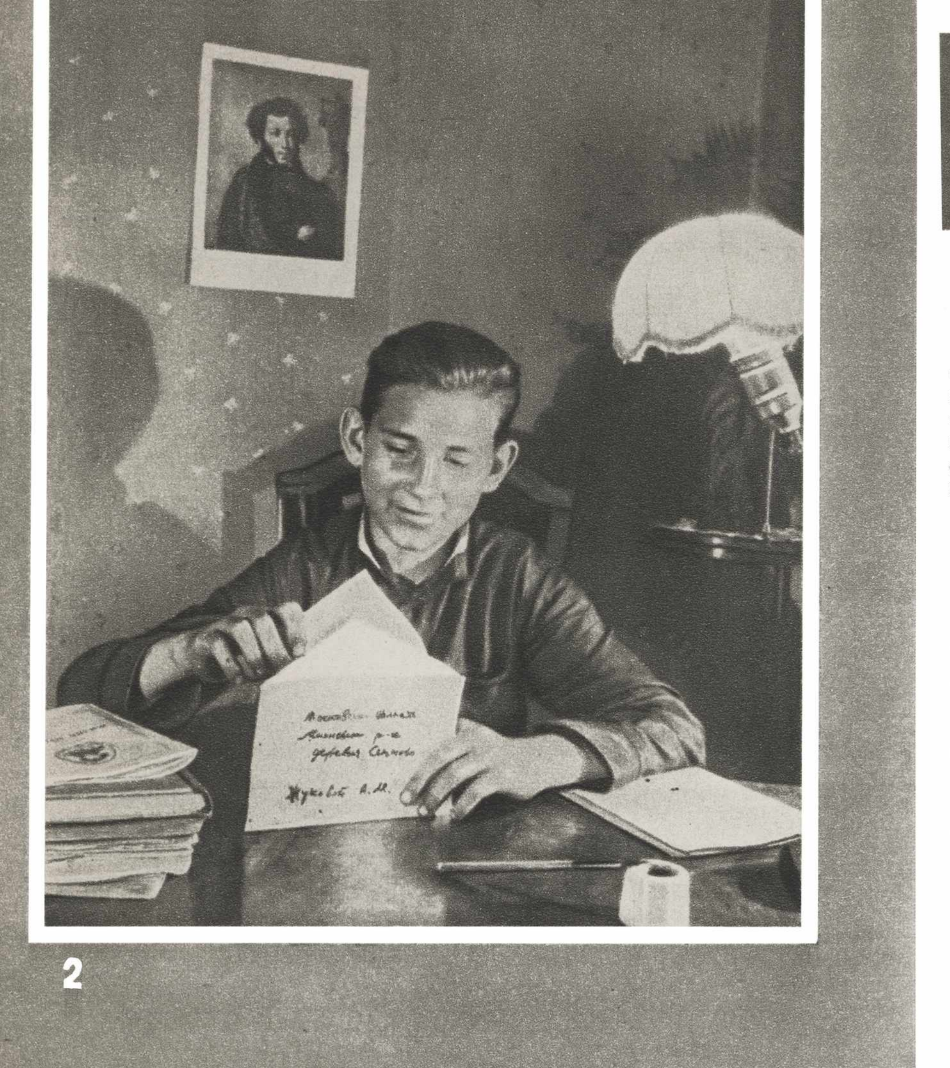

4

5

и его товарищи

пеливо обучал его сперва, как надо молотком правильно бить по чурбачкам, зажатым в тиски, потом показал Ване, как действуют зубилом, как делают канавки в чугунной плите... Вскоре Ваня Жуков постиг, что такое сверловка, шабровка, развертка. Прошло некоторое время, и из окрепших, теперь уже умелых ваниных рук вышли первые инструменты, сработанные им самим: сначала молоток, а вскоре кусачки, циркули, ножовки...

4

И под наблюдением опытного мастера Болотникова Прокофия Семеновича Ваня Жуков научился всему, что должен знать и уметь хороший, квалифицированный слесарь.

5

И еще пишет Ваня Жуков, сроднившийся с дружной семьей питомцев училища, что недавно вместе с товарищами был в Политехническом музее. Рассказывает Ваня, что в свободное время заходит частенько в библиотеку, берет там журналы и интересные книги. А на днях прочел одну замечательную — «Тысяча и одна ночь», сказки такие, что не оторвешься, хоть сам он, Ваня Жуков, уж не маленький и думал, что от сказок поотстал.

И, конечно, давно уже прочел он «Молодую гвардию», а по радио слушал «Сталь и шлак» и «Это было под Ровно»,— слушал все, ничего не пропустив, от начала до конца, сколько ни передавали. Сильно понравилось!..

6

Пишет он в своем письме, что, как и полагается, вся одежда, обувка и питание у него государственные, кормят хорошо, сытно — жаловаться не на что. А зарабатывает он теперь на заводе уже достаточно, так что и на гостинец матери хватает... И живется ему и его товарищам в Москве интересно. Ходят они часто в кино. Есть у них духовой оркестр. А еще имеется и струнный. А ребята-футболисты играют на первенство Москвы среди команд «Трудовых резервов». А зимой ребята из училища отличились по лыжам, когда ходили на первенство Москвы. И сам он, Ваня Жуков, подумывает о мотокружке, куда уже записаны многие его товарищи, и Коля Кузнецов, к примеру, уже научился сам водить быстрый мотоцикл...

7

И еще о многом, наверное, написал бы в своем письме к матери Ваня Жуков, однофамилец и тезка маленького героя из знаменитого чеховского рассказа, недавно попавшегося ему в библиотеке... Но некогда сейчас Ване Жукову писать большие письма. Близится срок выпуска из ремесленного училища. Ваня заканчивает полугодовую производственную практику на заводе. Скоро экзамены. Приготовленные им чертежи токарно-винторезного станка он показывает инженеру-педагогу Степану Васильевичу Ковалеву.

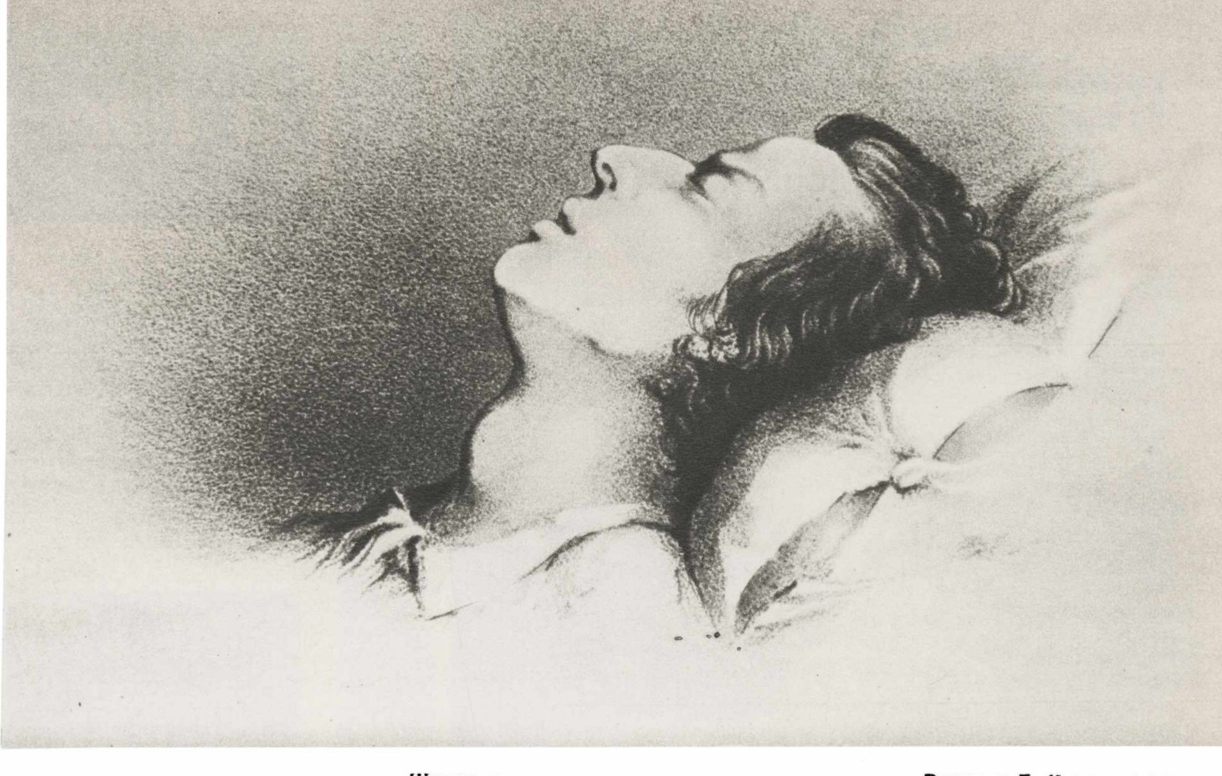
И скоро из дверей ремесленного училища № 4 вместе со своими сверстниками и товарищами выйдет на большую, самостоятельную трудовую дорогу хорошо знающий дело, уверенный в своих силах слесарь Иван Жуков, человек светлой, доброй и такой обычной у нас судьбы.

Сердце Шопена

М. ДОЛГОПОЛОВ

Шопен на смертном одре. Рисунок Т. Квятковского

В годы оккупации Польши гитлеровские грабители вывозили из страны сокровища культуры и драгоценные реликвии польского народа.

Когда из замечательных польских музеев в замки Гитлера и Геринга были отправлены последние вагоны с картинами, гобеленами, утварью, старинным оружием, обер-палач Польши губернатор Франк получил приказ — найти сердце Шопена и увезти его с родной земли.

Фашистские изуверы публично сжигали на кострах и уничтожали ноты с произведениями великого сына польского народа, запрещали в Польше публичное исполнение его произведений. Чтобы вытравить из памяти народа имя Шопена, гитлеровцы хотели украсть и его сердце.

Как известно, сердце Шопена, скончавшегося в Париже, было, по его завещанию, перевезено в Варшаву. Урну с сердцем поставили в нишу костела «Святого Креста», находящегося недалеко от дома на улице Краковское предместье, где в детстве жил маленький Фридерик. До гитлеровского вторжения в Польшу урна хранилась в этой нише. Десятки тысяч почитателей Шопена, приезжавших в Варшаву из разных стран мира, с благоговением приходили поклониться его сердцу.

Верные патриоты Польши понимали, что они должны сберечь драгоценную урну, и тайком вывезли ее за пределы Варшавы.

В 96-ю годовщину со дня смерти Фридерика Шопена, 17 октября 1945 года, в торжественной обстановке, при участии Президента Польской республики Болеслава Берута, урна была вновь установлена в нише костела «Святого Креста» и прикрыта мраморной доской, с высеченными на ней золотыми буквами: «Фридерик Шопен родился 22 февраля 1810 года в Желязовой Воле, умер 17 октября 1849 года в Париже». А немного ниже появилась небольшая мемориальная дощечка: «17 октября 1945 года сердце Фридерика Шопена возвращено в Варшаву»,— надпись, за которой скрывался подвиг группы патриотов, сохранивших священную реликвию не только польского народа, но и всего человечества...

В этом году народ Польши отмечает столетие со дня смерти Фридерика Шопена. Правительство демократической республики придает этому празднованию всенародное значение. В нем примут участие широкие массы населения страны, будут приглашены и многочисленные гости из всех государств, где любят и чтут память композитора.

В течение 1949 года, называемого «шопеновским», будет выпущено новое полное собрание сочинений композитора по автографам и первым изданиям. Изданы письма Шопена, подготовлены к печати сочинения о его жизни и творчестве.

Готовится к постановке художественный фильм о композиторе.

Во всех городах Польши организуется большой цикл «исторических концертов» в тех самых залах (по возможности), в которых выступал Шопен, в те же даты и с теми же программами.

В бывшем имении графа Скарбека «Желязова Воля», где родился Шопен, в парке состоится съезд лучших польских хоров. Они исполнят произведения, получившие премии на специально объявленном конкурсе польских композиторов.

Большую работу по подготовке к празднованию юбилея ведет институт имени Шопена, возглавляемый известным композитором Адамом Венявским: намечено открытие музея в доме по улице Краковское предместье, в Национальном музее организуется шопеновский зал; собираются реликвии, связанные с жизнью и творчеством композитора.

Страна, встающая из руин, в содружестве с Советским Союзом и странами народной демократии добилась огромных успехов во всех областях народного хозяйства и культуры. Миллионы простых людей, для которых прежде сокровища искусства были недоступны, сделались теперь их законными обладателями.

Одним из проявлений этих достижений Польской демократической республики стали мероприятия «шопеновского года» и крупнейшее из них — IV Международный конкурс пианистов имени Шопена. К этому конкурсу музыканты Польши готовятся с особенной тщательностью.

Тем интереснее будет конкурс, в котором наши музыканты, соревнуясь с польскими, покажут и высокий стиль советского пианизма, и исключительную глубину в раскрытии идейно-поэтических замыслов великого польского композитора, благородное сердце которого понимают и чувствуют советские пианисты.

В Советской стране столетие со дня смерти Шопена будет отмечено с большой торжественностью. В многочисленных концертах примут участие советские пианисты — лауреаты международных конкурсов имени Шопена, в консерваториях состоятся конкурсы студентов на лучшее исполнение произведений композитора.

Домик в Желязовой Воле, где родился Шопен. Внизу: памятник Шопену работы скульптора В. Шимановского, вывезенный немцами из Варшавы.

ВСТУПЛЕНИЕ В СПОРТ

В. ВИКТОРОВ

Физкультурники завода «Красный пролетарий». Первый ряд (слева направо): А. Тимаков, Н. Зайцев, Л. Королева, А. Печникова, Л. Тихонова, Н. Широков, М. Степанов. Второй ряд: А. Акимов, Л. Волков и М. Максимов.

Как хорош был этот солнечный день, весь в трепете спортивных знамен, в рокоте мотоциклов, в лихорадочном оживлении гигантского круга Садового кольца!..

До тех пор пока Евгений Федотов наблюдал эту пеструю праздничную суету в группе товарищей — спортсменов «Родины», — таких же молодых, возбужденных, немного растерянных, как и он сам, ребят; пока он видел рядом с собой те же знакомые лица, что и на обычных тренировках на заводском стадионе, те же, что и в цехах «Красного пролетария»,— он не очень волновался. Из-за чего, в самом деле, волноваться? Ведь не новичок он, третий разряд «в кармане»! Сколько соревнований за спиной!

Известна ему и радость победы. Сегодня он тоже постарается быть не последним, хоть и впервые выступает в таком крупном соревновании, как эстафета «Вечерней Москвы» по Садовому кольцу.

Да, сегодня ему придется бежать с крупнейшими мастерами, он увидит рядом с собой популярных столичных бегунов, — и при мысли об этом легкий озноб пробегал по плечам Федотова.

Но вот команда «Родины» уселась в грузовик, машина понеслась по кольцу, и после каждой остановки на этапах все меньше спортсменов оставалось в кузове.

Пора сходить и Федотову. На широкой, залитой асфальтом улице уже переминается с ноги на ногу разноцветная стайка бегунов. Его этап! Федотов выскакивает из машины, машет рукой товарищам и остается в окружении соперников. С ними он поведет борьбу в тот самый миг, когда почувствует у себя в ладони эстафетную палочку, полученную из рук своего товарища по заводу и по легкоатлетической секции — Александра Тимакова.

Молодой, хороший паренек! Совсем недавно пришел на завод из ремесленного училища, а уже работает расточником по пятому разряду. Способный бегун и общественник активный. Недаром его физоргом цеха выбрали. Если пройти назад метров 700, можно увидеть Тимакова, постоять, потолковать с ним. Может, сходить? Нет, не стоит, еще прозеваешь. И в этот момент Федотов увидел высокого гибкого человека в синем тренировочном костюме. Федотов сразу узнал его — Александр Пугачевский. Вот оно как! Евгений Федотов побежит вместе с Александром Пугачевским...

Молодой бегун внимательно наблюдал за легкими, эластичными движениями известного мастера. Все больше народу скапливалось на тротуаре. То и дело проносились милиционеры на своих ревущих голубых машинах. Суетились тренеры и представители команд. Скоро там, на площади Маяковского, будет дан старт, и эстафета стремительно покатится по кольцу. Сколько осталось до старта? И, заставляя себя не думать об этом, Федотов разглядывал улыбающихся зрителей, лица знаменитых мастеров, с которыми ему придется бежать в одном этапе. Да, забег сильный, — что ни участник, то мастер. И сейчас третий разряд, которым он так гордился, казался ему не таким уже большим достижением. Надо завоевывать второй, упорно работать, двигаться вперед...

Летом 1947 года, участвуя в физкультурном параде в колонне ВЦСПС, Евгений Федотов впервые испытал желание стать легкоатлетом. Как это получилось? Почему он раньше не замечал красоты бега? Только лыжами и увлекался. Да и как ему не увлекаться было лыжами, если рядом Ленинские горы? В одном дворе с ним живет известный горнолыжник Кудряшов, совсем рядом Скворцов, недалеко Филатов. Со многими он вместе и крутил слалом на снежных склонах.

Но вот на физкультурном параде, наблюдая забег на пять километров, Федотов словно впервые увидел удивительную, волнующую красоту движения статных, тренированных бегунов. Увидел, с каким увлечением следили за их борьбой переполненные трибуны, как горячо приветствовали победителя. Захотелось и ему выйти на дорожку, устремиться вперед, обгоняя противников, побеждая усталость, чувствуя поддержку зрителей, их волнение.

После Дня физкультурника Евгений Федотов пришел на заводской стадион к Николаю Александровичу Попову.

— Ну, что ж, испытаем тебя,— сказал тренер, — попробуем, на что ты способен.

Евгений Федотов держал экзамен на скорость и на выносливость. Тренер проверил его на стометровой прямой и на четырехсотметровом круге. Пробежал молодой спортсмен и 5 тысяч метров. Тяжелой показалась Федотову его первая стаерская дистанция. На лыжах бегать легче. Но тренер заявил, что заниматься ему следует только стаерским бегом.

Это были трудные дни. После тренировки болели ноги, а у токарного станка не посидишь, выработку снижать невозможно. Ведь он же стахановец! И Федотов старался не отстать ни на беговой дорожке, ни у своего станка...

Через две недели все вошло в норму, усталость исчезла. Ему помогла выносливость, выработанная лыжным спортом. Но одной выносливости в легкой атлетике мало. Нужна еще техника, та завершенная гармоничность движений, которая так поразила его в день физкультурного праздника. И он усердно тренировался три раза в неделю и многого достиг... Многого!

Наблюдая сейчас легкие движения Пугачевского, разминающегося на мостовой, Федотов понимал, что ему, молодому спортсмену, нехватает техники. Чем больше он бегал, тем сложнее казался ему процесс бега, такой простой на первый взгляд. Нет, это — искусство, высокое искусство.

Народ вокруг него заволновался, и кое-кто из бегунов стал стягивать тренировочные блузы. По всему этому Федотов понял, что старт эстафеты дан. Сколько пройдет минут, пока покажутся первые бегуны?

— Идут, идут! — раздались возгласы мальчишек; донесся сигнальный рев мотоциклов.

Бегуны нетерпеливо переминались с ноги на ногу, и вот там, позади, мелькнула спортивная майка.

— Идут!

Только теперь эта мысль дошла до созна-

Евгений Федотов (справа) и Александр Тимаков на тренировке.

Фото Э. Гутгарца

«Кубок СССР» по футболу

В турнире принимает участие свыше 9 тысяч команд

«Кубок СССР».

В отличие от прошлых лет, когда в розыгрыше «Кубка СССР» участвовали лишь сильнейшие команды республик, краев и областей, в нынешнем сезоне Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта допустил к розыгрышу почетного трофея все футбольные коллективы, желающие испытать свои силы в соревновании.

В борьбу за обладание «Кубком СССР» включились несколько десятков тысяч футболистов фабрик, заводов, колхозов, машинно-тракторных станций, высших учебных заведений, учреждений.

Больше 9 тысяч команд принимают участие в этом поистине массовом футбольном турнире.

От городов и сел Российской Федерации выступят 2558 команд, от Украины — 2360, от Белоруссии — 1000, от Грузии — 250, Казахстана — 286, Латвии — 217, Туркмении — 125, Армении — 114 и т. д.

Москва и Ленинград выставляют несколько сот коллективов, Молотовская область — 230 команд, Вологда, где раньше футбол был развит очень слабо, отобрала 50 команд.

Встречи на «Кубок СССР» начались повсюду. Данные, полученные с мест, говорят о большом интересе к этим соревнованиям. По правилам розыгрыша, команда, потерпевшая поражение, лишается права на дальнейшее участие в турнире. Это придает борьбе особую остроту. Очень много матчей кончается с перевесом в один мяч, а то и забитый в добавочное время.

В Челябинске, например, спор между командами «Трудовые резервы» и «Торпедо» был решен лишь на третий день. В первые два дня, несмотря на добавочное время, данное судьей, борьба закончилась ничейным результатом. Лишь третья встреча принесла победу футболистам «Трудовых резервов» со счетом 2 : 1.

В Вологодской области неожиданного успеха достигла недавно сформированная команда Чагодощенского района. Она очень удачно выступила против опытной команды общества «Локомотив» и победила ее. С большим трудом вологодская команда «Спартак» — участница розыгрыша первенства РСФСР — добилась победы над молодым коллективом города Сокол.

В некоторых районах уже закончились игры на «Кубок СССР». В Ташаузе (Туркменской ССР) в финальном матче команда «Спартак» обыграла футболистов общества «Большевик» и завоевала право на дальнейшее участие в розыгрыше. В Ртищеве финальную встречу выиграли молодые игроки общества «Трудовые резервы»: они одержали победу над командой Марксовского района, Саратовской области, с результатом 4:1.

В Сумах после долгой и упорной борьбы в финал вышли опытная команда «Динамо» — чемпион города и области — и молодой коллектив общества «Машиностроитель». В первой половине игры машиностроители оказали серьезное сопротивление динамовцам, часто переходя даже в наступление, которое, однако, не дало им успеха. Но после перерыва футболисты Кобушко и Казбан провели в ворота «Динамо» два мяча и принесли команде «Машиностроитель» заслуженную победу

В разгаре игры на Урале.

В Свердловской области молодая команда ревдинского «Металлурга» обыграла футболистов Бисерти со счетом 4 : 0. Коллектив «Цветмет» после напряженной борьбы одержал победу над сильной командой Ново-Тагильского металлургического завода (2 : 1).

С каждым днем уменьшается число участников состязания на «Кубок СССР»: продолжают борьбу лишь победители. К концу лета настанет момент, когда право завоевывать почетный трофей останется за лучшими из лучших. Они вместе с командами мастеров проведут заключительный этап розыгрыша.

Момент матча между семипалатинскими командами «Динамо» и «Пищевик».

ния Федотова и наполнила его трепетом. Кто там первый? Он понимал, конечно, что первым не может быть Тимаков, что первым не может быть спортсмен «Родины», но все же с надеждой смотрел назад.

«Динамовец! Конечно, динамовец!»

И не успел он подумать об этом, как мимо него легко и пружинисто метнулось длинноногое легкое тело Пугачевского и стало удаляться по мостовой. Один за другим уходили вперед бегуны, а Федотов все стоял, лихорадочно подпрыгивая на месте. Где же он, Тимаков? И тут он увидел в десяти метрах от себя загорелое, взволнованное лицо товарища, палочку, зажатую в его большой, сильной руке, и вот эта палочка, теплая, влажная, уже у него в ладони, и он понесся вперед, от волнения ничего не видя вокруг.

Первое, что Федотов почувствовал, придя в себя, был твердый асфальт под подошвами тапочек. Он привык к упругому грунту беговой дорожки, к мягкому грунту кроссовой дистанции, а тут мостовая. Потом его поразила близость зрителей. Они были совсем рядом, и эта близость побуждала двигаться еще быстрее. И радость этого движения и волнение, которое он испытывал, не шли ни в какое сравнение даже с тем незабываемым бегом в финале кросса Москвы, в Измайлове, когда он прошел 5 километров за 16 минут 48 секунд, значительно превысив норму третьего разряда.

Федотов увеличил темп, обошел какого-то бегуна и вдруг заметил впереди скачущую на месте от нетерпения группку бегунов. Уже финиш дистанции! Он был разочарован: только разошелся — и уже финиш. А где же Лев Волков, товарищ по инструментальному цеху? Ага, вот он, Волков. Скорее же к нему! И желая сейчас только одного — передать поскорее эстафетную палочку, — Федотов сделал еще несколько шагов и вдруг почувствовал, что палочки у него в руке больше нет...

— Молодец, Федотов, хорошо прошел! — услышал он чей-то голос, ощутил ладонь на своем плече; улыбающийся, тяжело дыша, Федотов пошел назад, по улице, к месту своего старта, чтобы взять тренировочный костюм.

Сколько было разговоров на следующий день на заводе! Почти вся команда «Родины» была составлена из бегунов «Красного пролетария». Тут были Толя Акимов, Миша Харламов, Аня Печникова, Лида Тихонова, Люся Королева и другие друзья по совместным занятиям в легкоатлетической секции. Теперь, собравшись все вместе, они обсуждали вчерашний бег, делились впечатлениями, рассказывали о своем волнении. Они часто перебивали друг друга, но это не мешало рассказу. А в цех сколько было разговоров! То и дело к его станку подходили товарищи, чтобы пожать ему руку. И это тоже не мешало работе. Хорошо спорилась она у Евгения Федотова в этот день!

* * *

Мы встретились с этим стройным, черноволосым юношей в завкоме «Красного пролетария», где обычно собираются члены физкультурного коллектива, для того чтобы вместе отправиться на свой стадион.

Евгений Федотов беседовал с Александром Тимаковым. Он интересовался, как идут дела у физорга и выставит ли его цех молодежь для сдачи норм на значок «ГТО».

Федотов, член Совета коллектива физкультурников, представляющий там комсомол, отвечает за подготовку значкистов «ГТО» на заводе.

В комнату заходили все новые спортсмены. Разговор шел и о производственных достижениях и об успехах спортивных. В эти дни на заводе «Красный пролетарий» много говорили о физкультуре. Этим вопросом занимались и в партийном бюро, и в завкоме, и в комсомольском комитете.

После участия в эстафете «Вечерней Москвы» физкультурники «Красного пролетария» решили обратиться ко всем предприятиям Советского Союза с предложением включиться в социалистическое соревнование на лучшую постановку массовой физкультурной и спортивной работы. Это обращение, обсужденное физкультурниками всего завода, было опубликовано в газете «Советский спорт» и вызвало огромный отклик. Спортсмены «Красного пролетария» взяли на себя ряд обязательств. Вот три самых главных из них: подготовить 500 значкистов, 100 разрядников, иметь 1200 занимающихся в спортивных секциях.

Евгений Федотов, судя по всему, играл в этом деле большую роль.

— Восемь годовых норм он уже выполнил, — шепнул мне Толя Акимов. — Это какой же разряд по стахановской, а не спортивной классификации? Как вы думаете?

В этот момент Федотов поднялся, и вслед за ним встали и остальные ребята.

На заводском стадионе легкоатлетов уже ждал Николай Николаевич Шукленков, опытный тренер, сам прекрасный десятиборец. И стадион сразу ожил. Тренировались боксеры, взлетал теннисный мяч, выбежали на поле футболисты, а вот и Федотов встал на старт своей любимой пятикилометровой дистанции. Ему предстояло пройти двенадцать с половиной кругов.

Пока он пробегал мимо нас, все наращивая скорость, тренер рассказывал об удивительной воле этого молодого спортсмена.

— Во что бы то ни стало решил в этом году стать второразрядником, — говорит Шукленков.— Еще 1½ секунды сбросить осталось... По новым нормам, совсем не просто получить второй разряд. Высокие требования!..

На старт вышел Александр Тимаков.

— Пойдешь на три километра,— сказал ему тренер.

И, когда юноша двинулся вперед, добавил, обращаясь к нам:

— А этот уже нынешним летом получил третий разряд. Теперь тоже о втором мечтает...

Легко, красиво, непринужденно двигаясь, глубоко дыша прохладой летнего вечера, бежали по кругу двое молодых рабочих, прочно, навсегда полюбивших спорт.

СКОРОСТНЫЕ РЕЙСЫ РЕЧНИКОВ

Что ни день, к причалам Сталинградского порта прибывают плоты с верховьев Камы. Лес идет на стройки города-героя, перевозится отсюда по железной дороге в Донбасс, сплавляется вниз по Волге и дальше — через Каспий — в Закавказье. В Горький, в Москву, в Ленинград по Волге, Оке, по Мариинской водной системе движутся караваны с нефтью из Азербайджана и районов «Второго Баку». Широко развернулись речные перевозки соли, угля, строительных материалов. По перевозке грузов речной флот успешно выполнил программу первого полугодия.

В соревновании на досрочное завершение послевоенной пятилетки, начавшемся в прошлом году по почину команды волжского парохода «Руслан», участвуют сейчас более двух с половиной тысяч судов всех бассейнов. Уже закончил свой пятилетний план перевозок пароход «Воровский», плавающий по верхнему Иртышу под командованием капитана Черкашина. Команда этого судна дала государству 500 тысяч рублей сверхплановой прибыли.

По инициативе команды парохода «Киров» на Волге, Каме, Северной Двине широко применяется спаренная буксировка большегрузных плотов. Стахановские экипажи доставляют за один рейс по 40—50 тысяч кубометров леса вместо плановых 20—25 тысяч.

В послевоенные годы советская судостроительная промышленность выпустила и продолжает выпускать быстроходные, отлично оборудованные речные суда. Новые грузовые теплоходы, за постройку которых группа работников завода «Красное Сормово» имени А. А. Жданова удостоилась недавно Сталинской премии, отлично показали себя в эксплоатации. Команда одного из таких судов — теплохода «Татария» — во главе с капитаном Седышевым обязалась перевозить грузы с повышенной скоростью. Свое слово речники сдержали. Недавно они доставили из Вольска в Москву цемент, показав за время рейса техническую скорость 304 километра в сутки.

Коллегия Министерства речного флота СССР, заслушав доклад капитана «Татарии» Седышева и механика теплохода тов. Шутова, одобрила почин команды. В соревнование за скоростную перевозку грузов включились экипажи шести однотипных «Татарии» грузовых теплоходов.

Капитан парохода «Руслан» П. С. Букаев.
Фото Н. Капелюша

ЧЕХОВ-СТУДЕНТ

(По материалам архива Московского университета)

Описывая студенческие годы А. П. Чехова, биографы, как правило, дают лишь характеристику его литературной деятельности в этот период. Как учился Чехов, у кого он слушал лекции, — об этом биографы умалчивают.

Из архивных документов, относящихся к студенческим годам Чехова, в литературе упоминается лишь его личное дело, извлеченное из архива Московского университета: в деле хранятся прошение Чехова о принятии его на медицинский факультет, свидетельство и аттестат об утверждении его в степени лекаря и звании уездного врача, а также ряд незначительных справок и документов.

Необходимо было обследовать архив МГУ начала восьмидесятых годов, чтобы найти хоть какие-нибудь сведения об университетских занятиях Чехова. После тщательных поисков мы нашли в делах медицинского факультета за 1879—1884 годы ведомости успехов студентов-медиков за эти годы. Каждая ведомость была заведена одним из профессоров, читавшим определенный курс в течение учебного года. В ведомостях указано, какую дисциплину читал профессор, и в них перечислены студенты, слушавшие его лекции. Против фамилий студентов профессором проставлены отметки — результат годичных испытаний.

В ведомостях мы находим и студента А. Чехова, значившегося как стипендиат (он получал небольшую стипендию из Таганрогской городской управы). Уже на первом курсе, как видно из ведомостей, Чехов зарекомендовал себя способным и старательным студентом. По девяти дисциплинам он набрал 40 баллов из 45 возможных. Зоологию он слушал у А. П. Богданова (1834—1896). Богданов ему поставил за первый курс высшую отметку — «5». Это не случайно. Мы знаем, что Чехов в тот период с восхищением читает Дарвина. «Какая роскошь Дарвин», — говорил Чехов своему брату Александру. Пятерки Чехов получает и по ботанике у Горожанкина, по энциклопедии медицины у Черинова, по неорганической химии у Сабанеева. Четверки Чехову поставили Толстопятов по минералогии, Любимов по физике, Фелькель по немецкому языку. В этом учебном году Чехов получил лишь одну тройку у Зернова — по анатомии здорового человека.

Годичные испытания за второй курс Чехов сдает на «четыре» и «пять» (пять пятерок и пять четверок). Богданов вторично по зоологии ставит ему пятерку. Эту высшую оценку Чехов получает и по неорганической химии у Сабанеева, органической химии у Булыгинского, физиологии у Шереметевского, ботанике у Горожанкина. Толстопятов по минералогии, Тихомиров по фармации и фармакогнозии и Любимов по физике ставят в своих ведомостях против фамилии Чехова оценку «4». Четверку Чехов получил и по гистологии, эмбриологии и сравнительной анатомии у одного из популярнейших профессоров-медиков того времени, А. И. Бабухина (1835—1891). Бабухина Чехов впоследствии вывел в своем рассказе «Скучная история».

На втором курсе Чехов производит и «упражнение на трупах». Эта его практическая работа была оценена на «4».

Но вот начинается 1881—1882 учебный год. Чехов уже на третьем курсе. Количество переводных экзаменов увеличивается до 12. Он успешно их сдает. В ведомостях против его фамилии мы находим лишь одну тройку — по теоретической хирургии у Синицына. Это была вторая и последняя тройка за все время его пребывания в университете. Пять пятерок Чехов получил на экзаменах за третий курс: у Черинова по общей терапии и врачебной диагностике, у Богословского по «минеральным водам», у Нейдинга по токсикологии, у Ельцинского по частной патологии и терапии и у Боброва по учению о переломах и вывихах. По остальным дисциплинам он получает оценку «4» (у Клейна и Шервинского по патологической анатомии, Фохта — общей патологии, Булыгинского — медицинской химии, Макеева — теоретическому акушерству, Найденова — болезням венерологическим и накожным, Тольского — учению о детских болезнях).

Четвертый курс для Чехова был, пожалуй, самым замечательным. Он слушает лекции таких крупных ученых, как Н. Склифосовский, Г. Захарьин, А. Кожевников и В. Снегирев. Больше всех Чехов ценил Григория Антоновича Захарьина — одного из крупнейших терапевтов второй половины XIX века. Недаром Чехов в своей автобиографии писал: «Из писателей предпочитаю Толстого, а из врачей — Захарьина». У Захарьина студенты-четверокурсники проходили «факультетскую терапевтическую клинику», у Склифосовского — «хирургическую факультетскую клинику», у Кожевникова — учение о нервных болезнях, у Снегирева — женские болезни. Склифосовский и Снегирев на годичных испытаниях поставили Чехову «5», а Захарьин и Кожевников — «4». Кроме того Чехов за четвертый курс сдавал экзамены по фармакологии и рецептуре Богословскому (по обеим дисциплинам получил пятерки), оперативную хирургию и хирургическую анатомию Воронцовскому (оценка — «4»), болезни мочевых и половых органов Синицыну (оценка — «4»), клинику детских болезней Тольскому (оценка — «4»), а также часть из офталмиатрии Брауну (оценка — «5»).

Наконец, наступил пятый и последний учебный год студента Чехова. Всю зиму он готовится к годовым зачетам и экзаменам на степень лекаря. Весной 1884 года Чехов успешно сдал 27 годовых зачетов, а вслед за тем — 6 экзаменов и 29 зачетов на степень лекаря.

Результаты экзаменов были следующие: зоология — «5», ботаника — «5», минералогия — «4», физика — «4», неорганическая химия — «5», органическая химия — «5».

На зачетах давались лишь оценки: «удовлетворительно» и «неудовлетворительно».

Университет окончен! Чехов подписывает факультетское обещание, 15 ноября получает аттестат за подписью ректора Боголепова и декана Склифосовского, в котором удостоверялось, что он окончил курс «при очень хорошем поведении и с удовлетворительными оценками и утверждается в степени лекаря и звании уездного врача...»

«Не сомневаюсь, — писал Чехов в своей автобиографии, — занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня, как для писателя, может понять только тот, кто сам врач; они имели также и направляющее влияние, и, вероятно, благодаря близости к медицине, мне удалось избегнуть многих ошибок».

В. ГУРЬЯНОВ

ФАКУЛЬТЕТСКОЕ ОБѢЩАНІЕ.

Принимая съ глубокою признательностію даруемыя мнѣ наукою права Врача и, постигая всю важность обязанностей, возлагаемыхъ на меня симъ званіемъ, я даю обѣщаніе, въ теченіе всей своей жизни, ничѣмъ не помрачать чести сословія, въ которое нынѣ вступаю. Обѣщаю во всякое время помогать, по лучшему моему разумѣнію, прибѣгающимъ къ моему пособію страждущимъ; свято хранить ввѣряемыя мнѣ семейныя тайны и не употреблять во зло оказываемаго мнѣ довѣрія. Обѣщаю продолжать изучать врачебную науку и способствовать всѣми своими силами ея процвѣтанію, сообщая ученому свѣту все, что открою. Обѣщаю не заниматься приготовленіемъ и продажею тайныхъ средствъ. Обѣщаю быть справедливымъ къ своимъ сотоварищамъ — Врачамъ и не оскорблять ихъ личности; однакоже, если бы того потребовала польза больнаго, говорить правду прямо и безъ лицепріятія. Въ важныхъ случаяхъ обѣщаю прибѣгать къ совѣтамъ Врачей, болѣе меня свѣдущихъ и опытныхъ; когда же самъ буду призванъ на совѣщаніе, буду по совѣсти отдавать справедливость ихъ заслугамъ и стараніямъ.

Антонъ Чеховъ

Фото Г. Липскерова

Среди льдов острова Врангеля бродил одинокий медвежонок.

Полярный летчик И. М. Дансергоф привез пойманного медвежонка в Москву. В самолете, затем в поезде и, наконец, в автомашине мишка чувствовал себя неплохо.

В московской квартире летчика мишка заскучал, и летчик подарил его в уголок Дурова.
На новом месте жительства врач В. А. Иванов внимательно осматривает нового питомца. Это не особенно понравилось медвежонку, он даже струхнул немного...

Первая встреча с незнакомым, но явно симпатичным сверстником.

ТАЙНА БУЛАТА

Среди коллекций древнего оружия, собранных в Москве в Оружейной палате, особенно интересна витрина старинных мечей.

Каждый из них — образец редчайшего и неповторимого мастерства неведомых оружейников. Рукояти мечей украшены золотом и причудливой резьбой, сверкают камнями-самоцветами и поражают красотой и тщательностью отделки.

Но не в золоте и камнях ценность такого меча. Самоэ ценное в нем — клинок. Гибкий и твердый, он испещрен замысловатыми узорами, которые то струятся вдоль лезвия, то рассыпаются по металлу решеткой и уступами, а иногда образуют на темном фоне стали светлые, волнистые полосы.

Узоры эти не поверхностны. Хорошо различимые невооруженным глазом, они являются следствием особой структуры металла и глубоко проникают в него. Новая закалка, отпуск, даже перековка не разрушают рисунка, который после всех таких операций восстанавливается с фотографической точностью.

Таков булат — узорная сталь. Таково оружие, разлучить с которым воина могла лишь смерть.

Булат известен со времен глубокой древности. Но секрет его производства был утрачен. Мастера-специалисты утверждали, что искусство приготовления булата исчезло еще в XII веке, все способы забыты и найти их нет никакой возможности.

Но иначе рассудил русский горный инженер Павел Петрович Аносов. Тридцать лет своей жизни провел Аносов на Урале, неустанно работая над повышением качества отечественного металла. Он придумал новый способ закалки стали, разработал новые методы изготовления литой стали и добился того, что златоустовский металл не только не уступал хваленой английской стали, но и превосходил ее.

В конце 20-х годов прошлого века Аносов приступил к работам по воссозданию производства булата.

Результаты своих девятилетних работ в этой области инженер публикует в книге «О булатах», где описывает 184 опыта, поставленных им в поисках таинственного металла. Аносов исследовал сплавы железа с золотом, платиной, марганцем, попутно получив титанистую сталь, и только после всех этих исследований пришел к заключению, что булат является сплавом чистого железа с углеродом и все дело только в соответствующей обработке этого сплава.

П. П. Аносов установил, что главным условием получения булата является неравномерное остывание выплавленного металла. Необходимо, чтобы сталь охлаждалась в том же тигле, в котором была изготовлена,— при этом в ней образуются крупные кристаллы и слоистость, ярко проступающая при ковке.

Ученый доказал, что чем медленнее остывает булатная сталь, тем выше ее качество, тем явственнее на ней узоры. Для того, чтобы различить мало заметный рисунок на первых партиях еще не доведенной до совершенства стали, пришлось применить микроскоп. Аносов, таким образом, является зачинателем металлографии и микроскопического анализа металла.

Работы П. П. Аносова увенчались вполне заслуженным успехом. В 1828 году русский металлург выковал первый замечательный булатный клинок, а затем на протяжении последующих 10 лет создает целую серию булатов, ничем не отличавшихся от древних образцов.

Мечи, изготовленные златоустовскими мастерами по методу Аносова, легко разрубали подброшенный в воздух шелковый платок, в то время как лучшие английские клинки с трудом перерезали тяжелую ткань.

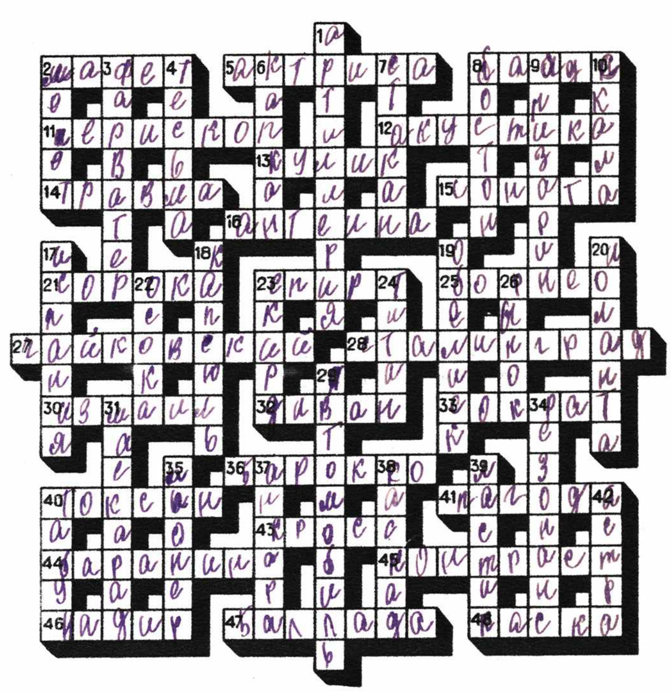
Так, за много лет до наших дней русский инженер разгадал утраченную тайну древнего булата и разработал способы получения высококачественных сталей. Заслуги его в этой области подтверждены недавними трудами профессора А. Виноградова, окончательно разгадавшего «тайну» булата. Советский исследователь, развивая и углубляя аносовские идеи, сумел изготовить булатные клинки с самыми разнообразными узорами. Клинки Виноградова украшены глазками, «ониксовым» рисунком, состоящим из ряда замкнутых концентрических линий, полосами, решетками...

В своих работах профессор Виноградов отдает должное таланту и пытливости выдающегося русского инженера П. П. Аносова, имя которого стоит по праву в ряду замечательных ученых — создателей отечественной металлургии.

Т. БОРИСОВ

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» И. Луковников (город Куйбышев).

По горизонтали:

2. Часть огнестрельного орудия. 5. Профессия. 8. Немецкий композитор. 11. Оптический прибор для наблюдения. 12. Раздел физики. 13. Птица. 14. Повреждение организма. 15. Музыкальное произведение. 16. Устройство в радиотехнике. 21. Птица. 23. Алкоголь. 25. Остров в Индонезии. 27. Русский композитор. 28. Город-герой. 30. Областной центр Украины. 32. Мебель. 33. Древнегреческий философ. 36. Архитектурный стиль. 40. Ядовитое вещество. 41. Индийский храм. 43. Массовое спортивное соревнование. 44. Мясо. 45. Противоположность. 46. Точка, противоположная зениту. 47. Поэтическое произведение. 48. Воинский головной убор.

По вертикали:

1. Род войск. 2. Невнятная речь. 3. Зона плавания пароходов. 4. Плетеная лента. 6. Ловушка. 7. Посуда. 8. Шерстяная материя. 9. Красящее вещество. 10. Утес. 17. Страна на юго-западе Европы. 18. Часть патрона. 19. Памятник. 20. Опера Чайковского. 22. Болотная трава. 23. Большой стог. 24. Исполин. 26. Базар. 29. Средство передвижения. 31. Костюмированный вечер. 34. Отзвук. 35. Член детской организации в СССР. 37. Столица государства в Азии. 38. Водопад, низвергающийся уступами. 39. Резинка. 40. Стадо лошадей. 42. Цветок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 28

По горизонтали:

1. Теннис. 6. Фиалка. 9. «Коляска». 10. Болт. 11. Банк. 13. Корнер. 14. Очаков. 18. Лотос. 19. Балакирев. 20. Кукла. 23. Нахимов. 26. Патруль. 27. Санитар. 28. Роза. 30. Наст. 32. Графит. 33. Гарнир. 34. Карп. 37. Гонт. 38. Карагач. 39. Скрипач. 40. Верблюд. 44. Синус. 45. Воронихин. 46. Сноп. 50. «Хорошо». 52. Провал. 54. Веер. 55. Хром. 56. Наречие. 57. Франко. 58. Толуол.

По вертикали:

1. Тюль. 2. Невод. 3. Скандал. 4. Флор. 5. Осло. 6. Фарадей. 7. Автол. 8. Абай. 10. Баклан. 12. Казань. 15. Родина. 16. Акация. 17. Гудрон. 21. Контрабас. 22. Кассиопея. 24. Капитан. 25. Балаган. 29. Ода. 31. «Сон». 35. Примус. 36. Лавина. 37. Гибрид. 39. Сустав. 41. Диплом. 42. Толокно. 43. Миномет. 47. Роден. 48. Шакал. 49. Сейф. 51. Охра. 52. Печь. 53. Орел.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

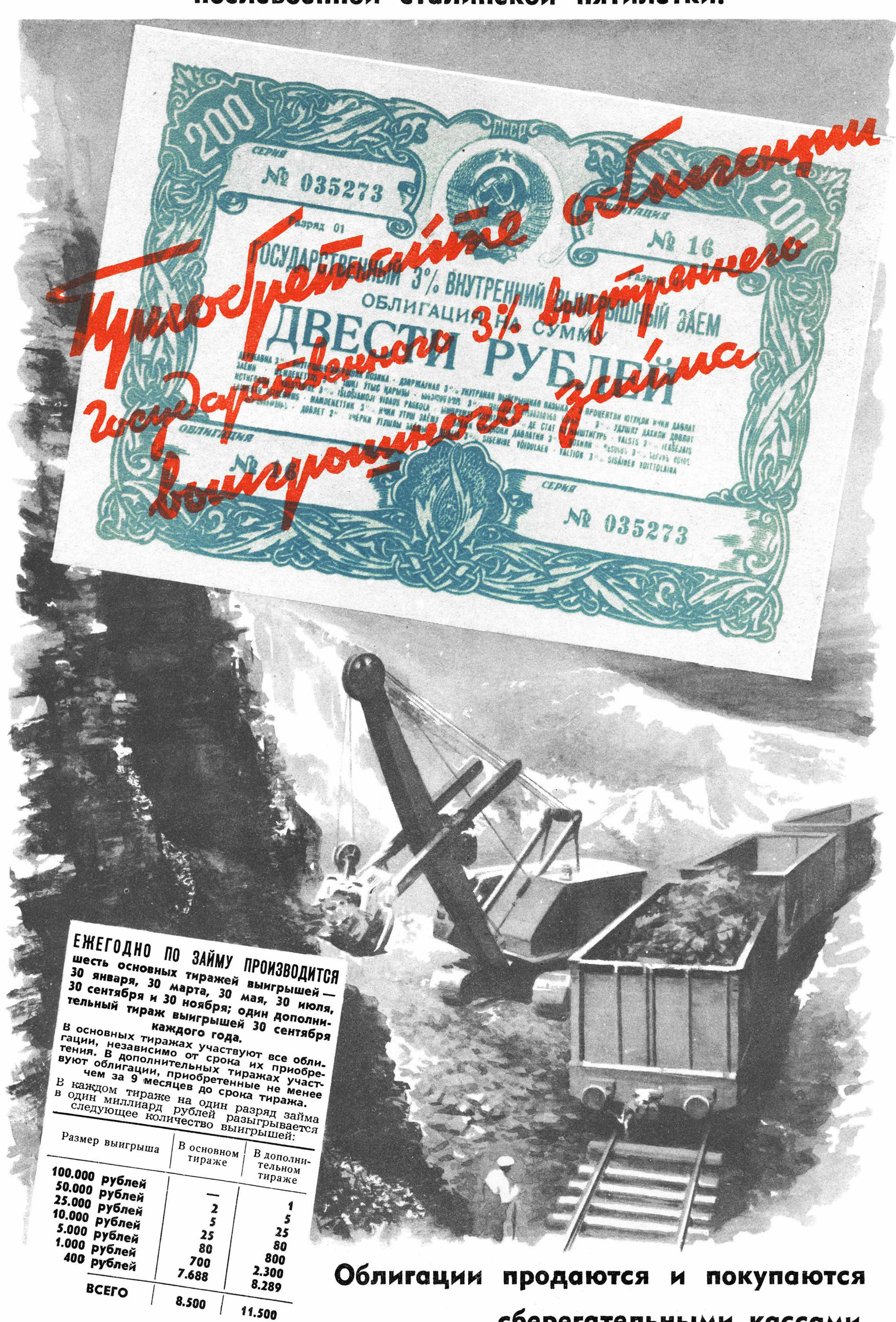
Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А — 05289. Подписано к печати 12/VII—49 г. Изд. № 533. 5½ печ. л. Тираж 350 000. Заказ 1489. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Каждый рубль, отданный взаймы государству, является вкладом во всенародную борьбу за выполнение послевоенной сталинской пятилетки.

Размер выигрыша	В основном тираже	В дополнительном тираже
100.000 рублей	—	1
50.000 рублей	2	5
25.000 рублей	5	25
10.000 рублей	25	80
5.000 рублей	80	800
1.000 рублей	700	2.300
400 рублей	7.688	8.289
ВСЕГО	8.500	11.500

Облигации продаются и покупаются сберегательными кассами.

Авиационный праздник в Тушине.
Парашютный десант.
Цветное фото Б. Кудоярова.